

Лидия Будрик

16+

Непокорное Эхо

Лидия Петровна Будрик

Непокорное Эхо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41648967

SelfPub; 2019

Аннотация

Как заставить себя полюбить нелюбимого и совсем чужого тебе человека, когда ты любишь и любима другим? Вера и Ваня мечтают о счастье. На Покров они загадали сыграть свадьбу, но их планы рухнули, как только барин узнал, что в их селе живет эта юная красавица. На какой отчаянный шаг решилась девчонка, и что уготовила ей судьба-судьбинушка? Эта книга посвящается всем девушкам, которых когда-то выдали замуж против их воли.

Содержание

Глава 1. Белогорье	4
Глава 2. Возвращение	22
Глава 3. Гости	33
Глава 4. Встреча	46
Глава 5. На водопое	79
Глава 6. Яшины	86
Глава 7. Молодежь	99
Глава 8. Ночная незнакомка	112
Глава 9. Прогулка	123
Глава 10. Ссора	159
Глава 11. Дом портнихи	176
Конец ознакомительного фрагмента.	195

Глава 1. Белогорье

Солнце давно скатилось за горизонт, окрашивая небосвод яркими красками заката. Над рекой стелился легкий туман, заволакивая все русло прозрачной дымкой. На село Белогорье надвигались сумерки. Большая луна с трудом проглядывала сквозь седую дымку серой паутины, и только громкое кваканье лягушек, разносилось по всему водоему. Они то умолкали, то вновь заводили свои перекликание, и воздух снова наполнялся их протяжными заунывыми голосами.

Расположившись на цветущем просторном лугу, парни и девушки играли в веселые игры.

Вера забралась на старое раскидистое дерево, устроилась поудобнее на толстом суку, что стелился прямо над водой, и счастливыми глазами смотрела на звезды, что отражались в реке. Склонив голову вниз, она слегка подалась вперед и легонько касалась рукой прохладной воды. Ее длинная пышная коса плавала на поверхности водоема, но девушка этого совсем не замечала. Она застенчиво посматривала то на Ваню, то на отражение лунного отблеска, вслушиваясь в звуки, что доносились со стороны села.

– Косу утопила, – кивнул Иван, указывая глазами вниз.

– Пусть, – отмахнулась девчонка, а сама продолжала лежать на дереве, загребая воду рукой.

Никулов засмотрелся на неё влюбленным взглядом, а сам

боялся пошевелиться. Они спрятались от назойливых глаз в зарослях ивняка, у самой речки, зная наверняка, что здесь их точно никто не найдет. Если только кто-то осмелится, в такую прохладную погоду, нырнуть в реку и уже оттуда разглядеть их в гущи непроходимого кустарника.

Парень тихонько топтался на примятом ивняке и не сводил с Веры своих влюбленных глаз. В полутьме надвигающейся ночи эта юная особа казалась еще красивее, а ее большие карие глаза, словно два уголька, смотрели в его сторону, и счастливая улыбка блуждала на ее красивом загорелом лице.

– Вера! Ваня! Вы где? – услышали они голос Маруси.

– Выйдем или промолчим? – спросила Карнаухова шепотом.

– Давай помолчим. Пусть идут без нас, – тихо попросил ее парень.

Она улыбнулась и затаилась на своем лежбище, стараясь даже не шевелиться.

– Вера! Ваня! Ау! Вы где? – снова звала их подруга. – Мы уходим! Приходите на ригу будем костер жечь!

Послышался смех, и голоса стали спешно удаляться в сторону села. Кто-то из девочек затянул песню, а другие голоса разом подхватили её, и вот уже над рекой звенела протяжная заунылая мелодия, медленно удаляясь в сторону Белогорья.

Подождав еще немного, Никулов тихо сказал:

– Вроде... ушли.

– И что нам теперь делать? – спросила его Вера.

– Не хочу никого видеть, только тебя одну.

– С чего бы это? – кокетливо повела бровями девушка.

Иван сделал шаг вперед, стараясь стать ближе к ней, но оступился и сразу же окунулся ногой в воду. Вскрикнув от неожиданности, он резко вцепился руками за ивняк и начал выбираться на сухое место.

Карнаухова прыснула со смеху и, прикрывая рот ладонью, засмеялась тихим заразительным смехом.

Ваня выбрался из воды и встал на примятые ветки. Он осмотрелся в темноте, а потом совсем тихо, но весело упрекнул:

– Тебе все смешно!

– А мне плакать не с чего! – отговорила Вера и решила покинуть свое убежище.

Она осторожно спустилась по дереву вниз, тихонько обошла Ваню и шагнула на берег. Раздвигая ветви руками, парень пошел следом за ней. Вскоре они очутились на лугу. Башмак Ивана нахлебался воды и теперь издавал неподдельно громкое хлюпанье. Девчонка вновь засмеялась.

– Что ты все смеешься? – ласково сказал Никулов. – Никогда в реку с ногой не ныряла?

– Нет, – весело мотнула она головой, поглядывая на его башмак.

– А я сколько раз! – стал рассказывать он. – В прошлом году по пояс нырнул в самое половодье. В тулупе, в валенках,

еле выбрался! Думал, всё, потону!

Вера в испуге прильнула к нему и ласково произнесла:

– Не надо тонуть, Ванечка. А как же я тогда буду жить без тебя?

Он робко положил свои крепкие ладони ей на плечи, осторожно прижал к себе и, заглядывая в ее смущенное личико, тихо спросил:

– Что ты имела в виду?

– Люб ты мне, – призналась она.

– Люб?

– Люб.

– А уж как ты мне любя! – радостно протянул Никулов.

А сам заглянул в ее застенчивые глаза, стараясь в темноте разглядеть их, потом медленно склонился, намереваясь поцеловать девушку.

Но Вера резко отстранилась от него и возмущенно вскрикнула:

– Ты что это?!

– Так... в щечку, – стал оправдываться парень, – хоть разочек! – виновато проговорил он.

Карнаухова резко повернулась и быстрым шагом пошла от него по лугу в сторону села.

Ване ничего не оставалось делать, как пойти за ней и попытаться примириться. Хлюпая своим мокрым башмаком, он быстро догнал ее, взял за руку, резко остановил и совсем тихо сказал:

– Ну, извини... Рядом любимая девчонка, а я даже ни разу не поцеловал тебя.

– Еще чего! – сердито запротестовала она.

– Ну правда... ребята с девчатами целуются, а мы с тобой все на расстоянии ходим. Обидно даже...

Красивые и влюбленные они стояли рядом. Большая крепкая фигура Никулова слегка склонилась над девушкой, а она теребила свою пышную подмокшую косу и молчала, глядя куда-то в сторону. Иван настороженно заглядывал ей в лицо, стараясь уловить её настроение.

Вера немного помолчала, потом легонько вздохнула, видимо обдумывая, как ей поступить дальше, а потом застенчиво проговорила:

– Если только чуть-чуть...

– Прямо... самую капельку! – расплылся в улыбке Иван и неуверенно склонился к ней.

Он поцеловал ее в губы, совсем робко, нежно, а потом схватил в свои объятия и крепко поцеловал еще раз.

На какое-то мгновение Вера прильнула к крепкой груди сердечного друга и замерла. Но потом словно опомнилась, сразу выставила свои маленькие кулачки вперед, оттолкнула его от себя и тихо, с обидой в голосе проговорила:

– Сказал самую капельку, а сам! – надула она свои пухлые губки и шагнула назад.

– Верка, как я тебя люблю! – ласково шепнул Никулов и протянул к ней свои большие крепкие ладони.

Он взял ее за руку, а сам уверенно предложил:

– Выходи за меня замуж.

– Ты что! – возразила она. – Рано еще! Да и маменька обещала, что могу погулять пока, и замуж она меня, два ближайших года, выдавать не станет. Сказала: я мала еще для замужества. Успею еще, наживусь и наработаюсь в своем хозяйстве.

– А если я посватаюсь? – настаивал парень.

– Боюсь, откажет и тебе. Сказано же, что ближайшие два годика могу погулять и не бояться сватов.

– Вер, два года слишком долго! – напомнил он, не желая так долго ходить в женихах.

– А мне и так с тобой хорошо, – мило отозвалась Карнахова и потянула его за собой.

Но Ваня упирался и совсем не хотел идти к костру. Знал, что там было шумно и многолюдно, а здесь они вдвоем, и им хорошо рядом и спокойно.

– Боюсь, посватают тебя, раньше меня, – не унимался он.

– Так, уже сватались.

– Кто?! – испуганно вскрикнул Никулов и шагнул ближе. –

И ты молчала?!

– Не хотела тебя расстраивать, – честно призналась Вера. – Да и маменька знает, что я тебя люблю, вот и отказала сватам. Не хотела дочку любимую губить, да замуж раньше времени отдавать за нелюбимого. Сказала: пусть погуляет еще.

– И кто же к тебе сватался?

Она повела бровями, улыбнулась своей красивой улыбкой, в нерешительности пожала плечами, обдумывая, говорить или не говорить про то неудачное сватовство. Потом слегка повернулась боком и тихо поведала:

– Герасимовы приезжали. За Кирилла хотели меня сосватать.

– За Кирюху?! Так он же еще совсем сопляк!

– Его родители решили, что уже пора. Только моя мама как сказала, так и будет. Она даже слушать их не захотела.

– А отец?

– Ты же знаешь, что последнее и веское слово в нашей семье всегда остается за мамой. А тятя пожимал плечами и молчал.

– Вер, – сказал Ваня, перебирая её хрупкие пальчики, – давай договоримся так, если что, то мы все говорим друг другу. Ты не просто красивая, а очень красивая! Тебя любой может сосватать. И мы тогда ничего не сможем изменить. Сама знаешь, как часто так бывает: пришли, сосватали, родители согласились и все. А как дальше жить? Я же кроме тебя никого не вижу! Мне никакая другая девчонка не нужна, понимаешь?

– Понимаю, – мило прощепетала Вера и улыбнулась.

– Ты понимаешь, а я боюсь за нас.

– У нас с тобой в запасе целых два года. Так что, успеешь сватов заслать. А я шепну, когда можно уже засылать! –

ласковым голосочком ответила она, успокаивая сердечного друга. – Вот приданное приготовлю, тогда и дам знать. Если только, к тому времени, ты сам не передумаешь на мне жениться.

– Не передумаю, – уверенно заявил Иван и достал из кармана своих штанов два колечка.

Он тут же протянул их Вере и тихо сказал:

– Смотри, что я сделал для нас.

– Что? – настороженно взглянула на его ладонь девушка.

– Колечки.

– Правда?! – подпрыгнула она от радости. – У меня никогда колечек не было, а теперь будет!

А сама взяла и надела его себе на палец, но колечко оказалось большим. Тогда она надела его на правую руку на средний пальчик, и оно оказалось впору.

– Подошло! – радостно оповестила Вера и стала крутить руку, стараясь рассмотреть кольцо в темноте.

– Ходил к дяде Игнату, он всем колечки делает. Попросил его, а он только сказал: «Принеси монетки, и сделаю».

– А где ты взял монетки? – сразу насторожилась она.

– Не бойся, не украл.

Потом помолчал немного и тихо заговорил:

– Пусть это будут наши с тобой обручальные кольца, как знак любви и согласия.

– Обручальные? – улыбнулась Вера. – Говоришь, Кирюха мал, а сам-то?

– Вер, не ходи ни за кого замуж, дождись меня.

– А мы посмотрим! – игриво отозвалась она и потянула его за собой. – Самому-то сколько годков стукнуло? – весело спросила девушка.

– Восемнадцать.

– Ой, – прыснула она со смеху, – сам подрасти еще!

– Я на работу устроился к барину.

– Правда?! – обрадовалась Вера и бросилась к нему в объятия. – И молчишь!

– Думал... не сглазить бы, – пожимал крепкими плечами Никулов, а сам прижал любимую к себе. – Все гадал: возьмут – не возьмут? Может, посмотрят, как я работаю, не понравится и откажут. А барин подошел и сказал: «Работник из тебя хороший, беру»!

– Это же здорово! Работа есть, денег подкопим и свадьбу сыграем! – радовалась Карнаухова. – А я для барыни ска-терти расшиваю. Она вызвала маменьку и сказала ей, чтобы она поторопилась с заказами. Много гостей ждут. Хотят пир устроить, в честь приезда молодого барина.

– Я тоже слышал от деда Никодима, что Громовы ждут возвращения сына из-за границы. Он там на учёбе был. Дома наводят порядок, прислуга все моет, убирают, стирают, пересушивают сундуки, все трусят. Там такая суета!

– И им хорошо, и нам неплохо, – радостно проговорила Вера.

– Лето пройдет, а ближе к зиме сватов зашлю, не отка-

жешь?

– Тебе никогда, – застенчиво ответила она, пряча свои глазки под длинными ресничками. – Главное... ты не передумал бы.

– Не передумаю, – заверил Иван и крепче прижал её к себе.

Но девушка резка отстранилась от него, взяла за руку и потянула за собой, понимая, что их давно ждали друзья и подружки.

Вера была из зажиточной крестьянской семьи. Мать занималась рукоделием, вышивала рушники, да скатерти, вязала крючком и была знатной на всю округу портнихой. Она часто брала заказы от самой барыни, а та щедро одаривала ее, за скорую и качественную работу. Заказов было много, и Вера приобщилась помогать матери. Антонина Павловна обучила дочь правильному шитью, и девушка с радостью садилась за дело, зная, что за это будет и награда. Барыня всегда вовремя получала готовые изделия, оставалась довольна хорошим рукоделием и, помимо денег, жаловала девчонке отрез на платье или юбку, за ее старания.

Вера поначалу отказывалась от ее подарков, стеснялась и даже убегала от нее. Но потом поняла, что Громова от души одаривает ее гостинцами, надеясь, что они и дальше будут принимать от нее заказы и радовать ее красивым шитьем и вышивкой.

Отец вел хозяйство и плел на продажу корзины и лапти.

Он занимался резьбой по дереву, и все его работы успешно продавались на базаре. К труду были приучены и все сыновья, а их было трое: Степан двадцати лет, Филипп – восемнадцать лет, и Николай, которому недавно исполнилось четырнадцать годков. В семье была еще маленькая Полина, пяти лет от роду. Веселая, озорная, с тоненькими косичками, худенькая, с большими карими глазками, она была словно кукла в доме. А учитывая, что в семье занимались пошивом одежды, то и выглядела она как принцесса, меняя незамысловатые наряды один на другой. Девчушку все любили и баловали, но особенно лелеяла ее Вера. Она сама лично шила ей сарафаны, юбочки, рубашечки, вплетала в косички разноцветные ленты, повязывала ей нарядные косыночки, причесывала и наряжала словно куклу. Родители были не против, с умилением поглядывали на своих дочек и радовались, какие они у них растут умницы, красавицы и рукодельницы.

Хозяйство в семье было большое, и за всем надо было присматривать и ухаживать. Весной пахали на лошади огород, затем все семейство занималось посадкой картошки, капали грядки и выращивали овощи, а еще сеяли овес и пшеницу. Летом все дружно заготавливали сено для скота. Все взрослые работали в поле, а в свободное время занимались сбором грибов и ягод, делая припасы на зиму. Женщины варили варенье и солили соленья, а мужчины ходили к реке, ловили рыбу и резали прутья для корзин и лаптей. Вот и сейчас была самая страда заготовки сена на зиму. Рано утром,

еще до восхода солнца, глава семейства с сыновьями вставали и шли на покос. У каждого была своя делянка, и ее надо было успеть выкосить вовремя. Трава в столь ранний час сочная, покрыта густой росой, и косить её, в эту пору, одно удовольствие. От взмаха косы рядки ложились ровно и пышно. Братья вставали один за другим и, вслед за отцом, уверенно шли по лугу, укладывая пахучую траву в аккуратные полосы. А после обеда все дружно спешили на луг, чтобы поворошить хорошо подвядшие ряды. Уже вечером сено привозили на подводах к дому, и вершили омёт.

Стояла горячая пора, и надо было торопиться закончить все в срок. Ведь могут зачастить дожди, и тогда все сгниет там же в рядках, и все труды окажутся напрасными.

Девушки, между делом, умудрялись сбегать на луг и нарвать там спелых ягод, а вечером допоздна варили варенье и делали заготовки на зиму. Здесь же сушились травы для лечения простуд и других хворей. В этом деле необходимо всё вовремя собрать и правильно засушить, а главное – это ничего не упустить.

А уж если случалось быть дождю, то разом откладывали все дела в сторону, и все дружно шли в лес за грибами, которых в большом лесу было в изобилии. Грибы варили и солили в бочках, делая запасы на зиму и для питания в посты. Работы на селе всегда было много, и все без исключения были заняты трудом. Никто и не думал увильнуть или отлынуть, зная, что родителям надо помогать. А-то зимой будет туго

коротать длинные холодные дни впроголодь.

Кроме всего этого, Вера должна была вышивать еще для барыни заказы, а та все торопила её, ссылаясь на скорый приезд из Германии их сына Григория.

Ваня после работы часами простаивал под окном любимой, ожидая, когда она дошьет очередной рушник или скатерть.

Антонина Павловна с улыбкой глянет на дочь, а потом невзначай скажет:

– Кто-то за калиткой ходит. Ай, чужак какой заблудился? Девушка покроется ярким румянцем, ниже опустит голову, а сама, не откладывая работы, проворно работает иглой.

– Иди уже, – не выдержит и скажет мать, – заждался поди.

Вера разом отложила работу в сторону и бросилась к ней. Она с ходу обняла ее, поцеловала в щечку и, тряхнув своей пышной косой, пулей вылетит за дверь, где ее давно уже ждет ее любимый Ванечка.

– Шальная! – улыбалась вслед дочери Антонина Павловна, и счастливая улыбка застыла на ее загорелом лице.

Она видела глаза своей девочки, знала и была уверена, что Вера и Ваня любят друг друга, и лучшей пары для нее не сыскать. Иван добрый, любящий, работающий, сильный и смелый парень, не боится ни работы, ни трудностей. На него можно положиться, и ему можно смело доверить свою любимую дочь. Женщина ждала и верила, что скоро Никуловы зашлют сватов, и тогда она не сможет им отказать: какая мать не за-

хочет видеть счастливые глаза любимой дочери.

Семья у Вани была небольшая – мать, отец и брат Михаил, двадцати лет от роду. Жили они хорошо, дружно, всегда помогали друг другу, родственников не забывали и уважали. Родители работали в поле на барина, имели свое хозяйство и занимались ремеслом. Отцу удавалось делать и продавать хомуты для лошадей. А мать вязала пуховые платки, и они тоже продавались на базаре. Брат помогал кормильцу, а Ваня устроился на работу к барину и теперь ходил у него в конюхах.

Барское семейство жило на окраине села в своем поместье. Сам барин – Владимир Петрович Громов, высокий, крепкий мужчина, с пышной седой бородой, недавно заменил седьмой десяток. Он имел свои мельницы, пекарню в городе и несколько лавок, где успешно продавалась свежая выпечка. На него батрачили несколько близлежащих деревень и сел, а крестьяне исправно платили налоги, и от этого казна Громовых пополнялась и росла.

Барыня Анна Федоровна, пятидесяти пяти лет от роду, ладная женщина, невысокого роста, добрая, отзывчивая и любящая мать. Имела трех дочерей и сына. Дочери жили своими семьями, растили детей и вели свое большое хозяйство. А их последышек, единственный наследник и любимый сыночек Григорий, уехал учиться сначала в город, а следом и за границу на фельдшера.

Вначале кормильцы были против такого выбора, но моло-

дой барин оказал свою настойчивость и смог убедить родителей благословить его на этот нелегкий путь. Барину и барыне ничего не оставалось делать, как дать свое благословение на учебу сына и долгую его отлучку из отчего дома в дальние края на чужбину.

Прошло много лет, и вот пришла весть о том, что Григорий Владимирович возвращается в родное Белогорье и уже здесь займется практикой и врачеванием.

Благодетели давно соскучились по любимому чаду и с нетерпением ждали его возвращения. Да и невесту ему маменька приглядывала, ведь наследнику, которому исполнилось двадцать восемь лет, пора и жениться.

В усадьбе все белили, красили, убрали, вешали новые занавески, стелили на столы узорные скатерти, застилали постели красивыми расшитыми покрывалами, мели дворы, готовили разносолы и угощения. В доме все сияло чистотой и порядком, а еще веяло уютom и теплом отчего дома.

Даже на скотных дворах, в конюшнях и псарне, везде кипела работа. Конюхи сустились у лошадей, мыли их, чесали им гривы и хвосты, чтобы молодой барин мог по достоинству оценить размах родителей, их вкусы и порядки.

На псарне отбирали самых лучших и породистых гончих, на случай если Григорий Владимирович изъявит желание поохотиться, и ему тут же подадут для охоты самых безупречных собак.

Дом у Громовых был знатный, большой, просторный, как

и подобает дворянскому роду: с колоннами, изящными балконами, с летними и зимними верандами, с большим и малым залом для приема гостей. Здесь же располагалось несколько комнат и почивален, куда размещали приезжих в гости родных и знакомых.

За домом господская деревянная баня. Чуть в стороне домик для прислуги, где проживали служанки, сапожники, дворовые девки, кухарки и портные.

По всей усадьбе и в самом доме росло множество цветов, украшая, как комнаты и залы, так и парадную своими диковинными цветами. Перед главным входом был сооружен красивый фонтан, как знак того, что семья богата и может позволить себе такую роскошь.

Недалеко большой чистый пруд, в котором разводили зеркального карпа, и где барин с гостями любил рыбачить. Всюду выстроены мостки, а к ним привязаны лодки, так как гости часто загуливались по несколько дней и тогда могли отдохнуть здесь, наслаждаясь прогулками по водоему.

С одной стороны пруда липовая аллея, а с другой в ряд красовались стройные тополя, скрывая гостей от полуденного зноя. Между высоких деревьев тянулись облагороженные тропинки, по которым приглашенные могли гулять допоздна, вели светские беседы и просто прохаживались, любуясь местными красотами.

С противоположной стороны от дома разместился сад, с многочисленными плодовыми деревьями. А чуть в стороне

каменная конюшня и каретный сарай, где держали в большом количестве лошадей и породистых жеребцов. За ними псарня, там содержали гончих собак для охоты и на продажу.

Чуть поодаль от дома хозяйственные постройки и ферма, где находился скот и домашняя птица. Дальше большой просторный луг, а за ним виднелась березовая роща, плавно переходящая в большой лес. Там барин любил устраивать охоту на дикого зверя со своими друзьями и сродниками.

По приказу барина или барыни все делалось незамедлительно, а за опоздания или промахи слуга лишался части жалования и получал хороший нагоняй. Поэтому вся прислуга старалась выполнять любые приказы Громовых немедленно. Но бывали и поощрения за хорошую работу, когда женщине или девке сама барыня жаловала хороший отрез на платье, а мужикам, которые особо угождали кормильцам, те жаловали премию в денежном размере.

Вот и сейчас все знали, что возвращается молодой барин, и старались выслужиться не только перед хозяевами, но и перед Григорием Владимировичем. Многие из прислуги еще не видывали его, так как уехал он из родного поместья совсем юным и здесь, по разным на то причинам, много чего изменилось. Да и некоторые его не помнят вообще, так как сами в то время были еще малы.

Анна Федоровна своим зорким оком осмотрела все комнаты и залы, побывала на кухне, проверила все веранды и заспешила к парадной. Там тоже окинула всё хозяйским взгля-

дом, прошла по двору, шурша подолом своего пышного платья, заглянула в баню, убедилась, что везде полный порядок и только тогда вздохнула с облегчением. Взволнованная и уставшая она вернулась в дом и присела у окошка. А сама долго всматривалась за ворота на дорогу и с нетерпением ждала скорого возвращения сына.

Глава 2. Возвращение

И наступил день приезда Григория Владимировича. С раннего утра в доме было суетно, всё выбегали и выбегали на крылечко то одна служанка, то другая, поглядеть, не едет ли молодой барин. Иногда и сама барыня нет-нет, да выйдет из парадной, чтобы самой убедиться, не видать ли ее долгожданного сыночка. Больше всех доставалось Варваре. Ее торопили с приготовлениями, посылали то и дело за ворота, дергая девушку по этому поводу, чтобы глянула: не показался ли экипаж, который должен привезти их любимого Григория.

Из своих имений пожаловали и сестрицы с детьми, им также не терпелось увидеть братца. Они давно соскучились по нему, за эти долгие годы разлуки, и теперь нарядные и красивые расхаживали по дому, поправляли прически, осматривали свои пышные платья, поглядывая на себя в зеркала.

По двору вокруг фонтана, под присмотром многочисленных нянек, бегали внуки. Они резвились, кричали и тоже ждали возвращения своего дядьки, которого еще ни разу не видели.

Уже ближе к полудню Варя громко оповестила:

– Едут! Барин едут!

Что тут началось! Все забежали, засуетились, стали кри-

чать и звать друг друга, указывая, что кому делать и куда стать. Дети в испуге и с замиранием сердца смотрели на взрослых и встали рядком, ожидая чего-то особенного.

Варя спешно принесла с кухни на вышитом рушнике большой красивый каравай и подала его барыне.

Та взволнованно приняла его, вытянула хлеб вперед, поправила солонку и вместе с супругом шагнула на ступеньки парадного входа, чтобы встретить своего долгожданного сыночка хлебом и солью, как и подобает по русскому обычаю.

В ряд выстроилась и прислуга, чтобы молодой барин мог сразу всех видеть и знать, кто придет к нему по первому же его зову.

К воротам, поскрипывая, подъехали дрожки, остановились, и на землю сошел высокий и статный мужчина.

Кучер тут же отогнал подводу под раскидистый клен, остановился там и стал осматривать багаж, боясь, что в дороге могло что-то потеряться.

А Григорий уверенной походкой шагнул вперед и замер: перед ним стояло все его семейство. Маменька и папенька, милые сердцу сестрицы с детьми с волнением смотрели в его сторону и не скрывали своей радости.

Племянники, которых он еще ни разу не видел, а только по письмам узнавал о рождении у сестер детей, с неким любопытством разглядывали дядьку всего. Мальчики сняли свои картузы и держали их в руках, а девочки, взявшись за подолы своих красивых платиц, пытались сделать перед

ним реверанс.

Григорий снял картуз, низко всем поклонился и со счастливой улыбкой на лице осматривал всех по очереди.

Первым шагнул к нему барин.

– Григорий Владимирович! – со слезами на глазах и с распростертыми объятиями поспешил вперед отец. – Сынок! Вот так радость! Вот так встреча! С приездом! – радовался Владимир Петрович возвращению сына в отчий дом.

– Отец! – радостно проговорил тот и шагнул ему навстречу.

Они крепко обнялись, потом по русскому обычаю три раза расцеловались, а старый барин не удержался и пустил слезу. Он незаметно смахнул ее ладошкой, потом отошел чуть в сторону и сказал:

– Дай я на тебя налюбуюсь! Какой ты стал! Сокол! – с восхищением осматривал он сына и никак не мог нарадоваться на свое любимое чадо. – Как возмужал! Уезжал-то совсем мальчишкой, а вернулся-то господин!

– Кровиночка моя... – запричитала Анна Федоровна и подошла к сыну ближе, – сыночек мой любимый... приехал! – радостно сказала барыня и заплакала.

– Маменька! – нежно проговорил Григорий и шагнул к ней навстречу.

А сам заключил ее в свои крепкие объятия и нежно произнес:

– Как же я по вам соскучился!

– Вот, хлеб соль отведай, – всхлипывая, предложила она.

Григорий Владимирович взглянул на сестер, понимал, что те тоже ждут, чтобы обнять его, но все же отломил кусок хлеба, макнул его в соль и сразу отправил себе в рот. Он быстро прожевал его и с восхищением похвалил:

– Какой вкусный! Свой! Родной! Такой аромат только в отчем доме бывает, и я помнил его все эти годы. Думал, вернусь, а в доме на столе свой хлебушек, да такой вкусный и ароматный!

– Вернулся! – качая головой, протянула мать и вновь заплакала.

Слуга взял из ее рук каравай и с радостной улыбкой на лице отошел в сторону, понимая, что в такие минуты мешать никак нельзя. Уж больно соскучились хозяева по своему наследнику и совсем этого не скрывали.

– Ну будет, будет, маменька, – успокаивал ее сын, – теперь я здесь и уж никуда более от вас не уеду.

– Мы так рады, так рады... – причитала на радостях Анна Федоровна, утирая слезы платком.

– Погоди, мать, слезы-то лить, – упрекнул ее супруг, – радоваться надо, а мы тут целый потоп устроили.

– Радуюсь... – выдавила из себя женщина и, махнув ажурным платком, вновь залилась слезами.

Григорий взглянул на сестер, те дождались своей очереди и кинулись к нему, а сами стали обнимать его и целовать.

– Все в дом к столу, – позвал громко Владимир Петро-

вич, – обедать будем. Варька! – кликнул он служанку.

На крылечке незамедлительно появилась девушка двадцати лет, пышная, ладная, в белом передничке, и мило пролепетала:

– Слушаю-с, ваша светлость.

– Все ли готово к обеду?

– Как велели, так и готово-с, – радостно отозвалась она и засмотрелась на наследника.

Какое-то время девица молчала, а потом тихо, но с восхищением проговорила:

– Красавчик!

– Что? – строго переспросил ее Владимир Петрович.

– Кушать подано-с! – громко объявила Варвара и быстро скрылась в доме, боясь нарваться на гнев хозяина.

Его крутой нрав она уже знала и лишний раз попадаться на глаза жутко боялась. Но и промолчать не могла, молодой барин и впрямь был красив собой.

Григорий Владимирович изучающе взглянул на прислугу, все разом ему поклонились, а он мило всем улыбнулся и остановил свой взор на старом слуге Прошке.

– Прохор, ты еще служишь! – обрадовался он, что застал старика в живых.

– Служу-с, барин! – отозвался тот, а сам на радостях смахнул слезу и был в восторге от его приезда.

– Рад, что ты дождался меня, – признался Громов и обнял

его за плечи.

Он заглянул в его глаза, наполненные радостью и слезами, и тихо шепнул:

– У нас еще будет время, вспомнить с тобой прошлые годы.

Тот расплылся в довольной улыбке, понимая намеки молодого барина, а сам пуще прежнего залился слезами, не скрывая своего радостного настроения.

А Григорий Владимирович уже осматривал дородных девиц, что служили в их доме.

– Прислуга почти вся поменялась, – пояснила сразу маменька, – кого-то замуж выдали, кто-то сам ушел, а кого-то уже Господь призвал. Но новые работники ничем не хуже старых. Все работающие, исполнительные, покорные.

Он вновь перевел взгляд на маменьку, мило ей улыбнулся, и его сразу же проводили к парадной.

Широкая и просторная лестница, которая вела в дом, тоже изменилась, ее отреставрировали, расширили и покрасили.

Да и внутренность дома встретила наследника своим внешним и обновленным великолепием. Гостиная, устланная бархатными коврами и уставленная множеством цветущих растений, вела в роскошную приемную, с дорогой мебелью, обитой атласом и бархатом. По стенам всюду висели картины, все сплошь в золоченых рамках. Под потолком красовались люстры-подсвечники, которые считались новшеством и роскошью, и украшали гостиные и залы исключи-

тельно знатных людей. На столах множество дорогих серебряных и золоченых предметов – это вазы, шкатулки, которые указывали на достаток и хороший вкус хозяев. Гармонично вписывающаяся лестница вела на второй этаж, где находились барские покои и комнаты для гостей. По бокам витые ажурные балясины с тонкой резьбой, ступеньки стали аккуратнее, тоньше, обновились и перила, и от них все еще пахло свежим деревом и краской.

Стол накрыли в малом зале, так как гостей особо не ждали, а прибытие единственного наследника решили отметить в тесном кругу.

В сопровождении кормильцев, а еще сестриц и кучи племянников, Григорий Владимирович вошел в гостиную, осмотрелся и радостно произнес:

– Как все изменилось! Все по-модному у вас тут теперь.

– Старались! – ответила ему мать и стала рядом. – К твоему приезду готовились! Вот, – указала она рукой на залу, – все подремонтировали, отреставрировали. Твои покои обновили. Напрочь все изменили! – радовалась она, что в доме произошли такие перемены. – Мы подумали: уезжал юным, а вернется совсем зрелым мужчиной. Не к чему все оставлять. Решили сюрприз сделать.

– Да, жизнь не стоит на месте. За десять годков... все везде изменилось... – ответил он задумчиво и шагнул вперед.

Все дружно препроводили его в залу, усадили за праздничный стол и стали потчевать разносолами. Рядом присели

родители, которые все никак не могли наглядеться на свое любимое чадо. Сестры с детьми уселись тут же и не сводили со своего младшенького братца своих счастливых глаз. А Варя уже подавала борщ, зная, что молодой барин уж дюжа его любит.

– И про борщ не забыли! – радостно воскликнул Григорий, поглядывая то на маменьку, то на отца.

– Все помним, касатик ты наш! – сквозь слезы, проговорила Анна Федоровна. – Так ждали, так ждали... Все глазоньки проглядела... Думала, не доживу...

– Что вы, матушка! – ласково смотрел на нее сын. – Вот он я! Приехал и уж более никуда от вас не уеду.

– А что, сын, ты теперь фельдшером будешь у нас? – серьезно смотрел на него Владимир Петрович.

– Думаю, знаний хватит, практика тоже есть. Конечно маловато, но с годами и это придет, – отозвался он.

– Правильно, – вздохнул облегченно отец, – хватит по свету мотаться. Пора и семьей обзаводить, домом, хозяйством.

– Думаю, пора, – согласился с ним сын.

– Внуков дожидаться хотим. А-то стары мы уже становимся. Хочется хоть немного внуков твоих понянчить.

– Здоровья совсем нет, – пожаловалась Анна Федоровна.

– Ну, здоровье ваше я вам обязательно поправлю, для того и учился. А за внуками дело не станет. Вот осмотрюсь маленько, пригляжусь к невестам, – радостно отвечал Григорий. – Кто тут у вас самая красивая в округе? Думаю, и

свадьба скоро состоится!

– Ты выбирай, а наша сваха сосватает тебе самую красивую невесту, какую только пожелаешь! – добродушно смотрела на брата Полина. – Хочешь боярского роду, хочешь княжеского. Ты у нас жених завидный, за тебя любая девушка пойдет.

– Вон какой красавчик стал! – смотрела на него с восхищением Ольга. – Враз тебе невесту сыщем!

– А меня уже многие девицы спрашивали, – вставила свое слово Мария, – когда же Григорий Владимирович вернется? Всем не терпится тебя увидеть.

– С вашей помощью, думаю, и за свадьбой дело не станет, – улыбнулся он, и все принялись есть борщ.

За вкусным и пышным обедом вся семья долго разговаривала, по очереди расспрашивая Григория: что там делается на чужбине? Как ему там жилось? Чему научился у зарубежных светил? Худо или хорошо ему там было? Вспоминали ли он отчий дом? Скучал ли по ним?

А мужчина был безумно рад, что наконец-то его учеба закончилась, и он вновь оказался в кругу самых дорогих и любимых ему людей. Он никого не хотел обидеть и отвечал на все вопросы, что задавали ему сестрицы или родители.

Прислуга стояла тут же и, по взмаху руки барыни, подавали на стол новые угощения и разносолы.

Уже после обеда молодого барина препроводили в его покой. Сестрицы шумно распрощались с ним. А Анна Федо-

ровна дала всем понять, что с дороги Григорию Владимировичу не мешало бы и отдохнуть, а уж все разговоры останутся на потом.

Кучер принес вещи, поставил чемоданы у двери, вежливо откланялся и сразу же удалился.

Громов осмотрелся, немного походил по комнате, но после такого вкусного затяжного обеда и долгой дороги его сморила усталость, и он решил прилечь отдохнуть.

Мешать ему никто не стал. Сестрицы радостные покинули усадьбу родителей и отправились в свои имения, прихватив с собой детей, так как те сильно шумели, а брату с дороги хотелось отдыха и тишины.

Уже лежа на постели, барин внимательно осмотрел всю комнату, и всё ему здесь пришлось по душе: и новые цветные занавески на окнах, и красивые ковры на стенах и полу, резное зеркало, что стояло в уголочке на комодке, его кровать, устланная шитыми покрывалами, и эти подушечки, что лежали в изобилии у его изголовья. Он взял самую маленькую в руки, покрутил ее, залюбовался вышивкой на наволочке и подумал: «Кто же это такая рукодельница, что умеет так красиво вышивать»? Сразу решил, что это маменька балуется или кто-то из сестричек, отложил подушку в сторону, закрыл глаза и вскоре уснул.

Мужчина проспал до позднего вечера, потом нехотя встал и пошел побродил по дому, стараясь разогнать дрему. Ему отдельно подали ужин, он выпил парного молока, а бары-

ня предложила сыну попариться в баньке, которую протопили специально для его приезда. Он тут же согласился и уже вскоре парился в жаркой парилке.

Старый слуга лихо нахлестывал его веником по бокам, стараясь угодить кормильцу.

– Еще! Еще! – просил его Григорий. – Прощка, хлестни еще!

А тот старался, нахлестывал его от души веником, затем поливал на него водой, вновь хлестал, а сам был рад, что он вернулся, и теперь его кормильцы будут спокойно доживать свою старость.

Из бани Громов вышел весь распаренный и разморенный, а утомленный долгим переездом, вновь закрылся в своих поках, скинул с себя одежду, улегся на пышную кровать и уже вскоре уснул крепким сном...

Глава 3. Гости

Приближался Петров пост, в этом году он был коротким и поздним. А в доме решили собрать знатных гостей, по случаю возвращения Григория Владимировича. Все знали, что в посты никакого веселья организовывать нельзя, вот и торопились устроить прием по случаю приезда наследника. Заранее были приглашены богатые соседи, купцы и купчихи со своими красавицами дочками, сестрицы с мужьями, дальние и ближние родственники, кумовья и сватья. Ну и конечно же три знатные семьи, дочери которых были на выданье и уж больно приглянулись Анне Федоровне. Все девушки, как на подбор, хороши собой, умны, очаровательны и могли бы составить хорошую партию их сыну.

Барыня давно приглядывалась к знакомым ей красавицам, интересовалась их родословной, узнавала их нравы, привычки: чем увлекались, какое образование получили, и еще многое о них, что должна знать свекровь о своей будущей невестке. Из всех кандидаток в свои снохи, она выбрала самых лучших и теперь с нетерпением ждала момента, чтобы представить их своему наследнику.

Стол накрыли на летней веранде, покрыли красивыми скатертями, выставили столовые приборы из серебра, а прислуга суетилась тут же и подносила угощения и разносолы.

На кухне живо работали кухарки и повара, которые жари-

ли, парили, пекли и варили. По всему дому стоял вкусный запах свежее испеченного хлеба, пирогов и разных сладостей, а еще ароматный запах свежеприготовленного мяса, рыбы, а также копчений, солений, компотов и киселей.

Хозяева волновались, в ожидании приезда гостей. Григорий вместе с родителями встречал прибывающих у входа, а барин и барыня ему тихонько напоминали, кто именно входил к ним в дом, если он запомнил и кого-то не признавал.

Тут же стоял лакей и громко объявлял очередных посетителей, четко выговаривая каждую знатную фамилию.

– Сазоновы: Николай Иванович с супругой Марией Семеновной и дочкой Софией, – сказал он и стал чуть в сторону, пропуская знатную чету вперед.

Сазоновы уверенно подошли к хозяевам и раскланялись перед ними. Все дружно поприветствовали друг друга, а женщины расцеловались, и Анна Федоровна с радостью представила молодую особу сыну.

– Григорий Владимирович, – тихо сказала она, – знакомьтесь, – это София.

Девушка слегка приподняла подол своего пышного платья, смущенно опустила реснички и сделала реверанс. Потом взглянула на него и мило улыбнулась.

– Очень приятно, – отозвался он и, склонившись, поцеловал её нежную ручку, которую она выставила вперед.

– Когда ты уезжал учиться, она была еще совсем маленькой, – мило расхваливала барыня свою юную гостью. – Но

теперь она стала просто красавица! Умница! А как она на рояли играет! Тебе надо обязательно ее послушать.

– Непременно, матушка, непременно послушаю, – согласался мужчина, а сам внимательно рассматривал симпатичное личико юной особы.

Сазоновы удалились, отходя в сторону, а лакей объявил о новых гостях. В залу вошли Горбуновы и тоже с красавицей дочкой, которой так же не терпелось выйти замуж за молодого барина.

Взглянув на девушку, Григорий улыбнулся, а в душе понимал, что эта юная особа мила, нежна, одета в самые пышные наряды, и эти белокурые кудряшки, что ложились на ее хрупкие и красивые плечики, придавали ей нежности и миловидности.

Он склонился и поцеловал ручку Анастасии, и знатное семейство отошло к столу.

А к ним уже спешили Мишины и тоже с прелестной красавицей.

Барин легонько вздохнул, но ручку девчонке поцеловал, не хотел обидеть маменьку или папеньку, ведь они его так долго ждали. Он совсем не хотел участвовать в этом ужине, а наоборот, намеревался отдохнуть, уединиться, прогуляться по свежему воздуху, обойти все село, посмотреть, как живут люди, узнать, что нового в округе и вообще. Потом взять под уздцы ретивого коня, вскочить в седло и мчаться по этим просторам, сломя голову, навстречу ветру, и радоваться жиз-

ни. Какое же это счастье – скакать на коне по родным полям и лугам, по которым ты скучал, будучи на чужбине, и наслаждаться этой красотой. Но был вынужден присутствовать на званном ужине, который матушка организовала в честь его возвращения, и понимал, что обязан присмотреть себе невесту, из приглашенных ею гостей. Вон как она их всех расхваливает, а это значит, пришлось эти юные девицы ей к сердцу, и она готова любую из них взять себе в снохи.

Пожаловали сестрицы с мужьями и кумовьями. Все нарядно одетые, радостные и веселые, они обнимались с наследником, поздравляли его с приездом и желали ему и родителям – доброго здоровья и радостных дней.

Все гости были тут же приглашены к столу и первый тост прозвучал:

– За возвращение нашего многоуважаемого Григория Владимировича, нашего сына и теперь врача! – громко возгласил Владимир Петрович, глядя в его сторону. – Думал я, что продолжит он мое дело, но судьба распорядилась иначе. И теперь в нашем доме живет доктор и, думаю, люди оценят его труды и будут обращаться к нему за помощью. Выпьемте до дна за молодого доктора!

Гости дружно подняли бокалы, раздался звон фужеров, и все дружно выпили за прибытие Григория Владимировича.

Девицы не сводили с него своих счастливых глаз, кокетливо поглядывая на красавца мужчину, и каждая хотела понравиться ему больше чем другая.

Один за другим знатные дворяне поздравляли с приходом то самого Григория, то родителей, и вновь и вновь все поднимали свои бокалы за здоровье всей дружной семьи.

Громов был со всеми любезен и разговорчив, а самому не терпелось поскорее уйти из-за стола и побыть хоть немного одному. Он мечтал побродить по окрестностям, сходить на речку, искупаться в ее буйных водах, побросать с берега камушки, вспомнить молодость и насладиться этой удивительной тишиной.

Когда-то с деревенским мальчиком вдвоем, они частенько, без разрешения родителей, убегали на реку, и тот учил его бросать камни по воде, да так, что они еще долго прыгали над водой, булькая и подпрыгивая, а потом исчезали на середине водоема. Ему сильно попадало за такие побеги из барской усадьбы от папеньки, и не только ему, но и нянькам, которые не могли усмотреть за подрастающим наследником.

В саду заиграли вальс, это Владимир Петрович расстарался для гостей и пригласил специально с города целый оркестр музыкантов.

Все ринулись на воздух и немедленно устремились в сад, откуда лилась эта приятная мелодия. Сразу образовались пары, которые красиво закружились в шумном вальсе. Мужчины были галантны, они склоняли перед дамами головы, брали свою спутницу за руку, и пары начинали увлеченно кружиться под громкие звуки вальса. В саду стало шумно и весело. Знатные барышни смело и уверенно приглашали Гри-

горя на танец, а он, как настоящий кавалер, не мог отказать им и кружился по саду, меняя партнершу одну за другой.

Стояла жаркая июньская погода. Высоко в небе ярко светило летнее солнце. И только раскидистые деревья спасали гостей от зноя и жары.

Вскоре все вновь перебрались на веранду и уселись за столы, давая передышку себе и музыкантам.

Григорий осторожно достал карманные часы, взглянул на них, тихонько вздохнул и вновь убрал их обратно в карман. Стрелки показывали начало седьмого вечера, и думать о завершении застолья было еще рано. Гости только-только разгулялись, было видно, что все изрядно захмелели и уже вели беседы на другие темы. И только девушки застенчиво поглядывали в сторону молодого барина, желая привлечь его внимание к себе.

Вновь и вновь звучали тосты, следом слышался звон бокалов, и уже изрядно опьяневшие господа снова пили за его возвращение.

В самом разгаре веселья Громов извинился перед маменькой, отошел от гостей и тихонько удалился на улицу. У фонтана он столкнулся со своей сестрицей, она расплылась в улыбке и, заметая подолом своего пышного платья, шагнула брату навстречу.

– Надолго ли изволите отлучиться? – милым голосочком спросила его Ольга.

– Ах, сестрица милая! – обнял ее мужчина за плечи и при-

жал к себе. – Не хочу обидеть маменьку или папеньку, ну уж больно мне хочется пройтись немного одному и отдохнуть от этой суеты и шума.

– А как же гости? – смотрела на него сестра с пониманием.

– Не выдавай своего братца. Скажи всем: что не видела меня, – попросил барин, рассматривая симпатичное личико своей старшей сестренки.

– Маменька назвала гостей в честь твоего приезда, – напомнила ему Ольга Владимировна.

– Жарко, душно, – улыбался виновато Григорий, – да и устал я от них, – честно сознался он.

– А как же девицы, они не обидятся? Ведь маменька специально их пригласила, чтобы тебе не было скучно.

– И невесты никуда не денутся! Вон какие молоденькие! Поди, за день-два не состарятся?

– За год не состарятся! – ответила Ольга и тихонько засмеялась, понимая намерения любимого брата.

– Скажи всем, что ты меня не видела, – шепотом попросил он и поцеловал ее в щечку.

– Хорошо, – согласилась с ним женщина и одарила его счастливой довольной улыбкой.

Он нехотя выпустил ее из своих объятий, махнул ей рукой и сразу заспешил вперед. Отойдя на приличное расстояние, вздохнул с облегчением, понимая, что тут его точно никто искать не станет, а сам свернул на тропинку, что вела на конюшню. Всё здесь было родным и знакомым, и казалось,

что за столько лет ничего не изменилось, только деревья стали выше, да кустарники разрослись вдоль тропинки и стали пышнее и гуще.

Громов засмотрелся в сторону липовых аллей, что тянулись к пруду, но решил, что туда он ходит потом, а сейчас не терпелось взглянуть на породистых скакунов. Он знал и был уверен, что отец держит в своей конюшне дорогих и ретивых коней. Он видел их издалека, оценил вкус и старания родителя, но теперь он рассмотрит их ближе, погладит по загривкам и конечно же прокатится на одном из них.

Ворота были открыты, лошади гуляли тут же в загоне, прячась от жары под большим навесом.

Григорий подошел ближе, остановился и стал рассматривать коней, а на душе было хорошо и легко. В проходе появился дед Никодим, и барин сразу узнал старого слугу.

– Ба! Дед Никодим! Ты ли это? – воскликнул он и пошел ему навстречу.

Тот, шаркая своими растоптанными башмаками, заспешил к барину и, подойдя ближе, радостно проговорил:

– Ваша светлость... Григорий Владимирович... – со слезами на глазах, сказал старый конюх, – вы ли это?

– Я, друг ты мой сердечный! – ответил Громов и шагнул ближе.

А сам с ходу обнял старика, прижал к себе, похлопал его по плечу и, заглядывая в его морщинистое лицо, тут же спросил:

– Ты еще служишь? Я-то думал, ты давно на покое.

– Вот приготовлю себе замену и тогда на покой уйду.

– А есть кому заменить?

– Есть! – радостно сообщил тот. – Вот Ивана взяли мне в помощники, парень молодой, но смысленый. Лошадей любит, работы не боится и ответственный какой. Я уж за ним приглядываю хорошо! – погрозился Семенов своим старческим пальцем, давая понять, что его старого работягу не обманешь и не проведешь.

– Я рад, что увидел тебя и застал здесь на дворе, – добродушно признался Григорий. – Ну давай, показывай наше хозяйство. Уж больно я в городе соскучился по деревенской жизни. Так хочется на коне поскакать, в реке искупаться, на лодке поплавать. В лес по грибы да ягоды походить. А утром с косой на луг пойти, да рядков этак с десятков положить травушки-муравушки рядок к рядку. Соскучились руки по сельскому труду.

– Это хорошо, – качнул головой дед Никодим, – другие так в город рвутся, балы им подавай, развлечения. Все легкую жизнь ищут!

– А есть она, эта легкая жизнь? – серьезно спросил его Громов. – От балов и отдыха тоже устать можно.

– Это вы верно подметили! – согласился с ним конюх. – Они и жалуются, что после балов очень устают, и нет у них сил даже до дома добраться!

Они вместе вошли в конюшню и пошли по узкому прохо-

ду, на ходу рассматривая стойла для коней.

– Большинство лошадей сейчас пасется на выгоне. Там все оградили для них и теперь спокойно оставляем табун на выпасе, – стал объяснять старый слуга. – Слышал, Владимир Петрович планирует на хуторе построить дородную конюшню и уже перевести всех лошадей туда.

– Вроде... далековато.

– Так-то оно так, но летом скотине там будет вольнее и просторнее. Не надо сено возить, соседи не будут ворчать и ругаться.

– А что ругаются?

– Ворчат! – махнул конюх рукой. – Мол, навозом больно воняет в их окна.

– Тогда надо строить конюшню на хуторе, – с улыбкой на лице, согласился он. – Иметь соседа врага, чревато последствиями. Он ведь и спалить может.

– Эти спалят!

– А что еще тут у вас нового? – поинтересовался Григорий, глядя на старика.

Тут в проходе показался Никулов, и барин сразу понял, что это, скорее всего, их новый конюх.

Ваня подошел ближе, склонил перед ним свою лохматую голову, а сам тихо проговорил:

– Доброго вам дня. И с возвращением вас.

– Кто такой? – смотрел на него Громов с любопытством.

– Вот, замена моя, – пояснил дед Никодим, – Ванька Ни-

кулов. Сам Владимир Петрович похвалил его за хорошую работу и взял к себе на конюшню.

– Ну что ж, – развел руками Григорий Владимирович, – парень крепкий, работать, думаю, будет хорошо.

– Уж не подведу вас, – заверил его Иван и вновь склонил перед кормильцем голову.

– Ты уж постарайся не подвести, – попросил его мужчина, продолжая смотреть на нового работника.

– Он парень хороший, – вступился за него Семенов. – У них вся семья работающая, все к труду приучены.

Громов какое-то время молчал, а потом сменил тему и спросил:

– Какие перемены в селе наблюдаются?

– Да много чего произошло! – развел руками старый Никодим. – Вас-то, поди, годков десять тут не было?

– Пять в городе, пять за границей, десять годков и не был, – кивая головой, согласился барин. – А что, девчата у нас в селе красивые есть? – поинтересовался он, глядя на Ваню.

– За десять лет такие красавицы подросли! – радостно сообщил парень. – А вы вечером на луг ходите, они там хоро- воды водят, да песни поют. Вот и посмотрите сами.

– Схожу, непременно схожу, – согласился он и пошел к выходу.

Следом за ним заспешил и старый конюх. А Никулов решил не мешать их разговору, понимая, если что понадобится

ся, то его непременно кликнут.

Они вышли на улицу, остановились, а Григорий осмотрелся по сторонам и уверенно попросил:

– А подай-ка ты мне коня! Так соскучился я за той заграницей по своим полям и лугам. Хочу немного проехать, посмотреть, как люди живут, на речку полюбоваться, на закат.

– А как же гости? – развел руками дед Никодим.

– А я прокачусь и скоро вернусь к ним.

– Ваша воля, – согласился Семенов, махнув старческой уставшей рукой.

– Куда я теперь от вас денусь? – добродушно отозвался Громов. – Отныне поселюсь здесь на веки вечные. Вот врачевать тут буду, людей лечить стану, тебя подлечу.

– Да я уж по старинке, травками балуюсь, – запротестовал конюх. – От микстур и пилюль у меня организм совсем ослабнет.

– Травками – это хорошо, – согласился с ним Григорий.

– Оно вон конь или корова только травкой и питаются. А смотри какая упитанная! Да еще и нас кормит!

– Хорошо, веди мне коня, – улыбнулся ему барин. – А по поводу травок мы с тобой еще поговорим.

– Тогда... Буяна вам выведу, – проговорил конюх и сразу заспешил в конюшню.

Григорий Владимирович остался один, он огляделся вокруг себя, посмотрел в небо и глубоко вдохнул чистого родного воздуха. И так хорошо на душе стало, так отрадно, что

захотелось ему мчаться на коне в неизвестность, и пока конь сам не остановится от усталости. И дышать, дышать этим удивительным воздухом, вдыхать его полной грудью и надышаться за все эти годы, что он жил так далеко от родного дома и от родной земли.

Дед Никодим вывел коня и подвел его к барину. Тот потрепал жеребца по загривку, обошел его спереди и лихо забрался в седло. Он взял поводок в руки, потянул его вправо, отъезжая от конюха и, стукнув жеребца в бока сапогами, лихо помчался со двора.

Семенов спешно перекрестился, потом перекрестил наследника и только видел, как тот скрылся за ближайшим пригорком.

– Ой, что-то я наделал? – заволновался он. – Надо было ему Буяна не давать... Не убился бы. Конь-то необъезженный. И что теперь будет? – запричитал старик и заспешил обратно в конюшню, шаркая своими башмаками по утоптанной конскими копытами земле.

Глава 4. Встреча

Громов мчался по лугу и радовался словно ребенок. Так давно он хотел вернуться домой, попариться в бане, не в городской, а в родной деревенской баньке, и чтоб с березовым веничком. А потом вот так на коне по лугу, до леса и обратно. И чтоб дух захватывало, прямо как сейчас.

Буян сломя голову несясь вперед, унося барина далеко за пределы Белогорья. Теплый июньский воздух ударял ветром в лицо, а он знай, пришпоривает коня своими хромовыми сапогами, а тот мчится напрямки вперед по лугу, и увозит наездника все дальше и дальше от отчего дома. Вдалеке был виден большой лес, вот туда и спешил Григорий, подставляя ветру свое молодое красивое тело.

Подъезжая ближе к лесному массиву, мужчина придержал коня, жеребец тут же замедлил ход и, фыркая, пошел шагом.

В лицо пахнуло сыростью, запахом нескошенных трав, цветов и грибов одновременно. Ярко светило солнце, склоняясь к горизонту. Громко щебетали птички, распевая на все лады. Где-то совсем рядом куковала кукушка, и громко трещала сорока, перелетая с дерева на дерево. Видно, учуяла белобочка незваного гостя и заволновалась, заспешила всех оповестить о приближающейся опасности.

Буян медленно двигался вперед, а Григорий осматривал все в округе и вдыхал всей грудью приятный лесной воздух.

Вот она родина, о которой поэты сочиняют стихи и поэмы, а писатели прославляют в своих романах и рассказах. Вот они родные просторы, луга и поля, что манят и зовут вернуться в отчий дом, на свою кормилицу землю, где ты вырос, где ты жил и должен жить. И даже если ты, по стечению обстоятельств, уехал из тех мест, то обязан возвратиться сюда, заглянуть хоть ненадолго, хоть на часок, хоть на минутку. И ничто не заменит тебе этого родного уголка; он снится тебе во сне, он видится тебе в грезах, и ты скучаешь и тоскуешь по этим до боли знакомым местам. И вот он час, когда ты радуешься словно ребенок, вдыхаешь этот дивный воздух, любишься родимой матушкой природой и ждешь чего-то особенного. А сам, затаив дыхание, движешься вперед и не можешь насладиться этой чудной красотой и этой удивительной тишиной.

Барин проехал по краю леса, подъехал к пригорку, спрыгнул с коня на землю и осмотрелся по сторонам. Вдали стояла большая деревня, она расположилась в низине, окруженная с двух сторон большими просторными лугами, а с третьей стороны болотом. Со стороны же Белогорья возвышался смешанный лес, в который местные жители любили ходить по ягоды и грибы.

Утопая в закате яркого летнего солнца, Воронино мирно погружалось в свои заботы. Ехать туда сейчас Громов не решился, знал, что теперь все в доме волнуются и, наверняка, ищут его. Да и перед родителями неудобно, они столько го-

стей по случаю его приезда назвали, а он взял, да и сбежал от них.

Мужчина привязал коня за дерево, сразу присел на землю, медленно прилег на пахучую траву и стал смотреть в небо. Так хорошо ему было сейчас, так спокойно на душе, что никого он не хотел видеть. Еще успеет выбрать себе невесту, еще успеет наговориться с сестрицами и родственниками, успеет познакомиться со знатными соседями и их красавицами дочками. Все это будет завтра, а сегодня, сердце барина хотело другого – тишины, покоя и гармонии.

Он долго лежал на мягкой траве и никак не мог надышаться этого чудного воздуха. Кругом росли ромашки, кашаицы, колокольчики. Звонко пели птички, перелетая с дерева на дерево. Где-то невдалеке вновь закуковала кукушка, но быстро умолкла. Вновь совсем рядом затрещала сорока и уселась на ветку березы, чуть в стороне, словно хотела прогнать его из этого чудного леса.

– Ах ты, сорока белобока! – с улыбкой на лице проговорил Громов. – Боишься, что разорю твое гнездышко? Так его еще найти надо.

Григорий Владимирович немного полежал так, потом вновь присел, посмотрел вверх на кроны деревьев и улыбнулся.

Трещотка сразу же перелетела на другую березу и уже продолжала щебетать оттуда, поглядывая во все стороны.

Барин посмотрел вдаль, глубоко вдохнул приятного лес-

ного воздуха, намереваясь немедленно вернуться обратно в усадьбу. Но тут он увидел, как к лесу, по дороге от Воронино, шла девушка. Приподняв подол своей длинной цветастой юбки, она быстрой уверенной походкой поднималась на пригорок. Юная особа вышла на дорогу и заспешила по краю лесного массива, видно, направляясь в Белогорье. Громов решил спрятаться и напугать эту смелую девчушку, которая не боялась идти одна за столько километров, да еще в столь поздний час.

Солнце зависло над горизонтом, еще немного и оно уйдет, спрячется, и тогда на землю опустится ночь. А эта отчаянная девочка уверенно вышагивала по проселочной дороге, напевая протяжную песню, и совсем не боялась темноты и диких обитателей леса.

Григорий спешно встал, проворно отвязал коня и, потянув его за поводья, спрятался вместе с ним в зарослях густого орешника. Поглаживая Буяна по морде, мужчина подождал, когда незнакомка войдет в лес, а сам замер, внимательно всматриваясь сквозь густую листву кустарника.

Девчушка подошла совсем близко, она показалась барину очень красивой, такой изящной и милой. Смело прошла мимо орешника, держа в руке свой узелок, и совсем не замечала, что за ней давно наблюдают. Молодая особа тихо напевала себе под нос веселую песенку и быстро двигалась в сторону Белогорья.

Барин не удержался, потянул за собой коня и поторопился

выйти из своего укрытия. Он резко преградил ей дорогу и громко сказал:

– Стой, стрелять буду!

Вера громко вскрикнула, в испуге отпрыгнула за большую старую березу, спряталась за ней и уже оттуда громко выкрикнула:

– Не подходите ко мне! Или я вас огрею палкой!

– А у меня ружье, – предупредил её Громов.

Карнаухова выглянула из своего укрытия, поняла, что у мужчины нет в руках никакого ружья, мельком посмотрела ему в лицо, заметила, что тот улыбается, и быстро спряталась обратно за дерево. Она понимала, что незнакомец не из простых, а из дворянского рода. Весь разодетый в дорогие одежды: новая рубаха с галстуком, которых простые крестьяне вообще не носили, красивая атласная безрукавка, брюки, сшитые из дорогой материи, на ногах хромовые сапоги, начищенные до блеска. И сам весь выхоленный, а лицо красивое и благородное.

– Выходите, я не обижу вас, – пообещал он.

– Вы кто? – спросила его Вера, с замиранием сердца вслушиваясь во все его слова.

– Человек, – с усмешкой отозвался Громов и пошел к ней, держа коня за поводья.

Но тут Карнаухова выбежала из-за березы, выставила вперед палку и угрожающе заговорила:

– Только троньте меня! Я братьям скажу, они вас прибьют

за меня!

– А много у тебя братьев? – с улыбкой смотрел на нее Григорий Владимирович.

– Трое родных и девять двоюродных! – быстро выпалила она.

– Ого! Богато! – согласился мужчина, а сам засмотрелся на девчущку.

Она была хороша собой, видно, что совсем молоденькая, лет четырнадцати – шестнадцати, стройная и изящная, что редкость для сельской местности. Обычно деревенские девушки все пышные, дородные, крепкие телом и здоровьем. А эта мила, нежна, юна и обворожительна. Одета в нарядную цветастую юбку до пят и белую нарядную блузку в мелкий горошек. На грудь спадала длинная пышная коса, которая придавала этой милой особе некой красоты и привлекательности. В руках у нее был небольшой узелок с пожитками или гостинцами. Уже там за березой успела схватить большой сук и выставила его вперед, стараясь защитить себя от неожиданного обидчика.

– Не боишься одна по лесу гулять так поздно? – заморожено смотрел на нее Григорий.

– Не боюсь, – уверенно заявила девчонка, а сама медленно пятилась назад.

– А если не секрет, куда и откуда идешь?

– Иду из Воронино домой, никого не трогаю, и вы уходите! – строго смотрели на него черные как уголек глаза де-

вушки.

– Я не трону тебя, – заверил ее барин, с нескрываемым интересом разглядывая ее всю.

А сам решил уточнить:

– А где твой дом?

– В Белогорье.

– Так это же очень далеко! – приподняв брови, смотрел на нее Громов. – Я вот на коне скакал сюда, да и то показалось мне далековато.

– Всего-то десять километров, – выпалила Вера, намереваясь уйти от незнакомца.

– Может, вместе пойдем? – предложил мужчина, а сам с неким интересом наблюдал за ее действиями и не сводил с девчонки своих зорких глаз.

Такой красивой она ему показалась, такой смелой и отчаянной, но в тоже время милой и нежной. Хоть и держала она в руках палку и угрожала ему сейчас, и лицо ее стало строгим и неприступным, но барин понимал, она другая – добрая и беззащитная. А это так, для страха напустила на себя грозности, чтобы защитить себя, свою честь и свою красоту.

– Никуда мы с вами не пойдем! – смотрела на него Карнаухова исподлобья. – Вы идите своей дорогой, а я пойду своей!

– Так дорога у нас одна до Белогорья! – пожимая плечами, ответил он.

– Вот и скачите один! А я шла и дойду без вас! – воин-

ственно отозвалась Вера и тихонько ступила назад.

Громов сделал шаг вперед, но она тут же выкрикнула:

– Стойте там, где стоите! А-то огрею вас палкой! Будете знать, как к девушкам приставать.

– Да я и не пристаю! – в недоумении развел руками мужчина.

– А зачем тогда прятались в кустах? – умным взглядом посматривала на него девчушка.

– Увидел тебя и хотел спросить: куда идет, в столь поздний час, такое милое и юное создание? Вот и спрятался.

– Прячутся только разбойники! Честному человеку прятаться не за чем! – сделала вывод она и вновь шагнула назад.

– Хорошо, я спрятался, чтобы напугать тебя и пошутить, – честно признался Григорий.

– Пошутили?

– Так понимаю... не совсем удачно, – сознался он.

Вера резко повернулась и, прерывая диалог, быстро заспешила по дороге в сторону Белогорья.

Подождав, когда девушка уйдет немного вперед, Громов забрался в седло, сразу пришпорил Буяна и поехал за ней. Какое-то время он держался от нее на расстоянии, только улыбался, рассматривая её стройную и красивую фигуру, но потом решил и стал быстро её догонять.

Карнаухова, заслышав сзади конский топот, испуганно оглянулась и сошла с дороги в сторону. Приподняв подол своей длинной нарядной юбки, она заспешила по густой тра-

ве, а сама все озиралась на незнакомца, боясь, что тот может ее обидеть.

Мужчина подъехал ближе, сразу придержал коня, вновь расплылся в улыбке и, глядя на неё, уверенно сказал:

– Я бы рад оставить тебя здесь и уехать, чтобы не мешать идти домой, но уже темнеет. А ночью в лесу очень опасно, ты и сама должна это понимать.

– Я часто хожу здесь и знаю все тропинки и дорожки, – взволнованно отвечала ему Вера. – Так что, бояться мне здесь нечего.

– Я мужчина и волнуюсь за тебя, – пытался объяснить барин.

– Откуда я могу знать ваши намерения?

– Намерения у меня самые добрые: я просто решил прокатиться на коне, заехал слишком далеко и встретил здесь вас, милое создание.

– И вы хотите сказать, что вам тоже надо в Белогорье?

– Я там живу.

– Вы живете в Белогорье?! – еще больше удивилась Вера и приостановилась.

– Да, – добродушным голосом отозвался Громов.

Высокий, статный красавец мужчина, с красивой аккуратной бородкой, и эти усы так шли ему, и девушка не могла этого не заметить. Его выразительные голубые глаза весело смотрели на нее из-под темных густых бровей, а на лице блуждала улыбка.

Карнаухова не раз бывала в барском доме по просьбе маменьки или самой барыни, когда относила ей готовое шитье, и знала, и видела, как одевались знатные особы. Она оглядела его с головы до ног, а сама понимала, что не местный, но залюбовалась его благородной внешностью, а чьих будет, догадаться не могла.

– Я знаю в нашем селе всех, но вас там не встречала! – заявила она, глядя ему прямо в глаза.

– Когда я уехал из Белогорья, ты была еще совсем маленькой, – поспешил пояснить он, наблюдая за ее реакцией.

– И чьих вы будете?

– Громов я, – простодушно отозвался он, а сам с улыбкой смотрел в её растерянные глаза.

Вера часто заморгала своими длинными ресничками и в недоумении переспросила:

– Вы хотите сказать, что вы сын Владимира Петровича и Анны Федоровны?!

– Да, я их сын. И зовут меня Григорий Владимирович или просто Григорий.

– Так вот вы какой! – ответила она и окинула его своим оценивающим взглядом. – И чего же вам не сидится дома? Мчитесь тут, людей пугаете! Сидели бы возле папеньки и маменьки, они вон как по вам соскучились!

– А откуда ты знаешь, как они по мне соскучились?

– Знаю! – выпалила девушка и, повернувшись, снова пошла по дороге вперед.

Уже заметно темнело, и надо было добраться до села, пока на землю не опустилась ночь.

Григорий хлестнул коня, быстро догнал свою незнакомку и поехал рядом с ней. Какое-то время они молчали, Карнахова спешила скорее отвязаться от назойливого барина, а мужчина боялся оставить эту юную особу одну в темном лесу. Вера изредка поглядывала на своего попутчика, но делала вид, что совсем не хочет с ним разговаривать, и уверенной походкой шла дальше.

Громову стало неудобно, он такой здоровый и сильный едет на коне, а она идет пешком столько изнурительных километров. И он вновь заговорил:

– Я сказал, как меня зовут, а ты нет. Так нечестно.

– И незачем вам знать моего имени, – отговорила она, не глядя на него.

Мужчина усмехнулся, понимая воинственный настрой девушки, но сдаваться не хотел.

– Может, вы, юное создание, поедете на коне, а я пойду пешком? – предложил он.

Но Вера промолчала, только строго взглянула в его сторону, давая понять, что она на такое никогда не согласится.

– Тогда давай поедем вдвоем, садись ко мне.

– Еще чего! – возмутилась она и остановилась.

Григорий засмотрелся на неё, а сам понимал, что нашел ту девушку, которую искал. И не сравнится с ней ни одна знатная девица, никакого знатного рода: вот она та, которая

волнует его душу, та которую он вряд ли теперь когда-нибудь забудет.

– Тогда, – сказал он и спрыгнул на землю, – я тоже пойду пешком, так будет честнее.

– Ой, барин, уезжали бы вы своей дорогой, – выставила вперед руку Вера, не желая иметь с ним никаких дел. – Я темноты не боюсь, а вот вас боюсь! – пояснила она и пошла дальше по тропинке.

– Но я же не кусаюсь, – улыбнулся Громов и пошел за ней. Буян шагал рядом, изредка пофыркивая и посапывая, он закусывал железные удила, наклонялся к земле, на ходу хватая траву, спешно прожевывая ее и покорно следовал за хозяином.

– Ваш конь пить хочет, – убежденно проговорила Карнахова, искоса поглядывая в его сторону.

– Неужели? – растерянно отозвался Григорий и перевел взгляд на жеребца, стараясь понять: действительно ли тот хочет воды?

– Вы его загнали, вот и хочет ваш Буян пить.

– А откуда ты знаешь, как его зовут? – удивился мужчина её осведомленности.

– Вот сколько я про вас знаю, а вы про меня ничего!

Она повела своими черными бровями, понимая, что заставляет молодого барина теряться в догадках, прибавила ходу и пошла еще проворнее.

Громов вновь догнал ее, зашагал рядом, а сам все смотрел

на девчонку как завороженный.

– Может, скажешь, чья ты? И как тебя зовут? – вновь задал он вопрос.

– Мы с вами сейчас разойдемся и больше никогда не встретимся, зачем же знакомиться и рассказывать о себе что-то?

– Почему не встретимся? Я теперь буду здесь жить, и нам придется встречаться, хочешь ты этого или нет.

– А я сделаю всё и очень постараюсь, чтобы никогда с вами больше не повстречаться! – упрямо твердила Вера, не желая заводить знакомств с барским сыночком.

– Я вам неприятен? – сделал вывод Григорий Владимирович, но совсем не обиделся, а списал эту дерзость на юный характер и на молодость своей спутницы.

– Смысла не вижу в нашем знакомстве.

– Я доктор и смогу тебе помочь, если ты вдруг заболеешь. Даже платы с тебя не возьму.

Вера не удержалась и рассмеялась звонким заразительным смехом. Потом застыла с ослепительной улыбкой на лице, поглядывая на нежданного путника и, вскинув свои черные брови дугой, весело ответила:

– А я не болею! Моя бабушка всех лечит травами, а вы теперь будете всех пичкать своими пилюлями?

– Почему пичкать? Я буду лечить больных людей, которые нуждаются в моей помощи. А если ты совершенно здорова, то это же, Слава Богу!

Они вышли из леса, и их путь лег через луг в сторону Белогорья. Уже совсем стемнело, идти вдвоем было намного спокойнее и веселее. Вера это понимала, но говорить об этом не стала.

Где-то в дали залаяли собаки, а на пригорке загорелся большой костер. Это девчата и парни собрались после трудового дня и устроили игры на берегу реки.

– Что это? – спросил ее Громов, вглядываясь в темноту.

– Это костер.

– Вижу, что костер. А в честь чего?

– В честь вашего приезда, – сказала Вера и усмехнулась, понимая, что соврала.

– И все же... я вам, милая барышня, совсем неприятен, – в расстроенных чувствах проговорил он.

– Спасибо, что не оставили одну в лесу, – поблагодарила она на ходу.

– Может, все же назовешь свое имя?

– Зачем?

– Буду знать, из-за какой девушки потерял покой.

– Не смешно! – осекла его Вера и остановилась.

– А если я серьезно говорю? – смотрел на неё барин.

– Если бы да кабы, во рту росли грибы, а-то за ними в лес ходить надо! – с упреком ответила она.

Григорий тихонько улыбнулся, стал ближе к ней и тихо спросил:

– А ты ходишь на луг водить хороводы?

– Нет! – отозвалась девушка и отпрыгнула от него чуть в сторону.

Но тут же ойкнула, согнулась к земле, взялась за правую ногу и стала прыгать на одной ноге, стиснув зубы.

– Что случилось? – взволнованно спросил барин.

– Ногу уколола... – призналась она. – Видно что-то острое было на дороге...

– Жаль, что плохо видно, – сожалел Громов, стараясь понять: насколько девушка ее сильно поранила.

– Ничего... пройдет... – стиснув зубы, отозвалась Карнахова.

– А говорила, что моя помощь тебе не понадобится. Сейчас приедем, и я осмотрю твою рану, – сказал мужчина и подхватил её на руки.

– Что вы делаете? – вскрикнула в испуге Вера. – Отпустите меня немедленно! Поставьте меня! – дико сопротивлялась она, стараясь вырваться из его сильных рук.

– Или ты сядешь на коня, или я понесу тебя на руках!

– Немедленно отпустите меня, или я стану кричать! – вопила девушка, упираясь своими маленькими кулачками ему в грудь.

– Выбирай, – повторил Григорий Владимирович, пытаясь удержать эту чудную незнакомку в своих объятиях.

– Хорошо, – залепетала она взволнованно, – я сяду на вашего Буяна!

Барин уверенно шагнул к коню, словно пушинку припод-

нял её вверх и усадил в седло.

Вера испуганно озиралась по сторонам, боясь, что в голубой дымке надвигающейся ночи их может кто-нибудь увидеть, и тогда разговоров по селу не оберешься.

– На лошадях верхом ездила когда-нибудь? – поинтересовался он.

– Ездила, – с досадой призналась она. – И откуда вы только взялись на мою голову? – негодуя, проговорила девушка и крепче вцепилась в седло.

Мужчина улыбнулся, а сам посоветовал:

– Ты держись покрепче, а я поведу коня.

Он вновь взял поводья в руки, и они двинулись дальше к Белогорью.

– Такой приятный вечер. Вот и звездочки на небе зазглись. Может, скажешь, как тебя зовут? – вновь пытал ее Громов, не желая отпускать эту милую особу, не узнав ее имени.

– Нет, – стояла на своем Вера.

– Я же все равно узнаю.

– Ну... зачем вам мое имя? – злилась она, поглядывая на него сверху.

– Мы идем с тобой вдвоем, в этой тишине, разговариваем, общаемся, должен же я знать, как тебя зовут.

– Для того, чтобы общаться, не обязательно знать имени, – отозвалась она. – Вы уйдете своей дорогой, я своей. Зачем же загружать себя ненужными мыслями?

– Но я уже загрузил себя! – с улыбкой признался он и оглянулся назад.

– А вы забудьте всё, – взволнованным голосом посоветовала Карнаухова. – Представьте, что вы меня не встречали. Проехали до леса, прогулялись и вернулись обратно один.

– Тогда... с кем я сейчас говорю? – тихо спросил Григорий, и счастливая улыбка застыла на его благородном лице.

– Это эхо вам отвечает. А у него имени нет, – загадочно отозвалась Вера и замолчала.

– Какое красивое Эхо я сегодня повстречал, – задумчиво проговорил барин, а на душе было хорошо и волнительно.

Он поднял голову вверх, и так захотелось ему крикнуть что-то хорошее, красивое, что могло бы порадовать эту юную незнакомку. И чтобы эти слова эхом отозвались, где-то в лесу и вернулись обратно к ним на этот широкий луг. Но сдержал себя, понимая, что такой поступок может напугать девчонку, и она не станет с ним разговаривать вообще. Он смотрел в звездное небо и был рад, что сбежал от гостей и ускакал на Буяне так далеко. А иначе он не встретил бы эту совсем молоденькую и юную девочку, которая так заразительно смеется, которая так умно смотрит на него своими большими карими глазами, а теперь еще так умно ему отвечает на все его вопросы.

Они подошли к селу. Громче залаяли собаки. В некоторых избах тускло горели лампадки у иконок, и эти маленькие огонёчки отражались в ночи, как знак того, что никогда

не угаснет вера в душах людских.

Григорий оглянулся, хотел уже что-то сказать, но своей спутницы в седле не увидел. Куда она исчезла и когда, он так и не понял. Только спешно обошел Буяна со всех сторон, даже попытался вернуться назад, в испуге думая: что та нечаянно свалилась с седла на землю и теперь лежит где-нибудь и вопит от боли. Но вскоре он понял, что эта милая особа просто-напросто сбежала от него, не желая заводить с ним никакого знакомства. Громов с досады качнул головой, немного постоял посреди дороги, потрепал жеребца по загривку и тихо проговорил:

– Ну что, Буян, сбежала наша попутчица... И где теперь ее искать?

Он взглянул на луг, где так ярко горел ночной костер, вслушался в голоса и уверенно сказал:

– Я должен ее найти.

А сам еще раз огляделся и сильно расстроился, что всё так вышло. Хотел позвать девушку, но вспомнил, что не знает её имени, и как звать её сейчас, как крикнуть в эту темноту, которая спрятала такую чудную красавицу под покровом надвигающейся ночи. Одно он знал точно, что это дерзкое создание запала ему в душу.

– Ну что ж, милое Эхо, я все равно тебя найду, чего бы мне это не стоило... – с грустью проговорил он и двинулся по темным улочкам Белогорья к своей усадьбе.

Вера улучила момент и тихонько сползла из седла вниз на землю, понимая, что барин не оставит ее в покое и, скорее всего, привезет к своему дому. А этого девушка боялась больше всего и совсем не хотела ехать в их поместье. Она прекрасно понимала, кто он, а кто она, и появляться в барском доме среди ночи, значит нажать себе врага в лице барыни.

Анна Федоровна давала им работу и обеспечивала доход всей ее семьи. Они жили ее заказами, она одаривала ее отрезами на платья, а она, такая бессовестная, возьмет, да и явится к ним домой, да еще и с их единственным наследником. Такого девушка допустить никак не могла. Она быстро отбежала от дороги в сторону, пригнулась и уже по овражку бегом бросилась в сторону села. Пораненная нога сильно ныла, но Вера знала, что если сейчас она не скроется от барина, то, скорее всего, такого момента у нее больше не будет. Мужчина привезет ее в село и сразу узнает, кто она такая. Она бегом добралась до первых дворов, перевела дыхание, вышла на дорогу и уже спокойнее пошла по селу, слегка прихрамывая на правую ногу.

В расстроенных чувствах Григорий Владимирович подошел к барскому поместью, а там был уже целый переполох. Родители очень расстроились, потеряв любимого наследника, ведь в доме было много знатных гостей, которых специально пригласили по случаю его возвращения.

Барышни заметно нервничали, с обидой поглядывали на

хозяев, ведь они тоже надеялись пообщаться с красивым баринном, а получилось не совсем хорошо. Никто не ожидал от мужчины такого необдуманного поступка, и все надеялись, что он вскоре вернется. Но уже темнело, и гости стали разъезжаться по домам. Громы с виноватым взглядом провожали всех до экипажей, а Анна Федоровна встревоженно твердила:

– Вы уж не обессудьте! Мы и сами не знаем, куда он мог запропасться! Право, нам очень неудобно...

Владимир Петрович в гневе метался по двору и не знал, куда идти и где искать сына. Проводив последний экипаж, он призвал к себе конюха и обрушился на Никодима с упреками и угрозами:

– Ты знал, что молодой барин давно не сидел в седле?

– Откуда же мне знать, – оправдывался перед ним старик.

– Угробил кормильца! – кричал на него Громов. – Буяна дал! Да разве ж можно было ему Буяна давать? Он же еще необъезженный!

– Да как же необъезженный, – напомнил ему Семенов, – вы же сами на нем не раз езживали.

– То я, а-то он! – в гневе наступал на него Владимир Петрович.

Неожиданно из темноты вышел Григорий и сразу успокоил разволновавшегося родителя:

– Простите меня, это я виноват, – сказал он тихо и подошел ближе.

Следом за ним шел и Буян, они остановились, а Григорий Владимирович с сожалением смотрел на старого конюха, понимая, что это из-за него так сильно досталось старику.

– Дед Никодим не мог мне отказать. А мне так хотелось проскакать по лугам, по просторам.

– Разве ж так можно! – шагнул к нему отец, с упреком глядя в его печальные глаза. – Матушка переволновалась! Гости разошлись обиженные! Все хотели с тобой попрощаться, а ты взял и умчался в неизвестность!

– Больше такое не повторится, – заверил его наследник и передал Буяна конюху.

Тот быстро увел жеребца в стойло и поспешил скрыться от грозных очей барина в конюшне.

Какое-то время они стояли молча, глядя в темноте друг на друга, потом Владимир Петрович махнул рукой и первым пошел к дому. За ним шагнул и Григорий, понимая, как сильно он заставил волноваться своих родителей.

Мужчины спешно прошли по тропинке, подошли к крыльцу, сразу поднялись по ступенькам на веранду и вошли в дом. А тут их уже ждала разволновавшаяся барыня. Женщина сидела за столом и плакала, а завидев сына целым и невредимым, встала и бросилась к нему, на ходу вытирая платком слезы.

– Гришенька, сыночек ты наш ненаглядный! – запричитала мать и прильнула головой к его груди. – Что же ты нам не сказал ничего? Мы уже не знали, что и думать!

– Простите меня, что причинил вам столько волнений, – виновато смотрел он на родителей.

– А мы и баньку истопили. Думали, попаришься после такого напряженного дня.

– Замечательно! – радостно протянул Григорий, а сам склонился и поцеловал ее в щеку.

– Тогда иди, там тебе все уже приготовили, – облегченно вздохнула Анна Федоровна и погладила сына по лицу своей уставшей рукой. – А потом Варька подаст тебе чаю.

– И от чая не откажусь, – соглашался он на такой приговор и обнял матушку за плечи.

– Ты уж не заставляй нас больше так волноваться, – тихо попросила она.

– Не буду, обещаю, – заверил он свою мудрую мать.

А сам отстранился от нее и с веселым выражением лица, радостный, заспешил обратно на улицу, где старый слуга приготовил ему баньку с березовым веничком и горячей парной...

Эту ночь Григорий почти не спал, он вспоминал эту приятную встречу с такой красивой и умной девочкой. Она появилась так неожиданно и так же внезапно исчезла, не назвав своего имени. Девушка эхо и девушка загадка. Но такая красивая, такая смелая и дерзкая, а ее черные глаза словно два уголочка смотрели на него из темноты. «Кто ты? И где тебя искать? – вздыхал Громов, в темноте поглядывая в потолок. – Вдруг соврала, что из Белогорья? Вдруг завтра уй-

дет в другое село и ищи ее тогда. Где же тебя найти теперь, голубушка ты моя»? Он долго не мог уснуть, все ворочался, прислушиваясь к голосам за окном. Где-то за селом девушки пели песни и водили хороводы, там было шумно и весело. Но идти туда сейчас мужчина не решился. Знал, что завтра обязательно сходит на луг и познакомится с местной молодежью и, возможно, встретит там свою незнакомку, и обязательно узнает ее имя. Заснул он, когда за окном уже забрезжил голубой дымкой рассвет, и на всю округу горланили горластые петухи...

Наутро Григорий проснулся рано. Немного понежился на пуховой перине, по которой давно соскучился, от души потянулся во все стороны, сразу откинул одеяло и резко встал. Он быстро оделся и вышел из своих покоев в залу. Убедился, что там никого нет и заспешил к выходу.

А сам шагнул на террасу и столкнулся там с сапожником. Чумазый мужчина средних лет, весь в ваксе и совсем Григорию незнакомый, от которого пахло неприятным запахом гуталина, лихо начищал хромовые сапоги, выставляя их рядом один к одному.

Завидев молодого барина, Пантелей встал, раскланялся перед кормильцем и громко сказал:

– Доброго вам здоровьишка, Григорий Владимирович! С приездом вас!

– Спасибо на добром слове, – поблагодарил его Громов. – Чьих будешь?

– Прохоров я. Вот сапожному делу обучен. Сапоги вам чиню, да чищу.

– И шить умеешь?

– Сапоги-то? А как же! – развел тот руками. – Если надобно что, говорите, враз сошью вам самую лучшую обувь.

– Буду знать, – ответил он и спустился по ступенькам вниз.

Там подошел к лавке, на которой стояли ведра с ключевой водой, не раздумывая умылся прямо из ведра, выпрямился, еще раз огляделся по сторонам, никого там не увидел и пошел в конюшню, намереваясь немедленно извиниться перед Никодимом за вчерашнее недоразумение.

Конюх выводил коней в загон и уже вел Буяна. Завидев, как к нему по тропинке быстрым размашистым шагом идет молодой барин, остановился, поджидая его, а сам никак не мог понять, что это ему надобно в столь ранний час в конюшне? Если коней, то приказали бы и ему подали прямо к крылечку хоть экипаж, хоть дрожки, хоть оседланного коня.

Григорий подошел, стал напротив него и серьезно заговорил:

– Ты прости меня, тебе вчера досталось от отца.

– Да что вы, голубчик! – радостно отозвался Семенов. – Я уже и забыл про то!

– Вот и, Слава Богу! – облегченно вздохнул он. – Куда это ты его ведешь?

– В загон, а Ванька их на водопой водит. Вот двух уже сводил, теперь еще двух повел.

– И сейчас он на водопое?

– Повел Гнедую и Малинку, а-то разве ж здесь воды на них напасешься!

– А давай, и я отведу на водопой Буяна?

– Да... что вы, голубчик! – в испуге вытаращился на него конюх. – Не барское это дело!

– А я приказываю! – с улыбкой на лице настаивал Громов и, протянув руку, уверенно взял поводья из рук старика.

Тот нехотя передал ему вожжи, отошел в сторону, тяжело вздохнул при этом, и стал смотреть, как молодой барин лихо забрался на коня и без седла, рысью помчался с конюшни в сторону реки.

Никодим перекрестился сам, вдогонку перекрестил Григория, немного так постоял, глядя ему вслед, и пошел в конюшню за другими лошадьми.

Утро было погожим и теплым. На небе не облачка. Дул легкий летний ветерок. Солнце медленно восходило над горизонтом, и его яркие лучи окрашивали восход золотыми красками лета. Вокруг все оживало. Природа просыпалась от ночной тишины. А в кустах уже на все лады распевали утренние пташки.

Мужчина пришпорил коня и, утопая в нескошенных травах, галопом помчался по лугу.

Никулов подвел лошадей к реке, те сразу склонили свои головы и стали жадно пить. А парень спешно закатал штаны и, разгребая ногами воду, вошел в прохладную реку. От воды

тянуло свежестью и утренним туманом, а Ваня потянулся, оглянулся на лошадей, быстро склонился, сразу зачерпнул в руки воды и плеснул себе в лицо. Стараясь пробудиться от сна, он стал спешно умываться. Вчера допоздна загулялся на лугу, долго ждал Веру, подходил к ее дому, стоял под ее окнами, но она так и не вышла к нему. Немного взгрустнув, он ушел домой, а там быстро забрался на чердак, улегся на сеновал и долго ворочался, пытаясь хоть как-то уснуть. Но сон не шел, и утром он чуть не проспал на работу к барину.

Иван осмотрелся по сторонам, привольно было кругом, красиво. Он вновь потянулся, разгоняя остатки сна, и устремил свой взгляд на восход. Солнце медленно взошло над горизонтом, и округа наполнилась утренним розовым светом.

– Красота -то какая! – восхищался он, наблюдая восход солнца.

Тут со стороны села послышался шум. Иван резко обернулся, всматриваясь на берег, внимательно пригляделся и узнал Буяна, а на нем и барина. Он видел его всего один раз, знал, как все суетились по поводу его приезда домой, как приезжали гости в их имение, а потом в доме начался целый переполох из-за того, что наследник куда-то ускакал на необъезженном жеребце. Он сам лично наблюдал, как Владимир Петрович прибежал на конюшню и обрушился на старого Никодима с угрозами и упреками. В тот момент Никулов очень испугался и притаился за стогом сена, боясь появиться на глаза разгневанного барина. Но все, Слава Богу,

обошлось, и теперь он скачет по широкому лугу прямо к водопою.

Громов придержал коня, взглянул на парня, потом спрыгнул на землю и пустил Буяна на водопой. Он подошел к Ване ближе и, глядя на него, по-доброму поприветствовал:

– Доброе утро.

– Доброе утро, Григорий Владимирович, – отозвался Иван и склонил перед ним свою голову.

– Выходит, Никодим смену себе готовит?

– Готовит, – согласился с ним парень. – Стар он становится. На коня забраться уже не может, да и боится, не удержится в седле. А гоняться за ними, – кивнул он на лошадей, – тут силы нужны и здоровье.

– Жаль, хороший конюх.

– Я вас тоже не подведу, – серьезно заверил он. – Коней я люблю с детства, ухаживать за ними – одно удовольствие.

– Это хорошо! Толковый работник нам нужен, – похвалил его Громов. – А что... у вас тут по вечерам на лугу происходит? – поинтересовался он. – Какую ночь вижу – костры там горят.

– Да так... девки и ребята собираются у речки и костры жгут. Девчонки песни поют и пляшут под гармошку.

– И весело бывает?

– Весело.

– А мне к вам прийти можно?

– Конечно! – добродушно отозвался Иван. – Ваши род-

ственники частенько там бывают. Да и девчата будут рады вас видеть.

– Так уж и рады? – с улыбкой смотрел на него Григорий.

– Вы молодой, красивый, сильный и смелый, девчата таких любят.

– Так уж и красивый? – воскликнул мужчина и расплылся в улыбке.

– Зачем же лукавить, вся ваша красота при вас.

– Обычно о красоте девушкам говорят.

– Они как узнают, что красивые, сразу зазнаваться начинают.

– Я обещаю, что зазнаваться не буду, – улыбался Громов, а сам посмотрел на реку, на другой берег, измеряя его взглядом. – А не искупаться ли мне? – спросил он и вновь взглянул на парня.

– Вода в эту пору совсем еще леденюшая, – предупредил его Никулов.

– Зато я горячий, – уверенно заявил барин и стал стягивать с себя рубаху.

Он стащил сапоги, следом штаны, быстро разделся, прошелся немного вдоль берега, а потом разбежался и нырнул в реку.

Ваня внимательно наблюдал за ним, вода была слишком холодной, и парень слегка поёжился, понимая, как ему сейчас холодно.

Григорий быстро и размашисто проплыл до противополо-

ложного берега, резко повернул и плыл уже обратно.

Никулов вздохнул с облегчение, взял лошадей за уздечки, подождал, когда мужчина выйдет на берег, а потом тихо сказал:

– Я, пожалуй, пойду, с вашего разрешения. А-то там кони ждут водопоя.

– Иди, Ваня, иди, – дал добро Громов и стал быстро натягивать на себя штаны.

Вода была холодная, и в это раннее утро, она особенно обжигало все тело. Но барин был погружен в свои мысли и совсем не заметил холода. Он оделся, постоял так немного, всматриваясь вдаль, потом взял Буяна за поводья и медленно побрел вдоль берега. Его терзали мысли о вчерашней прогулке и такой неожиданной встречи с девушкой. «Кто она? Как узнать, чьих она будет»? Можно, конечно, спросить у Вани, но это могло быть и неосторожным шагом. Потом вспомнил, что девушка поранила ногу и ей, скорее всего, нужна помощь, и, возможно, теперь она будет прихрамывать. Но где найти девчонку с пораненной ногой, он тоже не знал. Тогда твердо решил: вечером обязательно сходит на луг и попытается найти свою беглянку там. А пока появилась мысль, не откладывая, съездить в Воронино.

Григорий Владимирович вернулся домой, а там его уже ждали родители.

Отец с упреком взглянул на сына и тихо сказал:

– Никак ты не хочешь, чтобы за тобой поухаживали! Встал

такую рань, зачем? Нет бы еще понежилась на родительских перинах!

– Доброе утро, мои дорогие, – ответил он радушно и поцеловал в щеку отца, а затем и мать. – Не привык я долго спать. Так захотелось к реке сходить, понаблюдать, как солнце встает, на воду посмотреть.

– Да ты... никак купался?! – в испуге смотрел на него Владимир Петрович.

– Да. И вода такая прекрасная! – заверил их сын.

– Еще заболеешь, чего доброго! – предостерег его отец.

– Не заболею! – поспешил успокоить их Григорий и пошел в дом.

Громов старший хотел что-то сказать, но Анна Федоровна остановила его:

– Оставь его отец, – тихо сказала она, – не видишь в каком он настроении?

– В каком?

– Не влюбился ли он часом?

Владимир Петрович проводил сына недоумённым взглядом, пожал плечами, а потом тихо проговорил:

– Это было бы совсем замечательно! Глядишь, к зиме и свадьбу сыграем.

– погоди, не торопи. Пусть осмотрится, оглядится, к девушкам присмотрится. А женить мы его всегда успеем. Вон какой счастливый сегодня встал! Какими глазами на все смотрит! Такие глаза только у влюбленных бывают.

– Пойдем завтракать, – улыбнулся старый барин и первым пошел в дом.

Варя накрывала на стол, она поставила самовар, подала гречневую кашу с молоком, пышных румяных блинчиков, пирогов, поставила перед хозяевами сметану, мед, варенье и, пожелав всем приятного аппетита, удалилась.

Григорий Владимирович с удовольствием съел всю кашу и принялся за блинчики, смачно намазывая их сметаной и отправляя себе в рот.

А барин и барыня пили чай и наблюдали за ним.

– Я решил съездить в Воронино, – заявил он, поглядывая на родителей.

– Что за нужда тебя туда гонит? – растерянно взглянул на него Владимир Петрович.

– Хочу осмотреться, узнать, как люди там живут? Поспрашивать, может, помощь кому нужна?

– Сынок, Гришенька, – жалобно заговорила Анна Федоровна, – ты бы отдохнул с дороги! Поел домашних пирожков, понежился в постельки. А работа никуда не денется! Соседи зовут нас в гости. Надо будет съездить. Негоже отказывать знатым людям. Узнали, что сын врач и вернулся из-за гранички, теперь в гости нас ждут!

– Ах, маменька, давайте подождем с гостями, – ласково возразил сын. – Моя деятельность заключается в помощи людям. Вдруг, в этот самый момент, кому-то нужна моя помощь. Какой же я врач, если уеду в гости и не помогу боль-

ному.

– Кому надо, те сами за тобой придут! – возразил было отец.

– Но люди не знают, что я приехал.

– Всем в округе уже ведомо, что наш сын вернулся и он у нас доктор.

– Но в Воронино-то не знают, – стоял на своем молодой барин.

– Ну, раз ты так решил, – развела руками Анна Федоровна, – то нам с отцом остается поддержать тебя и ждать.

А сама громким голосом позвала прислугу:

– Варька!

В гостиную проворно вошла служанка, поклонилась перед хозяевами и тихо спросила:

– Звали, барыня?

– Прикажи подать коня Григорию Владимировичу.

– Слушаюсь, – отозвалась девушка и спешно скрылась за дверью.

– Маменька, как я вас всех люблю! – сказал Григорий и взял её руку в свою крепкую ладонь.

А сам склонился и поцеловал её, потом допил свой чай, встал из-за стола, извинился и виновато проговорил:

– Я скоро.

Молодой барин ушел в свои покои, а Анна Федоровна перевела взгляд на супруга, слегка повела бровями, давая понять, что с сыном что-то происходит и, возможно, в скором

времени, ее догадки подтвердятся. Они видели, как вышел он из спальни и стремительно направился к выходу. Барыня допила свой чай, спешно вышла из-за стола и шагнула за сыном.

Следом отзавтракал и Владимир Петрович, он медленно встал, перекрестился на образа и отправился по своим делам.

Анна Федоровна осторожно ступила на балкон, присела там на стул и сверху смотрела на любимого наследника.

Слуга подвел Буяна и передает его в руки Григория. Ничего не говоря, тот лихо забрался в седло, взял в руки поводья, махнул маменьки рукой и, подстегнув жеребца плеткой, быстро помчался со двора, выезжая за ворота усадьбы.

Та перекрестила сына, легонько вздохнула и задумчиво смотрела ему вслед.

Глава 5. На водопое

Вера проснулась, потерла своими маленькими кулачками глаза, легонько потянулась и, откинув одеяло в сторону, присела на кровати. Она сразу осмотрела свою пораненную ногу и поняла, что повреждение не такое уж и сильное. Тут же встала, взяла платье со стула, спешно надела его на себя и, прихрамывая, пошла по дому.

Антонина Павловна сидела за столом и пила чай. Завидев дочь, тут же спросила:

– Что случилось с тобой вчера?

– В темноте наступила на что-то острое и поранилась, – призналась девушка и присела перед ней на стул.

Та склонила голову, приподняла подол ее платья, положила ее ногу себе на колено и стала осматривать рану.

– К бабушке надо. Она травку даст, приложишь, и все пройдет.

– Не дойду я до бабушки, – по-доброму возразила она.

– Зачем так поздно возвращалась? – заругалась на нее мать. – Шла бы днем, так и не поранилась бы.

– Помогла ей в доме: постирала все, пересушила, двор убрала, подмела. Пирогов напекли с ней вместе, хлеба, – стала перечислять она, из-за чего задержалась так поздно в Воронино. – В огороде траву прополола.

– Тогда заночевала бы у нее.

– А вы волновались бы.

– Ладно, – сказала Антонина Павловна, – попрошу Степана, отвезёт тебя на лошади.

– Да нет, не стоит, – запротестовала сразу Вера, – подождите, привяжу, и все пройдет.

– Ну смотри, – согласилась женщина и, вздыхая, призналась, – я-то думала, ты к барыне сходишь, заказ ей отнесешь.

Услышав про заказ и про Громовых, Вера не на шутку перепугалась. Она вспомнила встречу с их сыном и растерянно ответила:

– Маменька, может, ты сама отнесешь?

– Что теперь делать, – смотрела на нее мать, – отнесу к вечеру.

– А я по дому приберусь! – радостно пообещала девчонка и вздохнула с облегчением.

– Ты лучше белье дошей, что барыня заказала. Они, видать, молодого барина обженить намереваются. Вот и шьют, обшивают все для свадьбы. Наверное, их -то портнихи не справляются.

– А они у них неумехи! – на веселой нотке ответила девушка и налила себе в кружку чай. – Не шить, не вышивать не умеют.

– Пойду, может, барина молодого увижу. Дюжа мне хочется на него поглядеть. Уж около десяти годков в родном доме-то не бывал.

– Вот и славненько, – тихо шепнула Вера.

– Что? – не расслышала ее слов матушка.

– Я говорю: сходи, посмотри, – весело отозвалась дочка и встала со стула.

Она словно пушинка выпорхнула из дома и скрылась в сенцах, напрочь забыв про больную ногу.

Антонина Павловна проводила ее взглядом, улыбнулась и, вздыхая, сказала:

– Вот шальная!

А Вера спешила на речку, она знала, что в это время Ваня водит лошадей с барской конюшни на водопой. Она так хотела увидеть любимого друга, поговорить с ним, прижаться к нему, ведь они не виделись целый день, и уже успела соскучиться по нему.

Слегка прихрамывая, она пробежала по тропинке, вышла к реке и еще с пригорочка увидела своего любимого Ванечку. Он, закатав штаны, стоял в воде и мыл барского жеребца.

В небе ярко светило солнце, отражаясь в реке яркими полосками света. Стояла теплая июньская погода. По небу плыли редкие легкие облачка, а в воздухе пахло нескошенными травами и цветами.

Где-то на лугу громко заржал конь, а ему эхом тут же отозвалась кобыла. Животные словно переговаривались, словно давали понять друг другу, где они находятся.

Вера приподняла подол своей длинной юбки, тихонько спустилась с пригорка вниз, подбежала к реке и, осторожно ступая по воде, подкралась к парню сзади. Она ущипнула

его за спину, а тот вздрогнул от неожиданности, резко обернулся и, увидев любимую, мгновенно расплылся в радостной улыбке.

– Доброе утро, – мило прошептала Карнаухова и прильнула к нему.

– Доброе утро, – отозвался Никулов и бросил тряпку в воду.

Он мокрыми руками обнял её за плечи и нежно прижал к себе, да так и застыли они, по колено стоя ногами в воде.

– Где ты вчера была? Я тебя ждал, ждал, – с упреком сказал Ваня.

– К бабушке в Воронино ходила, надо было помочь, – ласково пояснила она.

– Помогла?

– Помогла.

– Как ты не боишься одна ходит так далеко?

– Зверей я не боюсь, да и безобидные они сейчас. А от людей, если их вижу, сразу прячусь.

– Верка, я боюсь за тебя, – честно признался парень.

– Я же здесь с тобой, чего же ты боишься? Я вернулась, я стою в твоих объятиях, и тебе нечего бояться.

Никулов тяжело вздохнул, потом немного помолчал и тихо сказал:

– Я к дому подходил, а ты даже и не выглянула в окошко.

– Я по дороге ногу поранила, да и устала сильно. Пришла, упала на постель и мгновенно уснула.

– А что с ногой? – заволновался сразу Иван.

– Да так, пустяки, – отмахнулась она. – В темноте на камень наступила, но идти было очень больно.

– А ко мне утром барин молодой приходил сюда. Купался тут в реке. Вода такая леденящая, а он скинул одежду и нырнул в воду! И поплыл так красиво.

Услышав про барина, Вера насторожилась. Она поняла, что не сможет рассказать Ване про ту вчерашнюю их встречу по дороге из Воронина. И, не зная зачем, тут же спросила:

– И какой он?

– Вообще... такой здоровый, крепкий, приятный в разговоре и красивый, – выпалил Ваня.

– Так уж и красивый? – с усмешкой переспросила она.

– Тут не соврешь! И на вид, такой добрый, понимающий. Барин и барыня по случаю его приезда гостей назвали, а он от них в лес ускакал. Вот они тут переполох устроили! Все его искать стали! На деда Никодима накричали! Гости расстроенные по домам разъехались! А он вернулся уже затемно. А сейчас опять в Воронино ускакал.

– А чего ему в Воронино надобно? – пыталась его Вера.

– Он же врач. Наверное, хочет знать, может, кому помощь его нужна?

– И откуда ты, Ванечка, все знаешь?

– Дед Никодим рассказывает, а ему кухарка все передает. Придет и смеется, если, что смешное за ними услышит. Так тихонько поведает, вот все и знают, что у них там происхо-

дит.

– Это же нечестно! – возмутилась Карнаухова. – Тебе люди доверяют, посвящают в домашние тайны, а ты их по всему свету разносишь?

– Ну... она же не по всему свету, а только нам.

– Все равно не честно, а даже подло! Вот ты хотел бы, чтобы все знали, что у вас дома происходит?

– Нет.

– Вот! – с упреком смотрела на него девушка. – А чужие тайны знать необязательно!

– Хорошо, правильная ты моя, – с улыбкой ответил Ваня, – я больше не буду слушать ее сплетни.

– Я пойду, – мило пролепетала Вера и прильнула к его груди, – а-то маменька заругает.

– Вечером придешь на луг?

– Работы много, барыня столько заказов надавала.

– Вчера невест привозили на смотрины наследнику, вроде как в гости, а он должен был выбрать одну из них себе.

– И что, выбрал? – осторожно поинтересовалась она.

– Он же сбежал от них! – напомнил парень весело. – Если бы какая приглянулась, не ускакал бы на Буяне от своих фрейлин.

– А ты от меня никуда не ускачешь? – смотрела на него девушка влюбленным взглядом.

– От тебя никуда и никогда! – тихо шепнул парень и засмотрелся в ее красивые глаза.

Карнаухова кокетливо улыбнулась, сразу отстранилась от него, резко сделала шаг назад и пошла по воде к берегу. Она вышла на сушу, уже там обернулась и, махнув другу рукой, громко пообещала:

– Постараюсь выйти вечером!

– Я буду ждать! – выкрикнул Никулов ей вслед.

Она легкой походкой прошла вдоль берега, проворно поднялась в гору и вышла к селу. На ходу сорвала подорожник, торопливо прошлась по улице и, уже вскоре очутилась у своего дома. Девушка радостная вошла во двор, остановилась у лавки и с ходу стала осматривать свою рану. Поняла, что зря пренебрегла поездкой к бабушке, зная, что та быстренько бы ее вылечила. Но бабушка далеко, а рану надо лечить немедленно, пока не началось воспаление. Тогда точно придется к барину обращаться, а этого она, на данный момент, желала меньше всего.

Вера помыла подорожник, омыла рану водой и, приложив к ней лист, примотала его длинным лоскутом, что остался от пошива новой юбки. Потом осмотрела свою работу, улыбнулась и весело проговорила:

– Куда нам до бариньев! Но свои раны мы и сами вылечим. А вы уж, Григорий Владимирович, лечите тех, кто вас попросит. А нам ваши услуги не надобны!

А сама весело встала, еще раз оглядела свою ногу и пошла дошивать для барыни белье.

Глава 6. Яшины

Григорий Владимирович объехал все Воронино, он знакомился с людьми, предлагал свои услуги, попутно осмотрел нескольких больных, не взяв с них ни копейки, а только желал, чтобы сельчане знали, что теперь у них есть свой врач, и чтобы те обращались к нему за помощью. Отныне не надо посылать за доктором в город, а можно пригласить его, и он сразу же придет по первому зову. Люди благодарили барина за добродушное отношение и за его хорошие и нужные советы. Обрато Григорий возвращался уставший и изнуренный долгой поездкой. Подъезжая к Белогорью, все же решил навестить своего давнего знакомого, с которым давно не виделся.

Когда-то, много лет назад, в их имении работала один сторож. К нему частенько прибежал его сынишка Сережа, как его называла сама барыня – Сергунок. Не зная почему и по каким таким законам, но Григория всегда к нему тянуло. В доме были няньки, учителя, прислуга, но в любой удобный момент он удалялся от них и прятался в коморке сторожа. Там он засиживался и любил играть с мальчиком, который никак не хотел признавать в нем дворянина. Сергей ставил его с собой наравне, но был честным, справедливым и очень смелым.

Иван Петрович был мастер на все руки, и частенько де-

лал деревянные игрушки своим детям. Незатейливые поделки приходились по душе наследнику Громовых, и он даже пытался обменивать их на свои дорогие игрушки, за что ему не раз попадало от родителей. Мальчишки убегали на речку, рыбачили там, купались, бросали камни по воде, а потом им попадало обоим, одному от Владимира Петровича, а второму от своего родителя. Получали нагоняй и няньки, которые не могли усмотреть за единственным наследником. Но всё вновь и вновь повторялось. А Иван Петрович боялся, что, за шалости сына, его выгонят с работы.

Григорий Владимирович проехал по селу, остановился у распахнутой калитки, прыгнул с коня на землю и сразу привязал Буяна к дереву. А сам снял картуз и уверенно шагнул по тропинке к сенцам.

Сергей, завидев в окно нежданного гостя, спешно вышел ему навстречу. Поначалу не признал его, но стоило Громову улыбнуться, и он радостно воскликнул:

– Григорий Владимирович! Вот так гость в наш дом пожаловал! – и хотел склониться перед ним, как это подобает перед дворянином.

Но тот взял его за руку, удержал от такого поступка и весело сказал:

– Или ты забыл нашу дружбу?

– Нет не забыл! – улыбался ему Яшин. – И безумно рад вашему возвращению.

Мужчины крепко обнялись, похлопывая руками по спине,

потом стали разглядывать друг друга и на радостях, барин сказал:

– Думал, заехать или мимо проехать?

– Такому гостю мы всегда рады! – с улыбкой на лице ответил Сергей. – Даже не знаю, как вас теперь звать и величать? – развел он руками.

– А помнишь, как ты меня в детстве звал? – с усмешкой спросил его Громов.

– Помню, как же! Все называли молодой барин, ваше светлость, а я дерзко – барчонок! Вы поначалу злились на меня, а потом в друзья выбрал. И как вас батюшка не ругал, все ко мне прибежали играть.

– А знаешь почему? – смотрел на него Григорий. – Потому, что ты честный был. Вот всегда рассудишь все, как дед старый – по честности и справедливости. А когда мой отец узнал, что ты за паренек такой хороший, то и ругать меня перестал. Сказал только, что с тобой можно дружбу водить, ты плохому не научишь.

– Ну уж захвалили! – развел руками Яшин, и они на радостях дружно засмеялись. – Проходите в дом, с супругой своей познакомлю, – пригласил он и пропустил гостя вперед.

Громов вошел в горницу, остановился у двери и осмотрелся по сторонам. Он увидел за столом молодую женщину, вежливо с ней поздоровался, а Сергей уже подталкивал его к столу.

– Маруся, – сказал он, обращаясь к жене, – вот познакомь-

ся, – это Григорий Владимирович Громов. Наш барин и мой давний знакомый. А это моя супруга Мария.

Та что-то вышивала, но тут же оторвалась от своего занятия, медленно встала и поправила накинутый на плечи вязаный платок.

Барин сразу заметил, что женщина в положении.

– Здравствуйте, – мило отозвалась хозяйка и, отложив свое вышивание на лавку, склонила перед ним голову, понимая, кто пожаловал в их дом.

– Присаживайтесь, – пригласил Яшин дорогого гостя за стол. – Нам бы закусочки и по чуть-чуть наливочки, – ласково попросил он супругу, – в честь такой встречи.

– Конечно, – улыбнулась женщина и вышла из-за стола.

Она заспешила в чулан и уже оттуда стала выносить и ставить на стол соленья и угощения.

– Ну рассказывайте, надолго к нам? – смотрел Сергей на Громова и сам присел на лавку.

– Насовсем, – поведал радостным голосом Григорий.

– Это же здорово!

– Вот, теперь будет у вас свой доктор.

– Выучились все же! – порадовался за него Яшин.

– Выучился. Вот только практики хотелось бы побольше.

Но, – сказал барин и развел руками.

– Практика будет! – заверил его Сергей. – У нас тут, если что, с города вызывают докторов. А они деньги берут большие за это. Не все могут позволить. А тут теперь свой лекарь

поселится! Это очень даже хорошо!

Из чулана вышла Мария, она словно павушка подошла к столу, поставила перед мужчинами наливку и два стакана. Потом прошла к печке, извлекла оттуда чугунок с картошкой и вернулась с ним обратно, водрузив его на дощечку. Следом принесла нарезанное сало, соленые огурцы, в плошке поставили соленые грибы с лучком и маслицем, порезала хлеб, тут же принесла пироги и тихонько присела за стол. Она взяла с лавки свое вышивание и отложила его на подоконник.

Громов внимательно за ней наблюдал, а сам, в какой-то момент, не удержался и сказал:

– У моей маменьки тоже все кругом вышито. Все хотел поинтересоваться: она балуется вышивает, или кто из прислуги?

– Это не маменька ваша вышивает, – пояснила ему Мария, – это для нее тетка Тоня и ее дочка Верка вышивают. Они у нас в округе самые мастерицы на шитье, да вышивки.

– А я думал, может, из сестричек кто увлекается? Да так красиво все получается! На подушках целые картины! Я, грешным делом, залюбовался!

– Они такие рукодельницы знатные, вот ваша маменька и просит их. А они люди добрые, хорошие. Про них никто худого слова не скажет в селе, – рассказывала женщина, откуда в его доме такие красивые подушки.

– Да в доме, кажись, свои портнихи есть, – стал вспоминать Григорий.

– Видать, ваши не умеют так вышивать, как тетка Тоня! – вновь ответила Мария и улыбнулась. – Знаю, ваша маменька хотела ее к себе переманить, но та наотрез отказалась.

– Давайте выпьем за встречу, – предложил Сергей, разливая наливку по стаканам.

Мужчины взяли спиртное в руки, на радостях стукнулись ими, а следом выпили и стали закусывать.

Мария вновь встала и пошла разжигать самовар. Она вышла на улицу, расположила его на большой деревянной лавке и начала возиться с еловыми шишками. В дом потянуло дымом и запахом хвои.

– Как там в городе? Что нового за границей?

– За границей хорошо, но дома лучше, – коротко ответил Григорий и устало облокотился руками на стол.

В горницу вернулась хозяйка и остановилась у печки.

– Вот хочу кабинет себе открыть, – вновь заговорил барин. – Место уже выделил, светлая и чистая комната, и удобно людей принимать. Надо будет попросить ваших знакомых, чтобы пошили мне белые занавески и скатерти. Там еще рушники будут нужны, да еще много чего по мелочам.

– Они вам не откажут, – отозвалась Мария и подошла к столу.

Женщина осторожно присела на лавку рядом с мужем и затихла.

– Как вы сказали... зовут их?

– Тетка Тоня и дочка Вера, – ответила Яшина.

– Что-то не припомню таких, – пожимая плечами, отозвался барин.

– Они в конце села живут, ближе к большаку, – пояснила она. – Там у них дом стоит, а на окнах красивые наличники и ставни. Их еще дед вырезал. Тоже мастер на все руки был.

– Вспомнил, – качнул головой Громов.

– Уж больно у них Верка красивая, – стала рассказывать Мария. – Такая умница, такая скромница, одно загляденье! Одно плохо, больно худая. Все девчата как девчата, а эта вся тоненькая как тростинка. Но красавица!

– А коса у нее есть? – не зная почему, спросил ее Григорий.

– Коса самая знатная во всей округе, – подтвердила она. – Волосы густые, пышные и длинные, ниже колен. Она как махнет ей, глаз не оторвать!

– Я тут девушку встретил, хотел познакомиться, а она наотрез отказалась говорить, как ее зовут, и убежала. И точь-в-точь попадает под ваше описание! – признался барин. – А глаза у нее какие?

– Глаза темные, как уголёчки. Ребята по ней сохнут, а она только Ваньку любит.

– И жених есть?! – удивился Громов и расстроился, но вида не подал, а только грустно улыбнулся и затих.

– Говорят, любят они друг дружку с малолетства, – ответила женщина. – Да Иван у вас на конюшне конюхом работает.

– Конюхом?! – переспросил он и сразу вспомнил того крепкого и высокого парня, с лохматой шевелюрой на голове, что помогал деду Никодиму.

– Вроде... да, – неуверенно ответила Мария. – Он ваших лошадей на водопой водит, сама видела.

– Теперь знаю к кому обратиться, – стараясь быть веселее, проговорил мужчина.

Сергей разлил еще наливку, они тут же выпили и стали вспоминать прошлое, как они росли и убегали из имения на речку.

– А помнишь, как мы на рыбалку ушли к омуту? – вопрошал Яшин, качая головой.

– Как же не помнить! – расплылся в улыбке Громов.

– А нас потом ваш батенька выдрал за это!

– Ох, и выдрал! – смеялся Григорий, вспоминая детство. – Все в доме переполошились, меня потеряли; няньки и сестрицы кричат, плачут, а батенька так наказал меня за это отлучение из усадьбы!

– Еще как наказал! – согласился с ним Сергей.

А сам опять разлил наливку, и они дружно опрокинули стаканы в рот. На душе барина повеселело, тело совсем расслабилось, и он стал собираться до дома, зная, что маменька теперь очень за него волнуется.

– Погодите! – остановил его друг. – Вы еще наши пироги не ели, чая нашего душистого не пили. Мария, – сказал он, обращаясь к супруге, – давай наш чай, будем дорогого гостя

пирогам потчевать.

Женщина разом встала и пошла за самоваром, а Яшин вновь взял наливку и разлил ее по стаканам.

– А мы еще по маленькой, – предлагал он, с улыбкой глядя на барина.

– Ты вот женился, молодец! Наследника ждете.

– Да, к Покрову думаем первенца принять.

– Рад за вас!

– А вы не думаете ли семьей обзаводиться?

– А жени меня! – неожиданно выдал Громов.

– И женю! На ком хотите? За барина любая пойдет!

– А кто здесь в округе самая красивая девушка?

– Так... – развел тот руками и перевел взгляд на супругу, – кто?

Мария улыбнулась, подошла к столу и тихо ответила:

– С пьяных глаз такие дела не решаются. Себе жизнь загубите и девчонке тоже. Да и в вашем окружении своих девиц хватает, знатного роду. Не чета нам!

– Вот! – выставив указательный палец вверх, радостно воскликнул Яшин, – за что я ее полюбил! За то, что она у меня такая умница!

– Правильно, жену надо любить, а иначе жизнь – не жизнь будет, – согласился с ним Григорий.

Он встал из-за стола и тихо сказал:

– Чай я к вам потом приеду пить. А сейчас... устал я, и пора до дома. Там теперь маменька с папенькой волнуются.

– А невесту я вам сосватаю! – твердил свое Сергей, стукнув своей увесистой ладонью по столу.

– Согласен. Надоело одному жить. Детей хочу полный дом. Жену умницу и красавицу.

– Будет сделано!

– Молчи, – ласково произнесла Мария, глядя мужу в глаза, – пусть Бог сам выберет Григорию Владимировичу суженую.

– Золотые слова! – согласился Громов и был рад, что в этой семье царит любовь и понимание.

Мужчины встали и один за другим пошли из дома. Они прошли по двору, вышли за калитку и остановились под деревом, за которое был привязан Буян. Григорий потрепал коня по загривку, а сам повернулся и вновь заговорил:

– А наливочка у вас знатная! – похвалил он. – Прямо так... по голове – тюк!

– У моей жинки свой рецепт есть на такую вкусную наливку. Но она им ни с кем не делится, – проболтался шепотом Яшин. – Но мы всегда рады вашему визиту в наш дом! Заходите в любое время!

– Договорились, – так же тихо ответил ему барин и уже намеревался сесть на коня.

– Ни-ни! Верховом не поедете. Поводок в руки и пешком по селу. Тут не далеко. Не дай Бог свалитесь или убьетесь, век себе не прошу!

Громов отвязал жеребца, весело попрощался с ним и мед-

ленно побрел по селу, уводя за собой Буяна. Он шел по тропинке вдоль села, а сам оглядывал дворы, старые покосившиеся дома, огороды, засаженные всякими овощами и подсолнухами, свежие стога с сеном, большие увесистые снопы у домов и людей, что копошились у своих хат. Все ему тут было знакомо, но, в тоже время, за долгое его отсутствие, в Белогорье многое изменилось. Вот кто-то отстроил новый дом, уже законопатили сруб, вставили окна, двери. Скорее всего, кормильцы расстарались для молодых. Григорий увидел в открытом окошке молодую женщину в положении. «Так и есть»! Улыбнулся он, глядя себе под ноги, а сам шагал дальше, приближаясь к своей усадьбе.

Крестьяне, увидев молодого барина, кланялись ему, радостно приветствовали его, склоняя перед ним свои головы. И только ребятня смотрела с неким любопытством и интересом, рассматривая незнакомца со всех сторон.

Отцветала акация по всему селу, а на ее смену зацветала липа, и воздух был наполнен этим приятным медовым ароматом. Тут же носились, жужжа над головой, мохнатые пчелы и уносились прочь, и этот нескончаемый поток гудел, а на их смену появлялись другие труженицы и так бесконечно.

Григорий вышел на пригорочек и залюбовался удивительной красотой Белогорья. Прямо у реки стояла церковь, и так приятно было смотреть на её величавые купола, на золочёные кресты, что сияли под лучами яркого солнца на доме Божьем.

Бурная река шумела, несла свои воды вниз по течению, а кругом рос ивняк, лаза и черемуха. Так и жизнь – течет, идет вперед семимильными шагами, бурлит, как эти воды, унося с собой годы и оставляя лишь воспоминания.

Барин понимал, что давно не был в храме и решил, что непременно посетит обедню в самое ближайшее время. Он немного постоял, любуясь красотами родных мест, и пошел дальше, удаляясь в своё имение.

Перед глазами вновь всплывала та девушка, которую он повстречал в лесу, и которая не захотела назвать своего имени. Она представилась эхом и растворилась в темноте, а сердце мужчины заныло той грустью, которая бывает только у влюбленных. Он вспоминал каждое ее слово, ее звонкий заразительный смех, ее улыбку, ее обворожительные глаза, ее девичью осанку, ее длинную пышную косу и даже ту палку, которой она грозилась его огреть. «Где же тебя найти, милая красавица? По каким дорожкам ты ходишь? Какими тропками гуляешь? Где ты, черноглазая»? Раздумывал Григорий, а сам тихонько вздохнул, но понимал, что рано или поздно он все равно её повстречает.

Мужчина подошел к барской усадьбе, лично прошел в конюшню, нашел там старого Никодима, ничего не говоря, передал ему Буяна, а потом повернулся и побрел к дому.

На крылечке его встретила маменька и, видя сына в таком состоянии, разволновалась пуще прежнего.

– Простите меня, матушка, – склонил перед ней голову

сын. – В гостях побывал, больше такого не повторится.

– Гришенька, сыночек, разве ж так можно?! Мы с отцом ждем тебя, волнуемся, а ты приходишь изрядно выпивши, и что нам думать?

– Простите меня, – сказал виновато он и пошел в дом.

А сам хотел одного – скорее добраться до кровати, плюхнуться на нее, распластаться на мягкой перине, устроиться поудобнее и уснуть. Так сильно он сегодня устал, и так крепко сморила его наливка друга.

Громов прошел в свои покои и уселся на постель, а к нему спешно подбежала служанка, сняла с него сапоги и оставила барина одного.

Он сразу повалился на подушку, а перед глазами вновь всплыл образ той девушки из леса. Возможно, это и есть та самая Вера, про которую ему рассказали сегодня семейство Яшиных. Барин закрыл глаза и стал медленно погружаться в глубокий сон...

Глава 7. Молодежь

Ближе к вечеру в имение Громовых пришла Антонина Павловна. Она с ходу попросила служанку сообщить барыне о ее приходе, а сама осталась стоять за дверью.

Та быстро ушла в дом, и вскоре на крыльчке появилась сама Анна Федоровна. Увидев Карнаухову, расплылась в милой улыбке и стала приглашать рукодельницу в дом.

– Проходи, проходи, голубушка, – махала она рукой, приглашая портниху к себе. – Думала, Вера придет, а тут вы сами.

– Я заказ ваш принесла, – пояснила Антонина Павловна, подходя ближе, и протянула ей сверток.

– В дом, всё в дом! – говорила Громова, пропуская ее вперед. – Варька! – тут же кликнула она служанку, – чаю нам с гостьей!

– Что вы, кормилица вы наша! Какой чай? – стала отказываться она.

– Ничего-ничего! – успокаивала барыня, подталкивая её к двери. – Сейчас все посмотрю! Оценю! А вы со мной чайку попьете.

– Право... мне неудобно, – пожимала та плечами.

– Голубушка, – с улыбкой смотрела на нее Анна Федоровна, – я целый день тут одна! Мне и поговорить толком не с кем. А так хочется новости узнать местные. Идемте,

посплетничаем немного с вами, а заодно и чайку отведаем вдвоем.

А сама взяла Карнаухову под руку и, заглядывая ей в глаза, ласково проговорила:

– Видите, как я с вами. С другими только приказываю, а вас как дорогую гостью в дом зову! А вы капризничаете!

– Мне, право... не по себе, – замялась женщина. – Если вы мне приказали бы, мне легче было б, а так чувствую себя совсем неловко.

– А вы мне к сердцу пришлись с Верой. Что вы, что дочка ваша, такие трудяги! Такие рукодельницы! Таких мастериц сыскать еще надо! У меня вон, полон дом прислуги, а толку? Никакого! – махнула она рукой.

– Дел много накопилось. Некогда чаи гонять.

– Все дела не переделаешь! – успокаивала ее Громова, а сама уже провела гостью на летнюю веранду, усадила за стол и присела рядом.

Антонина Павловна развернула сверток и стала выкладывать перед ней весь заказ.

– Вот наволочки, как вы просили беленькие и по бокам с шитьем, вот рушники, глядите сразу, что не понравится, все заберу обратно и тут же переделаю.

– Что вы, голубушка! – замахала руками Анна Федоровна. – У вас, да не понравится! Красота, да и только!

– Вот подзорчики к иконочкам, – продолжала выкладывать товар Карнаухова, – вот скатёрки на стол, как и проси-

ли – по краям шелковое шитье, а в центре розы, и по бокам розы поменьше и кисточки. А тут еще салфеточки к ним.

– Всем довольна! – нахваливала ее барыня.

Потом устремила свой взор на дверь и вновь прикрикнула:

– Варька! Чай неси!

С кухни вышла Варвара, неся перед собой большой самовар, на котором висела связка баранок. Она водрузила его на стол, убежала и принесла чашки с блюдцами, выставила сладости, варенье, сахар и, кланяясь, удалилась.

Громова сама разлила кипяток по чашкам, пододвинула одну к госте, взяла свой чай и сказала:

– Угощайся, голубушка.

– Благодарствую, – отвечала Антонина Павловна.

– Слышали, радость-то какая у нас? Сыночек вернулся!

– Слыховали. Все село судачит про то. Рада за вас! – поддерживала разговор портниха. – Дождались голубчика! Теперь и сердце матери успокоится, спать спокойнее станете, волнений будет меньше.

– Буду спокойно спать, когда женим его, – честно призналась она. – Вот невесту выбираем ему. А кого выбрать сама не знаю! Все хороши, а он молчит!

– За невестами дело не станет, – заверила ее Карнаухова. – Он у вас видный, богатый, за него любая пойдет.

– Да разве ж нам любая нужна! – всплеснула руками Анна Федоровна. – Нам бы ровню себе сыскать! Он у нас умный, красивый, образованный! Теперь врачом будет! А де-

вицы только и знают, что о балах, да развлечениях думают.

– Кто полюбится, – вздыхая, рассудила Антонина Павловна и отпила чай из чашки.

– Мы ему столько девушек позвали на смотрины, а он взял и умчался на Буяне ото всех.

– Значит пока... не глянулась ни одна из них, – сделала вывод она.

– Так и есть, не глянулась! – с сожалением проговорила Громова. – Может, у него там в городе любовь была? Мы же ничего о нем не знаем! Писал, что все хорошо, что скучает по нам, про учебу, работу, про больничку, в которой практиковался, а про девушек ни слова!

– Наверное, не зацепила ни одна. Вот полюбит, так и узнаете сразу.

– Я слышала, к вашей Вере уже сватались?

– Я отказала, – серьезным тоном отвечала Карнаухова. – Мала еще, пусть погуляет. Успеет наработается. Она и сейчас от работы не просыхает, а пойдут детишки? Тогда совсем гиблое дело.

– Правильно! Мала еще! А наш-то уже – перезрел! – махнула рукой барыня. – Поди жени его теперь!

– Ничего, – стала успокаивать её портниха, – найдется и на его шею хомут.

– Вы так думаете?

– Я не думаю, я знаю. Кто ж теперь пройдет мимо такого жениха. Устанете отбиваться! – улыбалась она в ответ.

– Вот поговорю с вами, и мне легче станет, – жалобно призналась Громова. – Вы бараночки ешьте! Они у нас знатные! С нашей лавки привезенные.

– Вкусные, – похвалила женщина барское угощение.

Григорий давно выпался, лежал на кровати с открытыми глазами, а заслышав разговор на веранде, прислушался и решил туда выйти. Он медленно встал, оделся, причесал свои пышные волосы, свою аккуратную бородку, усы, покрутился у зеркала и, брызнув на себя немного одеколону, уверенно шагнул к двери. Там прошел через гостиную к выходу и оказался на летней веранде.

Завидев его, барыня расплылась в улыбке. А Карнаухова встала из-за стола и тихо сказала:

– Добрый вечер, Григорий Владимирович. С приходом вас!

– Добрый вечер и вам, – добродушно отозвался он и шагнул к столу.

– Может, чайку с нами? – спросила его мать.

– Спасибо, не буду вам мешать, – отказался он, – пойду пройдусь немного.

– Скоро ужинать будем, не опаздывайте, – напомнила ему мать.

Громов склонил перед женщинами голову, потом повернулся и уверенной статной походкой вышел с веранды. Он оставил дверь открытой, желая впустить свежего воздуха, а сам остановился на крылечке и стал смотреть во двор.

– А что же Вера не пришла? – поспешила спросить барыня у портнихи.

Заслышав про Веру, Григорий насторожился и прислушался к их разговору.

– Она вчера ногу поранила, вот пришлось мне к вам идти.

«Ногу поранила? – подумал барин и улыбнулся. – Значит, все-таки, она и есть, та самая Вера!»

– А я ей за работу отрез на платье приготовила, – услышал он голос маменьки.

– Что вы, – запротестовала та, – совсем забаловали девочку.

– У девочки должно быть много нарядов. Пусть сошьет себе красивое платье. А от меня не убудет, – успокаивала ее барыня. – Дочки у меня хорошие, но ваша просто умница!

– Даже не знаю, как вас благодарить, – смущалась в ответ Антонина Павловна. – Постоянно, кроме денег, подарки даете. Мне всегда неудобно их принимать.

– А вы берите! – настаивала Громова. – Чай от души даю! Не ко всякой я так, а только к тем, кто мне полюбился! Моего портниха не может так расшить, – пожаловалась она, – да и не справляется лентяйка со всеми заказами.

– Может, что не по нраву придется, то я и платы не возьму.

– Все по нраву! Все к сердцу! Все в лучшем виде! – расхваливала ее работу Анна Федоровна.

– Пойду я, – сказала Карнаухова и отставила чашку в сторону.

А сама медленно встала из-за стола и поблагодарила кор-милицу:

– Спасибо за чай.

– Если надо что – просите. Вам никогда ни в чем не откажу. В доме теперь доктор есть, зовите, если надобно будет.

– Дай вам Бог доброго здоровья и мира в доме, – ответила ей портниха и склонила вперед голову, в знак благодарности.

– Спасибо, голубушка, – расплылась в улыбке хозяйка и проводила её на улицу.

На крылечке они распрощались, и Антонина Павловна поспешила покинуть барскую усадьбу, понимая, в каком положении она оказалась.

Григорий проводил женщину пристальным взглядом, видел, как та спешно прошла по двору и вскоре скрылась за воротами. Он сразу вернулся на веранду, подошел к столу и стал рассматривать вышитые салфетки.

Следом вошла маменька, она была радостной и довольной, сразу подошла к сыну и стала рядом.

– Кто эта женщина? – поинтересовался он.

– Наша мастерица! Мы ее просим белье пошить, вышить, расшить.

– Но у нас своя портниха есть.

– Наша так не умеет вышивать, – с досадой махнула рукой барыня. – Одну я к Марии в дом отправила, там теперь всех обшивает, а та что осталась, так не умеет трудиться. На это тоже талант нужен.

– А Вера ее дочка?

– Да, – радостно сообщила она. – И мать, и дочь, просто умницы и такие рукодельницы! Во всей округе не сыскать!

– Они вам полюбились?

– Конечно, – ответила довольно Громова. – Вера такая чудная девочка! Она умница, красавица, вся такая хорошенькая! Вот если могла бы, в дочки её себе взяла. Такая ласковая, такая отзывчивая, такая покладистая! – расхваливала она девчонку. – А зачем ты спрашиваешь?

– Я намерен открыть свой кабинет. Мне надо будет немного белого ситцу и пошить занавески, скатерти, салфетки и халаты.

– Я их попрошу, они мне не откажут.

Григорий улыбнулся, потом достал карманные часы, взглянул на них и тихо попросил:

– Вы ужинайте без меня. Я пойду вдоль реки пройдуся.

Тишины хочу набраться, после шумного города.

– А как же ужин? – всплеснула руками матушка.

– Я потом Варю попрошу, она мне самоварчик поставит и достаточно.

– Гришенька, – жалобно заговорила она, – может, потом на речку? А сейчас с нами за стол?

– На ночь много есть вредно, – улыбнулся он в ответ, – это я вам, как доктор заявляю!

А сам склонился, поцеловал ее в щеку и быстрым шагом вышел из дома. А в спину услышал тяжелый вздох матушки.

Он уверенной и статной походкой двигался по селу. Вскоре свернул в проулок, прошел возле храма, там спустился вниз и тихо побрел по берегу многоводной реки.

Уже вечерело. Солнце медленно катилось к горизонту. По небу плыли белые пушистые облака. А широкая река тихо журчала, неся свои воды вниз по течению. В кустах звонко щебетали птички, наполняя Белогорье своими голосистым пением. У изб суетились крестьяне, завершая день на своих грядках и убирая свое скудное хозяйство.

Барин шел по берегу и вслушивался в тишину. Нет, не прогуляться он намеревался и не набраться этой удивительной тишины, а пошел он на луг, где собиралась местная молодежь. Так хотел он отыскать ту незнакомку, что повстречалась ему тогда в лесу. Ее заразительный смех он не забудет никогда и узнает его из миллиона девушек. Её взгляд он будет помнить еще долго, такими большими и красивыми были у Веры глаза. Они словно глядели на него из темноты, и как только он пытаясь уснуть или отвлечься от мыслей о ней, то этот чудный образ, милой и совсем молоденькой девочки, вновь и вновь всплывал перед ним. Хотя и предполагал он, что зовут её Вера, но надо было убедиться в этом лично.

Время неумолимо бежало вперед. Вот и солнце уже зашло за горизонт. А к лугу стала медленно собираться местная молодежь. Парни и девушки, парами и кучками, шумно двигались от села в сторону реки. Еще издали слышался звонкий заразительный смех, а с другой стороны деревни девча-

та затащили громкую протяжную песню. Нарядные и красивые, молодые и задорные, они сошлись в большую кучку и на лугу стало совсем весело. Ребята сразу принесли хвороста, сложил все в большую кучу и зажгли костер. Мгновенно в небо взмыло большое яркое пламя.

Громов уверенно шагнул вперед, а самому не терпелось познакомиться со всеми, ведь ему предстоит теперь лечить эту самую молодежь.

Костер разгорался все сильнее, а девчата стали увлеченно играть в ручейки. Парни остались в стороне и смотрели то на огонь, то на своих подружек.

Григорий остановился у костра. Его враз обступили двоюродные братья, которые тоже любили приходить на луг и гулять среди простых крестьян. Все по очереди пожали друг другу руки, весело поприветствовали и стали чуть ближе к реке. На молодого, красивого и статного мужчину тут же обратили внимание местные девчонки. Кто-то смотрел искоса, кто-то с любопытством. Но тут от девушек отделилась Маруся – молодая веселая хохотушка и плясунья, а еще она была лучшей подружкой Веры Карнауховой. Она бойко подошла к нему, окинула своим зорким взглядом и громко спросила:

– Вы... чё ли, наш молодой барин?

– Я! – весело отозвался он, рассматривая девушку при свете яркого костра.

– И чё, вы вот так с нами будете хороводы водить?

– А примите?

– А чего же не принять?! – пожала плечами Грачева. – Если вы с благими намерениями, то и мы всегда с радостью примем такого дорогого гостя.

– Я с благими, а вот вы меня не прогоните?

– Как себя вести будете! – сверлила его девушка своим пронзительным взглядом.

– Обещаю вести себя хорошо, – с улыбкой на лице уверял ее барин.

– Тогда идемте в ручейки играть, – предложила она и смело взяла его за руку.

А сама тут же потянула его за собой и поставила мужчину в ряд с подружкой. Девушки с любопытством смотрели на молодого красивого барина, кто-то хихикал, кто-то шептался, а Громов уже бежал под их руками и выбирал себе пару. Он внимательно всматривался в лица девчат, но Веры там не увидел. Молодежь гуляла и шумела: кто-то пел песни, тут же весело заиграла гармошка, и все разом бросились плясать. Каждая из молодых особ пела частушку, одна интереснее другой, а парни стояли кругом и с задором посматривали на них. Самые смелые выходили к ним и устраивали с девчатами перепляс, и тогда у костра становилось особенно шумно. Молодые люди хлопала в ладоши, подбадривая своих, а те, кто плясал, старались изо всех сил, чтобы с круга вышел именно соперник или соперница, и тогда все похвалы и громкие аплодисменты достанутся ему или ей.

Григорий Владимирович пробыл на лугу допоздна, но Ве-

ра там так и не появилась. Не видел он там и Вани. В сердце мужчины засела тоска: «Раз их нет, то, наверняка, они где-то вместе». Он немного постоял у костра, а потом тихонько удалился.

Ночь была светлая, тихая. В небо вошла большая яркая луна. А весь небосвод сплошь усеян мерцающими звездами.

Мужчина медленно шел по пригорку к дому, удаляясь с луга к барской усадьбе. Спать ему совсем не хотелось, а в голове крутились мысли одна за другой: «Может, отогнать все от себя? Не моя, чужая невеста, – думал он про девушку, – пусть живет себе и любит. Иван парень молодой, но ладный. Из них хорошая пара получится. Может, забыть? Забыть... Но как? Словно заноза в сердце засела. И надо же, с самого первого раза. Вот такая любовь, получается, безответная. Как же мне тебя найти, голубушка моя? Поговорить, постоять возле тебя, посмотреть в твои карие глаза... Где ты, радость моя»? А сам тяжело вздохнул и снова рассудил: «Радость, но не моя...»

Ночью барин почти не спал, он ворочался на кровати, поправлял подушки, но сон так и не шел.

Уже светало. Комната медленно наполнялась голубой дымкой рассвета. Стрелки часов показывали четверть пятого, а во дворах во всю горланили петухи.

Громов накрылся одеялом с головой, пытаясь хоть немного поспать, и ему это почти удалось. Но тут в углу с сундука свалился спящий кот и, мяукнув, бросился к двери.

Григорий с досады вздохнул, быстро откинул одеяло в сторону и нехотя встал. Он вразвалочку прошел по комнате к двери, выпустил кота в парадную, вновь прикрыл за ним дверь и направился к окну. Подойдя, распахнул створки настежь, выглянул во двор и увидел, как на востоке медленно всходило солнце. Он так давно не видел рассвета, и таким красивым ему все показалось: и небосвод, розово-голубой, и эти удивительные лучики, которые только-только начинали показываться, выходя из-за горизонта, и природа. А в курятнике во всю горланили петухов, пробуждая Белогорье от ночной спячки, словно старались перекричать друг друга. Где-то на псарне лаяли собак, звонко, протяжно, с подвывом. Под самым окном зацветали красивые яркие пионы, наполняя воздух приятным ароматом цветущих соцветий.

Барин стоял и не шевелился, словно боялся спугнуть или что-то пропустить во всей этой удивительной красоте пробуждающегося утра.

– Красота-то какая! – только и мог вымолвить он.

Потом медленно повернулся и прошел к кровати. Там сразу забрался под одеяло, укрылся им, улегся поудобнее и вскоре уснул. Проспал мужчина до обеда. Тревожить и будить его никто не посмел. Барыня была рада, что сын выспится за все эти дни, и категорически запретила его будить или даже шуметь в доме. И до обеда в барских хоромы все ходили на цыпочках.

Глава 8. Ночная незнакомка

Уже после полудня Григорий открыл глаза, потянулся во все стороны, посмотрел на часы и ахнул, стрелки показывали час дня. Он быстро откинул одеяло в сторону, встал с кровати и понял, что пока он отдыхал, ему подали свежее новое белье. Он, не раздумывая, натянул на себя одежду, обулся, осмотрел себя со всех сторон, причесал у зеркала свои пышные волосы, бороду, пригладил усы и заспешил из своих покоев в парадную.

С кухни тянуло вкусным запахом свежее испеченного хлеба и домашних пирогов. Барин вдохнул этот приятный аромат и сразу прошел в гостиную. И он не ошибся, на столе, под чистым белым полотенцем, стояли пироги и два каравая свежего хлеба. Громов взял пирожок, с аппетитом откусил его, понял, что очень вкусно, рукой потрогал самовар и позвал к себе Варю.

Девушка не вошла, а вбежала в комнату, подошла к нему, поклонилась и с улыбкой на лице тихо спросила:

– Что изволите, Григорий Владимирович?

– Чаю горячего хочу, а самовар уже остыл, – пояснил он, рассматривая ее всю.

– Так... я уже его несколько раз подогревала... а-а-а... вы все спите и спите, – отозвалась растерянно та.

– Ну что ж, придется есть всухомятку.

– Что вы! – вскрикнула девица и схватила самовар. – Я быстро. Враз подогрею!

А сама метнулась через кухню на улицу, там водрузила самоварище на лавку и стала быстро его растапливать.

Мужчина съел пирожок, взял еще пару с собой и пошел из дома. На ступеньках столкнулся с маменькой; барыня несла в дом букет свежесрезанных пионов. Следом за ней поспежала служанка, помогая нести еще охапку цветов. Увидев сына, радостно проговорила:

– Гришенька проснулся! – а сама рукой указала прислуге, чтобы оставила их вдвоем.

Пышногрудая дородная девица с длинной косой быстро вбежала наверх и спешно скрылась в доме.

– Доброе утро, маменька, – поприветствовал он и поцеловал её руку.

– Далеко ли собрался?

– Пойду до речки пройдуся, искупаться хочется, – ответил он и медленно сошел вниз по ступенькам.

– Так обед уже! – возразила было она. – Сейчас Варя на стол накрывать станет!

– Я быстро, – стоял на своем Громов. – А Варя пусть накрывает и ничего не убирает. Я приду и все съем.

– Только недолго, – ласково попросила его Анна Федоровна, понимая, что отговаривать его сейчас бесполезно.

– Обещаю скоро вернуться, – заверил он и заспешил со двора.

Он прошел мимо фонтана, свернул к барскому саду, вышел на большой просторный луг, ступил на тропинку и вскоре очутился у самой реки. На ходу съел свои пирожки, пожалел, что не взял еще, такими вкусными они ему показались и такими аппетитными.

Вдоль берега тянулись большие заросли ивняка, и только изредка у водоемов образовывались выемки, где можно было подойти к воде и искупаться. Чуть в стороне был водопой, и туда каждый день водили поить их лошадей. Вода в реке чистая, прозрачная, с утра холодная, а уже ближе к полудню прогревалась и становилась совсем теплой. И только в местах, где били ключи, она всегда была ледяной, и ходить туда купаться никто не решался.

Громов выбрал себе местечко и остановился, намереваясь скинуть одежду и нырнуть в эту прохладную реку. А потом плыть, не важно куда, главное скинуть с себя то сонное состояние, которое накопилось за ночь и это долгое утро. Он уже хотел раздеться, как неожиданно над водой послышался звонкий заразительный смех. Мужчина замер. Он прислушался к голосам и поспешил вдоль реки, намереваясь увидеть, кому именно принадлежал этот девичий смех. Вскоре он вышел на то место, где конюх купал лошадей. Осторожно выглянул из-за кустов и увидел там Ивана и ту самую девушку, что повстречалась ему тогда в лесу. Теперь он был точно уверен, что это и есть она, та самая Вера.

Никулов прямо в одежде находился в реке и, загребая сво-

ей мощной ладонью воду, игриво брызгался в сторону девочки.

Она стояла на берегу, такая красивая и мокрая, заливалась звонким заразительным смехом, а сама уворачивалась от студенной водицы, прикрывая лицо своими хрупкими ладошками. Потом вновь смотрела на Ваню, а он знай себе брызгает на неё и все смотрит как на картинку, наслаждаясь её присутствием.

Барин растерялся, он не любил подглядывать, но здесь был другой случай, и надо было знать про их отношения всё.

Тут парень выбежал из воды, подхватил Веру на руки и побежал с ней вдоль реки.

Она обняла его за шею, прижалась к нему и смеялась, хотала от души своим заразительным смехом.

«Значит, чужая невеста»! Грустно усмехнулся Григорий и хотел уже выйти из своего укрытия. Но в последний момент передумал и тихонько удалился назад. Купаться ему сразу расхотелось. Он долго стоял на берегу за густым кустарником, не зная, как поступить дальше. Но немного поразмыслив, все же решился обнаружить себя, нарушить их уединение и посмотреть на реакцию этой очаровательной беглянки. Мужчина уверенной походкой шагнул из-за кустов и заспешил в сторону молодежи.

Ваня и Вера уже сидели на берегу и тихонько переговаривались, как это бывает у влюбленной пары. Одежда на них совсем промокла, но Никулов ничего не замечал, ведь рядом

была она – самая любимая девчонка на всем белом свете.

А та улыбалась ему своей обворожительной улыбкой и смотрела в глаза сердечного друга, всем видом давая понять, что он ей тоже очень люб.

Завидев барина, Вера в испуге вскочила, хотела уже убежать, но остановилась и спряталась за широкую спину парня.

Иван мгновенно вырос во весь рост перед Громовым и тихо сказал:

– Добрый день, Григорий Владимирович.

А сам, как и подобает, склонил перед ним голову.

– Добрый день, – добродушно поприветствовал их барин. – Как водичка?

– Теплая, – пояснил ему Ваня.

– А я иду и думаю: кто же это здесь так заразительно смеётся? Такое эхо раздается на всю округу! – проговорил мужчина и зашел чуть в сторону, чтобы видеть лицо девушки. – А это ночная незнакомка и зовут ее Вера? – спросил он, глядя на конюха.

– Вера, – серьезно отозвался Никулов, не совсем понимая, о чем тот говорит.

– Как твоя нога? – спросил он, глядя на неё.

Карнаухова молчала, она вдруг залилась ярким румянцем, а сама всё пряталась за сердечного друга. Подмокшая одежда прилипла к ее худому стройному телу, а мокрая растрепанная коса пышно покоилась на красивой девичьей груди. Она резко отвернулась и хотела уже убежать, но Громов

вновь заговорил:

– Не хотела мне говорить, как тебя зовут, а я сам узнал. Обещала, что никогда не встретимся, а встретились сразу же. Кто же из нас прав оказался?

Иван внимательно наблюдал то за девушкой, то за баринном и насторожено слушал весь разговор.

– Совсем засмушалась, – улыбнулся Григорий. – А там в лесу была такая смелая!

Вера понимала, что теперь ей придется объяснять все Ване, и очень жалела, что умолчала от него про ту встречу в лесу.

Мужчина мгновенно понял, что парень ничего не знает про то и теперь путается в догадках. Но держится молодцом и сцены ревности не устраивает, наоборот, пытается защитить подружку от посторонних глаз.

В какой-то момент Вера не выдержала и бросилась бежать по тропинке в сторону села.

Но Иван не стал ее догонять, понимал, что еще успеет с ней поговорить.

– Застеснялась, – произнес барин, провожая девчонку пристальным взглядом.

Никулов промолчал, только смотрел на него настороженно, потом резко перевел свой серьезный взгляд на тропинку, по которой только что убежала его любимая.

– Извините, – сказал он и, оглядываясь, пошел на луг за лошадьми.

Громов изучающе смотрел ему вслед, а на душе было легко и хорошо. Их встреча состоялась. И главное, что конюх все видел и слышал, и теперь Вере придется объяснять молодому человеку: что это там было в лесу, и почему она скрыла все это от своего любимого Ванечки? И тогда, скорее всего, они поссорятся.

Григорий радостно потянулся и медленно подошел к реке. Он быстро разделся и, скинув с себя сапоги и всю одежду, с разбегу бросился в водоем. Там проплыл до противоположного берега, мгновенно развернулся и уже плыл обратно. Мужчина вышел, медленно оделся и важной походкой заспешил в село. Нет, он не хотел догнать Веру, теперь он знал, кто она, где ее искать и с кем. Уверенным шагом он спешил к обеду, а на душе было хорошо и спокойно. Нога у девчонки, судя по ее походке, уже не болела, и волноваться за неё совсем не стоило. А в остальном он решил положиться на судьбу и верил, что на роду написано, то это тебя стороной никак не обойдет. И если суждено ему идти под венец с этой замечательной девочкой, которая даже его маменьки очень нравится, то, значит, они и пойдут под венец вместе с ней.

Он вернулся прямо к обеду, когда Варя подавала на стол суп. Барыня очень обрадовалась, завидев сына на пороге.

– Сынок, как раз вовремя! – сказала она радостно и подвинула к нему стул, желая, чтобы он присел ближе к ней.

Владимира Петровича за столом не было, он был в отъезде по делам, и обедать им предстояло вдвоем.

– Такая вода теплая, прям купался бы и купался! – стал рассказывать Громов, принимая от служанки тарелку с супом.

– А к вечеру она еще теплее, ты к вечеру сходи, – пояснила ему матушка. – Вечером купаться одно удовольствие!

– Непременно схожу, – согласился он, а сам уже ел суп, нахваливал его. – Какой вкусный супец у нас сегодня! Это кто же его так вкусно готовит? – а сам весело посматривал на Варвару.

– Наша кухарка, – пояснила барыня, – брала ее в доме прибирать, а она оказалась хорошей стряпухой, вот и решила поставить её на это дело. А Варька хорошо по дому управляется, – сказала она и взглянула на прислугу.

Та сразу засмушалась, опустив свои реснички, но украдкой поглядывала в сторону молодого барина.

– За всем следит, все у нее в порядке, – продолжила говорить Анна Федоровна. – Надо бы еще девку взять в дом, как ты на это смотришь? А-то наш старый слуга на покой просится, говорит: стар стал, болеет часто. Да и дед Никодим решил отойти на покой.

– Раз надо, значит, возьмем, – согласился с ней сын. – А как дела обстоят на Лебяжьем хуторе? – сменил он тему.

– Да все так же, – махнула рукой барыня, – летом сено там заготавливаем, зимой мужики на охоту туда ездят, да и заночуют там же. А присматривает за всем Захар.

– Дед Захар? – радостно воскликнул он. – Жив еще?

– Жив и здоров, Слава Богу! – сказала женщина и перекрестилась на образа. – Восьмой десяток разменял, а такой крепкий. Нам бы такое здоровье, как у него.

– Поэтому и здоров, что в лесу живет.

– Корова у него там. А так раз в неделю посылаю к нему кого-нибудь, проведать и хлебца отвезти.

– Надо будет доехать туда, проведывать его.

– Возьми с собой попутчика, а-то лесом-то страшновато одному.

– Дед Захар один там живет и не боится, а я здоровый мужчина не могу проехать один до хутора?

– Времена сейчас не спокойные! Беглые по лесам шастают! Вот чего боимся! – серьезно поясняла Анна Федоровна, глядя на сына.

– Хорошо, – согласился он, не желая расстраивать маменьку, – братьев позову. Думаю, не откажут мне в такой просьбе.

Они отобедали. Варя подала самовар с пирогами и сладостями. Женщина сама разлила чай по чашкам и пододвинула одну наследнику.

– Не хочу тебя обидеть, – завела она осторожно разговор, – но уж больно нам с отцом хочется твоих деток понянчить. Не порадуешь нас... какой новостью? Не глянулась ли тебе, какая девица?

– Ах, маменька, – ответил Григорий, и довольная улыбка появилась на его лице, – давайте не будем торопить собы-

тия. Я сейчас займусь обустройством своего кабинета, начну свою практическую деятельность, стану принимать больных, а там, глядишь, и невеста найдется.

– И что, так ни одна и не очаровала? – смотрела на него мать огорченным взглядом.

– Честно? Не глянулась.

– А мы думали, с соседями породнимся.

– Маменька, а что... если я... полюблю девушку... не знатного рода? – спросил он, а сам внимательно следил за реакцией барыни.

Женщина резко сменилась в лице, хотела уже было что-то возразить, потом передумала, на какое-то время задумалась и строго ответила:

– Смотри, какого рода она будет!

– Например, красивая, умная, скромная и любимая! – улыбался Григорий Владимирович, глядя в ее сторону.

– У тебя уже кто-то есть на примете?

– Пока нет, – пожал он плечами, – так спросил, на всякий случай.

– Фу ты! – выдохнула облегченно Анна Федоровна. – А я уж думала, что тебе черная кошка дорогу перебежала.

– Ну, в кошку я не влюблюсь, а девушки здесь красивые!

– Надумаешь жениться, скажи. А наша сваха сосватает тебе любую девушку, даже самую капризную.

– Только не капризную, – улыбался Григорий, а сам разломил большую баранку на несколько частей.

Но барыня очень внимательно следила за ним и заметила, как легко он говорил, как весел он был все эти дни, какими счастливыми глазами смотрел на все окружающее. Конечно, можно было все списать на его приезд и возвращение на родину, от таких перемен человек тоже впадает в необъяснимую радость и смотрит на все счастливыми глазами. Но этот вопрос, о невесте незнатного рода, заставил ее насторожиться...

Вечером мужчина вновь пошел на луг. Он хотел встретить там Веру и хоть немного поговорить с ней. Знал, что придет она туда не одна, а возможно с Ваней, но все же решил испытать свою судьбу. Но в этот вечер девушка там не появилась. Не пришла она и ближайшие три дня, и сердце барина затосковало. Он понимал, что она, скорее всего, с тем конюхом, который носит ее на руках и который, наверняка, собирается заслать к ней сватов. И еще он был абсолютно уверен в том, что разлучить влюбленную пару можно, но как говорят в народе: «Очень осторожно». А-то не им счастья не будет, ни тебе...

Глава 9. Прогулка

...На следующий день Григорий пригласил на прогулку до Лебяжьего хутора своего двоюродного брата Михаила, и тот с радостью согласился. Он намеревался сам лично посмотреть, как обстоят там дела, увидеть те просторы, что окружали их поместье, повидать старого слугу, который вот уже много лет служит их семье честью и правдой.

Рано утром к парадной вновь подали Буяна. Уверенной статной походкой Громов вышел из дома, сбежал по ступенькам вниз и с ходу забрался в седло. Слуга передал ему поводок, он дернул коня в сторону и медленно поехал со двора.

Анна Федоровна проводила сына взглядом в окошко, тихонько перекрестила его, а сама тяжело вздохнула и медленно присела на стул. Она еще долго смотрела на дорогу, по которой только что уехал ее любимый наследник, а сама все молилась за него.

Старостин ждал родственника на аллее их большой усадьбы. Михаил весело напевал себе под нос задорную песенку, а на его плече висела двустволка. Завидев барина, расплылся в добродушной улыбке и весело поприветствовал:

– Утро доброе!

– Доброе! – так же весело отозвался Громов, и они крепко пожали друг другу руки.

Мужчины повернули коней и поехали рядом, а Григорий

не удержался и спросил:

– А ружье зачем? Насколько я разбираюсь в охоте, то в эту пору нельзя стрелять. У всей живности сейчас выводится потомство, и они могут осиротеть и погибнуть.

– Да это я так, – весело отмахнулся парень, – для острастки. Мало ли кто из лесу выйдет, а тут у меня и ружьишко наготове.

– А если из лесу девушка выйдет, ты тоже ее будешь пугать? – с улыбкой смотрел на него барин.

– А над девчатами я вообще люблю подшутить, – признался он. – Я их уж больно шибко люблю пугать! Они меня как увидят, так сразу с визгом разбегаются.

– Это почему же? – полюбопытствовал Громов, а сам подергивал поводок, подгоняя Буяна.

– Как-то раз, они вздумали на речке купаться, – стал рассказывать он. – А я подкрался незаметно и из-за камышей наблюдаю за ними. Они там все разделись, плескаются, визжат от удовольствия! Весело им там, понимаете ли! – сказал Михаил и хихикнул, вспоминая тот случай. – Я в руки взял большую рогатину, нацепил на нее старое нижнее белье, а сверху чугунок прилепил! Натыкал под него соломы, чтоб так... хорошо торчала во все стороны и было похоже на пугало. И тихонечко под воду – нырь! Подплываю совсем близко, они ничего не подозревают. А я посреди них, как вынырну с криком! А впереди чучело появляется! Они все, от неожиданности и испуга, кто куда! С визгом, с криками, юбки свои

и платья побросали и в кусты! Одна Верка Карнаухова не боится, стоит руки в боки и смотрит исподлобья на меня.

– Почему?! – удивился Григорий, вспоминая ту красивую девчушку, которая так сильно запала ему в душу.

– Она вообще девчонка смелая, знает, что за ней девять братьев стоят и заступятся в любой момент. А они все такие крепкие! Здоровые! Никого не боятся! За сестру в огонь и в воду. К ней местные ребята даже подходить не решаются. Один Ванька с ней дружен, других и не подпускают.

– И что же, она не убежала и не испугалась тебя? – засмотрелся на брата Громов.

– Стала так, – изобразил Старостин, как стояла в тот момент Вера, – сама глазки свои красивые прищурила, дождалась, когда я вынырну, а потом как даст мне своей мокрой юбкой по голове! А она от воды такая увесистая! Я даже пошатнулся. А она как закричит на меня: «Ах ты, бесстыжий! Совсем стыд потерял!»! А сама лупит и лупит меня своей тяжелой юбкой. «А ну, – говорит, – проваливай отсюда, а то братьев кликну!»! Я это пугало в реку бросил, а сам поплыл обратно в кусты, там моя одежда лежала. Приплываю я туда, а вещичек-то моих и нету! – развел руками Михаил. – Кручу головой по сторонам, думаю: куда они делись? А сам весь голый! А тут Маруська Грачева, подружка лучшая Веркина, так из-за кустов выходит, вся как русалка: волосы распустила, сама во всем белом, и так нахально лыбится, и вертит моими штанами на палке. Я ей говорю: «Штаны отдай»!

А она сильнее вертеть ими стала, а сама все молчит и только ухмыляется. Тут к ней Карнаухова подошла, потом все девчата собрались и смеются надо мной, понимают, что я в воде без портков сижу. Ну, думаю, все! Хотел их напугать, а сам попался! – махнул он рукой и весело хихикнул. – Что делать, не знаю? Тут я взял, да и вышел из воды, в чем маманя родила! Они всё моё бельишко побросали и врассыпную!

– И Вера?

– И она тоже. Она на вид девчонка бойкая, но стеснительная. Есть в ней что-то такое, что уж больно мне нравится! Вот... не такая она, как все!

– А что в ней тебе нравится особенно? – настороженно слушал его барин.

– Она очень красивая! Улыбка у нее очаровательная! А смеется так заразительно, что залюбуешься. А еще она очень справедливая. И есть в ней что-то такое, что смотришь на нее и насмотреться не можешь.

– Ты что же, любишь ее? – испугался Григорий.

– Не-ет! – протянул Старостин, – просто она девка хорошая. Глядишь на неё и умиляешься!

– А с Ваней они давно дружны?

– С детства, – поведал ему Михаил. – Сколько себя помню, они всё время вместе. И еще Марусяка Грачева, но та больше с Веркой дружна. Она тоже хорошая, у подружки парня уводить ни за что не станет. Да к ней и самой ребята липнут, она девчонка боевая и веселая.

Они выехали за Белогорье и медленно поскакали лугом в сторону хутора. Ночью прошел сильный дождь, и теперь к лесу парами и кучками потянулись грибники.

– Вон смотри, – указал Старостин рукой, – видишь, сколько девчат за грибами пошли?

– Вижу, – кивнул ему Громов и устремил свой взгляд на лес.

– Давай мы их напугаем? – предложил парень и с азартом взглянул в его сторону.

– А без штанов не останемся? – задался вопросом мужчина и улыбнулся.

– Не останемся! – обнадеживающе заверил тот и подстегнул своего коня.

– Подожди, – остановил его Григорий Владимирович, – пусть хоть в лес войдут.

– Точно! – согласился парень и попридержал Грома.

Старостин поправил свой картуз и поведал еще одну веселую историю:

– Вот еще расскажу смешное, – улыбнулся он и качнул головой, – девчонки на святки обычно собираются гадать. Мы с парнями все это дело давно уже знаем, всегда договариваемся, тихонько идем туда и подшучиваем над ними. Так весело бывает, что хохочем до упаду! Они же глупенькие во все это верят, а нам посмеяться хочется! Вот и караулим мы их, когда они станут собираться. Они думают: если ночью открыть погреб и опустить туда голую ногу, то тебя

обязательно кто-то должен потрогать. И если это «что-то» будет лохматое, то замуж выйдешь в богатую семью и жить будешь в достатке. Если же не лохматое, то жених будет бедным, и жить ты будешь в бедности. Мы с ребятами договорились, узнали, в каком погребе они собираются гадать, заранее влезли туда, надели лохматые рукавицы и ждем их! Ровно в полночь – идут! – сказал Старостин и засмеялся.

Потом перевел дыхание и с азартом поведал дальше:

– Вот они по очереди, одна за другой, заходят на погреб, открывают там воротило, скидывают валенок и ножку туда суют! А мы поочередно, кто-то обязательно двое, трогаем их за голые пятки. Тут такой визг начинается! Одна орет и летит голыми ногами по снегу, прихватив валенок с собой! Другая ползком от страха уползает! А мы стоим внизу, рты руками прикрываем и со смеху покатываемся.

– Хотел бы я посмотреть на все это, – весело признался Громов.

Они подъехали к лесу, осмотрелись и медленно пустили лошадей по проселочной дороге.

Из леса пахнуло сыростью и грибами. Деревья стояли тихо и безмолвно. Где-то в кустарнике куковала кукушка, а вторая эхом вторила ей в другом конце леса. С дерева на дерево перелетала сорока и трещала на все лады, давая понять лесным жителям, что на их территорию вторглись чужаки. Где-то громко стучал дятел, отстукивая свои звонкие удары, и они эхом разлетались по лесному массиву.

В небе ярко светило солнце, и ее прямые яркие лучи проникали сквозь кроны деревьев и струйками струились между берез, наполняя лес своим лучезарным светом.

Мужчины придержали коней, сразу затихли и стали прислушиваться к звукам, что доносились с разных уголков леса. Где-то совсем рядом весело переговаривались девушки. Михаил привстал и, внимательно вслушиваясь в голоса, а сам тихо шепнул:

– Кажись... наши. Деревенские. Сейчас мы их напугаем.

– Может, не надо? Пусть себе собирают грибы и идут своей дорогой.

– Нет уж! – протянул с усмешкой Старостин. – Я им все припомню! – сказал он и лихо спрыгнул с коня на землю.

Там быстро привязал своего жеребца к дереву и стал спешно ломать большие ветки орешника.

– Ты тут постой, чтобы они тебя не видели, – обратился он к барину и протянул ему свою двустволку. – И ружье поддержи.

А сам азартно поглядывал в сторону поляны, осмотрел ветки, сделал для себя шалашик, накрылся им, в руки взял еще веток, загораживаясь ими, и тихонько пошел вперед, откуда доносился девичий говор. Парень стал обходить девчат с другой стороны, на ходу оглянулся, весело подмигнул Громову и, пригибаясь ниже к земле, заспешил дальше, намереваясь подшутить над знакомыми ему девчонками.

Григорий привязал Буяна к дереву, уверенно шагнул впе-

ред и стал тихонько выглядывать из-за кустарника, чтобы видеть, что там будет происходить.

Михаил подкрался к девочатам совсем близко, короткими перебежками зашел сбоку, да как зарычит на них, словно медведь из чащи вышел.

Те разом завизжали, побросали свои корзины и бросились врассыпную. Две девушки бежали прямо в сторону Громова, скорее всего, намереваясь спрятаться в кустах густого орешника. Он сначала и не понял, кто они такие будут, но потом разглядел в одной из них Грачеву, а когда девочки подбежали ближе, то во второй сразу узнал Веру. Такой встречи барин не ожидал, но был безумно рад, что вновь повстречал в этом лесу эту чудную девочку.

Карнаухова быстро бросилась за подругой, не понимая, что вообще происходит. Она догадывалась, что это кто-то из местных парней опять над ними шутит, но кто именно понять не могла и поспешила догнать Марусю, боясь остаться один на один с незнакомцем. Девушки забежали за орешник, в надежде, что шутник уйдет дальше, и они смогут из своего укрытия разглядеть, кто это с ними так не хорошо обошелся. Но увидев в кустах Громова, растерялись и застыли на месте. Какое-то время они в недоумении глядели на барина, соображая: что он тут делает? А он, в свою очередь, обескураженно уставился на них и молчал.

Вера и Маруся одновременно перевели взгляды на коней, поняли, что их тут два, а барин один, и сразу догадались, что

этот шутник приехал на втором коне вместе с Григорием и возможно его родственник.

Грачева моментально все смекнула и, прищутив свои красивые живые глазки, подбоченись, пошла на мужчину с упреками:

– Вот оно значит, кто здесь над нами шутики шутить вздумал! – напирала на него Маруся, угрожающе глядя ему в глаза. – Мы тут ходим, никого не трогаем, а они замыслили нас до разрыва сердца довести! – сказала девушка и, схватив большую увесистую палку, пошла на Громова.

Тот в растерянности попятился назад, понимая, что драться с девчатами он не станет, ни при каких обстоятельствах, а вот получить дубиной по голове может запросто.

– Ах, барин-барин! – качала головой Маруся. – Уж от вас-то мы никак такого не ожидали!

Вера, видя растерянный взгляд Григория и большую палку в руках подружки, весело засмеялась. Зная бойкий характер Марии, она понимала, что сейчас барскому сыночку будет совсем не хорошо. Она смотрела то на него, то на неё, а сама залилась звонким заразительным смехом.

На какое-то мгновение мужчина опешил, понимая, что он всё-таки дворянин и никто не посмеет пойти на него с угрозами. Но видя угрожающую позу девушки и толстую дубину в её руках, оторопело попятился назад.

Карнаухова расхохоталась пуще прежнего, она раскачивалась из стороны в сторону, хваталась за живот и никак не

могла успокоиться. Потом прикрыла рот руками, стараясь подавить свой веселый настрой, а сама с нетерпением ждала, что будет дальше.

– Маруся, Вера, я здесь не при чём! – пытался оправдаться Громов, отступая от них назад. – Я как мог отговаривал его от этой затеи!

– Кто он? – наступала на него Грачева.

Григорий Владимирович махнул рукой, как бы вспоминая, кто это с ним тут прогуливается по лесу на двух молодых жеребцах.

Но тут за кустарником послышались треск веток, и громкий мужской голос весело и азартно хихикнул. Все разом затихли, а из-за густого орешника боком, не видя никого и ничего, вышел Михаил. Он стал отходить к ним задом, а сам весело оглядывал всю поляну, стараясь понять: куда разбежались напуганные им девчата, и совсем не подозревал, что здесь его ждет большой сюрприз. Там на просеке еще громко визжали девчонки, разбегаясь кто куда, а Старостин был доволен, что смог осуществить задуманное на деле.

Вера застыла в ожидании дальнейших событий и, раскрыв от удивления свои большие глаза, посматривала то на барина, то на подругу и конечно же на шутника.

В этот самый момент Маруся размахнулась и со всего размаху ударила парня увесистой палкой по голове.

Миша ойкнул, слегка пошатнулся, как-то смешно закатил глаза под лоб и безжизненно рухнул на землю.

– Убила! – весело вскрикнула Вера и вновь закрыла рот руками, так как сразу никак не могла переключиться от своего жутко веселого настроения на серьезный лад.

Грачева застыла как соляной столб, держа в руках свою большую дубину, и растерянно смотрела на неподвижно лежащее тело парня, в душе понимая, что огрела она никого-нибудь, а барского родича.

Громов ахнул и от неожиданности оцепенел на месте, глядя на всё со стороны широко открытыми глазами. Потом часто и быстро заморгал и, как бы опомнившись, бросился на помощь родственнику.

Но тут Михаил медленно открыл глаза, посмотрел в небо, увидел сквозь листву солнце и тихо проговорил:

– Кажись, жив...

В этот момент Вера снова закатилась звонким заразительным смехом, а Маруся еще раз замахнулась на него и вновь погрозилась:

– Еще раз ты подшутишь над нами таким образом, я тебя точно добыю!

Тут уж не удержался и рассмеялся Григорий. Он посматривал то на Веру, то на Марусю, то на своего двоюродного брата, а сам от души хохотал и никак не мог остановиться, понимая, как смело стали девчата на защиту своей чести и своей жизни. И не посмотрели, что барского роду, лихо дали отпор назойливому обидчику.

Засмеялась и Грачева.

Старостин растерянно присел, взглянул на них мутным взглядом, потряс головой и тихо произнес:

– Все, шутить больше не буду...

– Вот так-то будет лучше! – ответила ему девушка.

Она отбросила дубину в сторону, сразу стала ближе к подружке и уже оттуда наблюдала за ним.

Нахохотавшись вдоволь, девчата понемногу успокоились и только с улыбкой поглядывали то на барина, то на его родственничка, который теперь еще долго будет отходить от своих неуместных шуток и той дубины, которая обрушилась сегодня на его непутевую голову.

Громов понял, что с Михаилом все в полном порядке, отошел от него назад, а сам не сводил с Веры глаз.

– В следующий раз, – погрозила на него кулаком Мария, – возьму палку поувесистей и так огрею, мама родная не узнает!

– С него достаточно, – весело отозвалась Вера. – Теперь подумает: стоит ли пугать нас или проехать своей дорогой.

А Грачева озорно напомнила:

– Это тебе не портками из воды махать!

Девчата вновь засмеялись, одна пуще другой, припоминая ему прошлогодние шалости.

Барин внимательно следил за Карнауховой: залюбовался ее красотой, ее глазами, ее улыбкой; а она стеснительно отвела от него взгляд и вновь смотрела на Старостина.

Тот осторожно встал с земли, исподлобья взглянул на Ма-

русю и громким обиженным тоном проговорил:

– Убить же могла!

– А если у нас у кого разрыв сердца от испуга был? Это не убийство было бы? – серьезно смотрела на него девушка.

– Я ж пошутить хотел, – оправдывался перед ними Михаил.

– Пошутил? – дерзко смотрела на него Грачева, сверля своим строгим взглядом.

– Пошутишь тут с вами... – пробурчал парень себе под нос и взялся руками за голову.

Он почесал свою макушку, ощупал ее, намереваясь понять: насколько все серьезно.

Вера, наблюдая за его выражением лица, вновь залилась своим заразительным смехом.

– Вот появишься теперь на лугу! – погрозилась ему Мария. – Скажу девчатам, засмеют! Походишь ты теперь у меня в женах!

– Ну все, теперь ты моя должница, на самого дворянина руку подняла! – попытался пострадать ее тот.

Та бойко вышла вперед и с ухмылкой спросила:

– А что ты мне сделаешь? Замуж возьмешь? Так я тебя враз перевоспитаю!

А сама резко развернулась, взяла подругу за руку и потянула её за собой.

Карнаухова покорно согласилась и, приподняв подол своей длинной юбки и давась от нахлынувшего на нее смеха, все

же пошла за ней, на ходу оглядываясь назад.

Громов проводил девушек долгим внимательным взглядом, потом перевел взгляд на Михаила и весело спросил:

– Ну что, еще шутить будем или дальше поедем?

– Вот чумная! – выругался Старостин, все еще ощущая свою макушку.

Тут барин не удержался и расхохотался так громко, что девушки разом обернулись в сторону орешника.

Вера прыснула со смеху и взглянула на подругу, понимая, что там сейчас тоже весело.

– Будет теперь знать, как пугать нас! – с усмешкой проговорила Грачева, и они пошли искать корзины, которые от страха побросали на поляне.

Девчата нашли свои пропажи, подняли их с земли, собрали рассыпавшиеся грибы и спокойно побрели по лесу, изредка оглядываясь назад.

Григорий попытался помочь забраться брату в седло, но тот с обидой оттолкнул его руку. А сам, униженный и оскорбленный, поглядывал вслед девчатам и, ничего не говоря, не спеша забрался в седло. Он резко дернул поводья в сторону, мгновенно прищпорил коня и медленно поехал вперед.

Громову ничего не оставалось, как тоже сесть на Буяна и последовать за ним. Он слегка подогнал жеребца, тот вздернул голову вверх и пошел следом за Громом.

Они выехали из своего укрытия, осмотрелись по сторонам

и увидели подружек; те мирно бродили по опушке и вновь собирали грибы.

Барин мгновенно развернул Буяна и быстро помчался в их сторону.

Завидев барского сыночка, Вера серьезно сказала:

– Вот нелегкая несет его сюда.

– Да не бойся ты! – успокоила её Маруся. – Сейчас и его оприходуем. Будет знать, как к чужим невестам приставать!

Карнаухова представила, как та может огреть наследника Громовых дубиной по голове, и ей вновь стало смешно. Но когда тот подъехал ближе, она отвернулась от него, пряча свою улыбку, и старалась слепить серьезное лицо, но это у нее совсем не получалось.

– Милые барышни, – заговорил с ними Григорий на веселой нотке, – зачем же вы так строго обошлись с таким хорошим парнем? Кто же ему теперь раны залечит? – спросил он и спрыгнул на землю.

А сам взял Буяна за поводок и стал рядом с Верой.

Девушка сразу насторожилась, но отходить не спешила.

– Ничего! – вскинув гордо голову отозвалась Грачева. – Ему есть кому ранылизывать! Пусть к Груньке обратится, она его с удовольствием оближет!

На лице Веры снова появилась веселая улыбка. Барин посмотрел на нее и тут же удивленно спросил:

– А я... что-то и не слышал ни про какую Груню. Кто она? Его невеста?

– Или вам просто не рассказали про неё, – пояснила Карнаухова и перевела взгляд на подружку.

– Интересно! – протянул он и оглянулся на Старостина.

Тот остановился чуть в стороне, недовольно посматривая на них издалека, а сам все чесал и чесал свой пораненный затылок.

– Ничего, – усмехнулся мужчина, – до хутора далеко, еще расскажет.

Вера тихонько шагнула в сторону, а он тут же её спросил:

– И как, есть грибы?

– Мы только вошли в лес и уже набрали немного, – тихим голосом ответила она и показала свою корзину.

Там на доньшке лежали молоденькие подберезовики и подосиновики, а среди них один красавец белый.

– Как бы я тоже хотел пойти по грибы, да не с кем, – слукавил барин в ответ.

– А вы Мишку позовите! – кивнула Маруся в сторону его брата.

– Да ему теперь не до грибов, он теперь каждую палку бояться будет, – весело отозвался Громов.

Услышав его слова, Вера вновь рассмеялась. Она закрыла рот руками, стараясь подавить свой веселый настрой, в какой-то момент хрюкнула от смеха, чем еще больше рассмешила всех рядом стоящих.

Следом за ней весело расхохотался барин, а уже за ним и Маруся, вспоминая всю эту историю, что приключилась

только что здесь, прямо на этой поляне.

Старостин со стороны наблюдал за ними и посылал в их сторону укоризненно недовольные взгляды.

– Девчат, – заговорил Григорий, немного успокоившись, – может, вы не станете в селе говорить, что тут с Михаилом приключилось?

– Я лично, – указала Грачева на себя указательным пальцем, – всему селу поведаю, как я его тут огрела! Пусть дома сидит и не ходит туда, куда его не звали! А-то его шутки уже в печенке сидят!

Он засмотрелся на Веру, окинул ее влюбленным взглядом, заглянул в ее глаза, да так и застыл на месте, понимая, как сильно глянулась ему эта очаровательная и красивая девочка.

– Жаль, что у меня другие планы, – тихо сказал он, – а-то я тоже стал бы с вами грибы собирать.

– А вы свои планы отложите, – предложила ему Маруся, – чай, несмертельный случай?

– Несмертельный, – согласился с ней Громов и увидел, как Вера кинула свой строгий взгляд в ее сторону, упрекая за такое необдуманное предложение.

Он усмехнулся про себя и задумался, а сам все смотрел на неё, рассматривая её красивое личико.

– Думается мне, – заговорила Грачева, глядя на Старостина, – надобно вашего родственничка к вам в больничку везти и лечить его там.

– Да нет, – опроверг такое предложение доктор, – думаю, отлежится денек-другой, и все на место станет. Сотрясения нет, это точно.

– Да там и сотрясать-то нечего! – бойко пояснила Мария и вновь засмеялась. – Были б мозги, разве ж так стал шутить?

Вера тихонько хихикнула и отвела взгляд в сторону.

Но барин не удержался и взял ее за руку.

– Вы что? – отдернула от него свою руку девушка и резко отпрыгнула в сторону.

Она словно пушинка враз увернулась от его рук и уже стояла в стороне, с упреком глядя ему в глаза.

– Вера, мне так хочется с тобой поговорить.

– Ой, не советую! – вступилась за неё Грачева.

– Почему? – удивился ее словам мужчина, а сам продолжал рассматривать девчушку.

– Она тоже огреть может!

Григорий припомнил их первую встречу, там в лесу, и вспомнил, что у Веры в руках действительно была палка. Он улыбнулся и клятвенно заверил:

– Я не буду пугать и обещаю, что не обижу.

– Это вы по первости всегда так говорите! – сыпала упреки Маруся, прищулив свои умные глазки. – А потом и руки распускать начнете. Знаем мы вас – бариньёв! С вас и спра-са-то потом нет, а нам позор на всю оставшуюся жизнь.

– Зачем же вы так обо мне плохо подумали? – с обидой отозвался он и внимательно всмотрелся Карнауховой в глаза.

А сам хотел понять сейчас для себя: неужели и Вера так думает о нем плохо?

– Вы бы шли своей дорогой, – предложила ему Грачева уже по-доброму. – А-то нам грибы надо собирать, а вы тут шутки шутить вздумали.

– Мы еще встретимся? – спросил он, обращая свои слова к Вере.

– В одном селе живем, куда ж теперь от вас денешься, – отозвалась она и вздохнула.

Потом повернулась и пошла вперед, стараясь уйти от надоедливого барина.

Мужчина пошел рядом с ней, держа в руках поводок и увлекая за собой Буяна.

– Вера, – тихо произнес он, – мне... надо тебе сказать...

– Вы лучше своим больным говорите, – ответила ему девушка и посмотрела в его голубые как небо глаза. – А нам с вами разговаривать совсем не о чем.

– Почему же? – пожал он плечами. – Раз в одном селе живем, значит и разговоры найдутся.

– Например? – вскинув удивленно брови, вопрошала она, а сама шагала вперед, слегка размахивая полупустой корзиной.

– Например, какие новости в селе? И вообще... в округе? – тут же нашелся Громов.

– Новость у нас сегодня одна – черепно-мозговая травма у Михаила Старостина, – прыснула со смеху девчонка, чем

вновь рассмешила, и Марусю, и его.

– Откуда ты знаешь, какие травмы вообще бывают? – удивился Григорий.

– У меня бабушка лечит не только простуды, но ушибы и переломы. От нее и узнаю, какие вообще бывают травмы, – мило отозвалась она. – К ней иногда привозят тяжелобольных: кто-то с лошади упал, кто-то ногу сломал, кто-то что-то себе отрубил или отломил.

– И бабушка берется все это лечить?! – с изумлением переспросил он и с замиранием сердца ждал ответа.

– А куда деваться? – пожалала она плечами и улыбнулась. – Не у всех есть возможность вызвать с города врача или заплатить за лечение.

– Хорошо, что ты мне это сказала, – задумчиво проговорил барин.

– Что сказала? – насторожилась Вера и, вскинув брови дугой, всмотрелась ему в глаза.

– Про оплату... Обещаю, что лечить буду всех, даже если нечем будет заплатить.

– Надо будет запомнить, – улыбнулась она и пошла дальше.

– Вера-Вера, – произнес он, тяжело вздыхая, – как же нам теперь жить-то в одном селе?

– Ой, барин, – загадочно протянула Грачева, – вы бы уезжали своей дорогой! А-то, не ровен час, увидят вас тут с нами и маменьке вашей доложат. А она у вас дюжа строгая!

Зачем нам лишние проблемы и неприятности?

– Проблем не будет, обещаю, – заверил ее мужчина.

– Зато у нас будут! – с упреком выпалила Мария, понимая всю ситуацию.

Он сразу понял, что имела ввиду эта бойкая девчонка. у Веры есть любезный друг, а ссориться с ним в их планы не входит.

– Как жаль, что я не приехал сюда раньше, – с грустью в голосе проговорил Громов.

– Ничего бы не изменилось, – пояснила ему Грачева, давая понять, что её подруга и Ваня любят друг дружку с рождения.

Девчата пошли вперед, а Григорий стоял и смотрел им вслед. Он грустными глазами проводил их до середины поляны, потом забрался на коня, нехотя повернул его в другую сторону и, хлестнув, помчался догонять Михаила, который отъехал от них уже на приличное расстояние.

– Ой, Маруська-Марусечка, – переводя дыхание, зашептала Карнаухова, – боюсь я его.

– Да ладно, – махнула рукой та, – разве ж мы ему ровня? Ему маменька такую невесту подберет, чтоб побогаче, да из знатных!

– Он так смотрит на меня, у меня аж мурашки по спине бегают, – призналась она.

– Может, ты в него влюбилась?

– Ты что?! – вскрикнула Вера с обидой. – Я Ванечку сво-

его люблю. И никто мне не люб, только он один.

– Давай забудем про этого барина, – махнула рукой Грачева, – ну их! Разъездились тут, мешают грибы собирать!

– А здорово ты его огрела, – веселее напомнила она. – Я думала, ты его пришибла!

– А я слышу, ты сказала: «Убила»! У меня аж сердце оборвалось! Я же подумала в тот момент, что я его и вправду порешила. Думаю, все, в ссылку теперь за него пойду. Аж спина похолодела! А потом смотрю: глаза открыл, у меня от сердца разом и отлегло. А сама соображаю: барин врач, поможет куда денется! Родственник все же!

– Ой, Маруся, боюсь я этого Григория. Лучше бы он еще куда учиться уехал. А я бы за Ваню замуж пошла, а потом пусть возвращается.

– А что, если тебе сейчас за Ваню замуж пойти?

– Да кто ж летом свадьбы играет?

– И-то правда, – согласилась с ней девушка.

Дальше подружки шли молча, стараясь набрать побольше грибов. Но Вера с грустью вспоминала все встречи с молодым баринном, а в душе засела необъяснимая тоска и страх...

Громов догнал Михаила, и веселая улыбка мелькнула на его лице. Он внимательно всмотрелся в глаза Старостина, а сам уверенно сказал:

– Жить будешь. Это я тебе, как доктор говорю.

– Да ну тебя! – с обидой отмахнулся от него парень.

Барин вновь улыбнулся, вспоминая всю эту историю, что

приключилась с ними тут в лесу.

Они подогнали коней и уже быстрее поскакали по проселочной дороге в сторону хутора.

Дед Захар управился со своими делами и вышел за сторожку, чтобы приглядеть за своей Буренкой. Места здесь тихие, безлюдные, казалось, и бояться-то нечего, но кто знает, дикий зверь может в любую минуту выйти из леса, и не заметишь за своей живностью. Одно дело, когда в сарае стоит, а другое, когда скотина рядом с лесом пасётся. Он уселся на пенек, достал кисет с махоркой, неторопливо извлек из кармана кусочек бумаги и стал крутить самокрутку. Потом послунял ее, прищепил с одного конца, подожг папиросу и закурил. Старик думал свои думы, намереваясь съездить в Белогорье, но как быть с коровой? Запереть в сарае – орать весь день будет, оставить так у леса, вернешься, а ее нет. Хотя из сарая тоже, кому надо украдут, тут уж не накараулишь. Времена сейчас беспокойные, беглые по лесам шатаются, все голодные, больные, чего доброго уведут, зарежут кормилицу и косточек от нее не останется. Но все же решил, что спокойнее будет, если Буренку оставить в сарае. Он вздохнул с облегчением, докурил самокрутку и увидел, как в его сторону из леса скачут два всадника. Дед Захар долго всматривался, пытаясь разглядеть: кто такие будут? Но потом метнулся в сторожку, схватил с гвоздя двустволку, выбежал обратно и приготовился встречать неожиданных гостей. Мужчина был уверен, что скачут по его душу, и никто иные,

как разбойники. Ведь сюда никогда и никто не заезживал, народ знал, что тут барские поместья, и кто же решится на них посягнуть. В Белогорье он ездил сам, а барин навевался так редко, да и то приезжал на хутор на своей барской пролетке. Иногда во время сенокоса сюда собиралось много народу, но Громовы оповещали заранее, чтобы старик прибрался в доме, растопил баньку и ждал гостей.

Всадники проехали лугом и вскоре выехали к сторожке. Сразу придержали своих коней, намереваясь спрыгнуть из седла.

Но тут из-за двери, выставив вперед ружье, выглянул дед Захар и громко выкрикнул:

– Стой на месте! Стреляю без промаха!

– Дед Захар! – добродушно окликнул его Григорий и спрыгнул с Буяна. – Это же мы – Громовы!

– Кто-й-то – это, мы Громовы? – сердито ворчал на них сторож из своего укрытия. – Что-й-то я таких не припомню!

– Да я же, Григорий, сын Владимира Петровича! – пояснил барин и шагнул к сторожке.

Смирнов опустил ружье, вышел из-за дерева, взгляделся в нежданных гостей и моментально расплылся в улыбке.

– Григорий Владимирович, вы ли это?!

– Я самый, – смотрел на него тот с радостной улыбкой.

– А я вас и не признал! – развел руками старик и пустил на радостях слезу.

– Да, где уж меня узнать! – покачал он головой. – Целых

десять годков не был в родных краях!

А сам привязал жеребца за куст у сторожки, подошел ближе и сразу же обнял старого Захара.

– А вы еще молодцом! – радовался Григорий, обнимая слугу.

Потом отстранился от него, заглянул в глаза и так же добродушно проговорил:

– Вот что делает хороший свежий воздух с людьми.

– А еще тишина, – стал перечислять дед Захар, – а еще травки разные собираю и отварчики пью! А тишина, да травки, да с молитовкой, это же великое дело! – потряс указательным пальцем старик и просиял на радостях в улыбке.

– Как же я рад видеть тебя живым и здоровым!

– А я грешным делом подумал, что меня убивать едут.

– За что же тебя убивать?

Он махнул своей старческой мозолистой рукой и ответил:

– Мало ли разбойников кругом бродит.

– Как видишь, убивать мы тебя не будем, а вот решили проведывать и посмотреть на хутор. Последний раз я бывал тут... так давно! – вспомнил Громов, оглядываясь кругом.

– Насовсем, ай как? – прищурился свои старческие глаза, смотрел на него старик.

– Насовсем. Хватит, пожил на чужбине, теперь дома буду.

– Радость родителям какая! – качал головой Смирнов.

– Да, – протянул с улыбкой барин, – не знают в какой угол меня посадить.

– Наследник вернулся! Тут понимать надо!

– Скоро охотиться станем, вот хочу сам видеть, что здесь все хорошо.

– Здесь полный порядок! – поспешил заверить его дед Захар. – Дома чистота, все прибрано. Баньку в любой момент протоплю. Да и в округе у меня все спокойно.

– А что, живность в лесах водится? – спросил его Григорий, стоя рядом.

– Да... сейчас какая живность? – задумчиво отозвался тот. – Лось, да кабан. Ближе к осени утки полетят, да гуси. Вот тогда самая охота!

– Лося жалко стрелять, там, наверное, потомство подрастает.

– Ну, лосиху-то грех стрелять! – согласился старик. – А вот если самца выследить, тут уж как повезет!

– Попробовать можно и даже нужно, – с улыбкой отозвался Громов и медленно пошел к сторожке.

Дед Захар заспешил следом, а Михаил привязал коня и тоже двинулся за ними. Старостин уселся на лавочку под окном сторожки, накинул на глаза картуз и попытался немного вздремнуть. От удара палкой сильно болела голова и ныл затылок, но он вида не подавал, держался молодцом, изображая вполне здорового человека.

Григорий медленно пошел вокруг дома, рассматривая и разглядывая все по мелочам, все осмотрел, вернулся к ступенькам, а там уже сторож открыл ключом дверь и впустил

хозяина в их хоромы.

Он вошел, сразу огляделся и, поскрипывая половицами, побрел по комнатам. Все ему здесь хорошо глянулось, он подошел к кровати, осторожно присел на пуховую перину, покачался на ней немного, а потом встал и заспешил обратно к выходу.

Дед Захар ждал его у двери, улыбнулся беззубым ртом и тихо спросил:

– Все на месте?

– Да разве я об этом переживаю? – отозвался на ходу барин. – Знаю, если ты взялся сторожить, то у тебя ничего не пропадет, это точно.

– Тьфу, тьфу, – сплюнул старик, – кто знает, тут и на старуху бывает проруха. Давеча запамятовал, куда вилы поставил. Обыскался грешным делом! – сокрушался он.

– А давай-ка чаю попьем, с твоим вкусным малиновым вареньем, – предложил Громов.

– Помнишь, – усмехнулся Смирнов, – как бегал ко мне в коморку и со мной чай там пивал? А барыня меня потом ругала за это.

– Все помню, – ответил он и громко радушно вздохнул, – такие дни были хорошие: детство беззаботное, в доме все так хорошо, ладно, кругом сестрицы, прислуга, и ты живешь какой-то сладкой жизнью и не понимаешь, что это самые лучшие дни в твоей жизни.

– А я уж тут седьмой годок, – стал рассказывать дед За-

хар. – Стар стал, тишины захотелось, покоя, вот и попросился сам сюда за хутором приглядывать. Бывший-то сторож отошел ко Господу, царствие ему небесное, – поведал он и перекрестился. – Вот я и решился попроситься сюда, а барыня не отказала.

– А не страшно одному-то? Кругом не души, звери бродят. Говорят, беглые по лесам шастают?

– Да кому я нужен старый старик! – махнул рукой слуга.

– Тогда буду приезжать к тебе сюда на охоту, примешь?

– Что вы, кормилец! Всегдашеньки рад!

Они вернулись в сторожку. Смирнов стал суетиться у самовара, затопил его и стал хлопотать у стола. Он достал малиновое варенье, белую краюшку хлеба, баранки, но пояснил, что они уже заметно подсохли, поставил кружки и стал спрашивать молодого барина про его жизнь.

– Как же хорошо, что вы насовсем вернулись.

– Насовсем, – с радостью сообщил Громов. – Вот отучился, теперь доктором у вас в селе буду. Все думаю: народ пойдет ко мне?

– Пойдет! – заверил его старик. – У нас-то в округе никого из лекарей нет. Приходится в Воронино к бабке Глафире обращаться. Или с города доктора вызывать, а это долго и дорого!

– А что, бабка Глафира все болезни лечит?

– Ну, как сказать, – пожал он плечами, – она и перелом тебе вправит, и шину наложит, и роды примет. Рану обрабо-

тает, вывих на место поставит, и ушибы лечит, и простуду, и другие хвори выгоняет.

– И много народу к ней идут?

– Да, поди, все.

– Вот как, – удивился Григорий. – Не обидится ли она на меня, что отберу у нее кусок хлеба?

– А она денег за лечение не берет! – серьезно пояснил дед Захар. – Говорит: «Даром Бог дал талант, даром и отдам»! Но народ, сами знаете, добродушный, за работу, кто картошкой, кто хлебом рассчитается, кто отрез на юбку или на платье принесет, кто побогаче, те и побогаче одарят. А копейку не возьмет ни с кого! Ни-ни! Если уж знатные какие заедут, сунут ей куда-нибудь денежку, она вскоре и раздаст людям.

– Праведница?

– Кто знает, Бог со всеми нами сам разберется, кто праведник, а кто колдун. А вот рассказывали люди: пожар в деревне начался, так все кричать стали, шуметь, за водой побежали, а огонь сразу на несколько домов распространился. Такое пламя занялось! Все бабы охают, ахают, а Глафира вышла, помолилась, пасхальное яичко в огонь кинула, и откуда пошел дождь никто и не понял! На небе ни облачка! Ни одной тучки! Так, дымка какая-то ленточкой, а дождь льет, как из ведра, и все погасил. Все сразу замерли и понять ничего не могут, огонь-то в одну минуту прекратился! Все смотрят на Глафиру, а она перекрестилась, на колени упала и сказала: «Слава Тебе, Господи»! Потом встала и ушла к себе в

дом. С тех пор люди ее стали еще больше уважать. Худого никому ничего не делает, только добро творит. А кто она праведница ли, знахарка ли, ведьма ли, как ее тут некоторые величают, Бог ей судья, а не я!

– Я не про то, – серьезно смотрел на него Громов, – просто... интересно, как человек без образования, может лечить такие сложные болезни или, например, переломы?

– Видно, Бог дал ей такой дар – лечить и помогать людям. Горя-то у людей нонча больно много! Куда бедному люду податься? Вот и идут к ней за помощью. Но женщина она верующая: все обедни посещает, всю службу отстоит, на причастие ходит, на исповедь. А это значит, батюшкино благословление у нее тоже имеется.

– Вот и мне надо бы батюшкино благословление спросить на мою деятельность.

– Тут обязательно надобно! – одобрил его решение дед Захар. – Без благословления никак не получится! А-то... не заладится у вас работа. Вы уж сходите к бабушке-то!

– Обязательно схожу, – согласился с ним Григорий.

Старик налил горячего чая, позвал спящего у сторожки Михаила, и они втроем уселись по лавкам за стол и принялись чаевничать.

Уже после полудня барин распрощался со старым слугой и вместе со Старостиним, отправились в обратный путь. Они долго ехали молча, он вспоминал разговор со стариком, а сам все думал о своей работе. Одно дело учиться, другое

дело братья лечить человека и брать на себя ответственность, и за него, и за его выздоровление, и за его жизнь. На душе было беспокойно. Какая-то бабушка, без какого-либо образования и без всяких на то знаний, лечит все хвори и травмы, а люди идут к ней, просят о помощи, и она никому не отказывает. А он взрослый мужчина, не один год учившийся то в России, то за границей, все еще чувствует себя не совсем уверенно.

Мужчины подъехали к Белогорью. Старостин распрощался с ним, и на все уговоры заехать в их имение, уверенно отвечал:

– В другой раз. Притомился маленько. Да и голова после дубины болит, – признался он честно.

– Ты полежи пару денечков, увидишь, сразу станет лучше.

– Пожалуй, так и сделаю.

Они пожали друг другу руки, Михаил дернул за поводок, повернул коня и отправился до дома. А Григорий решил проехать по селу и свернул вправо, стараясь двигаться ближе к реке. На душе было хорошо и спокойно. Он тихонько подергивал за уздечку, а Буян весело шагал по тропинке в сторону барского поместья.

Было по-летнему жарко. По небу плыли легкие облака. Слегка дул южный ветерок. Погода все эти дни стояла теплая, и на душе мужчины было тепло и хорошо.

Проезжая лугом вдоль реки, Громов издали увидел на мостике девушку. Она тщательно полоскала белье, потом про-

ворно отжимала его и складывала в корзину. Затем вновь брала тряпку, склонялась к реке и вновь лихо отполаскивала её в проточной воде. Он пригляделся и узнал в ней Веру. Проехать мимо неё он никак не мог и сразу же завернул коня. Подъезжая совсем близко, барин осторожно спрыгнул на землю, взял Буяна за поводок и уверенно шагнул к девушке.

Вера не сразу его заметила, она была увлечена своей работой, лихо отполаскивала тряпку за тряпкой, а сама что-то весело напевала себе под нос. Оглянулась она только тогда, когда Буян ступил в реку и от его ног по воде пошли большие круги.

Карнаухова вздрогнула, резко обернулась и спешно выпрямилась во весь рост, прикрывая лицо мокрой тряпкой. А сама затихла, разглядывая барина, словно видела его впервые.

– А я еду и думаю: кто это здесь так красиво напевает? – с улыбкой сказал мужчина.

– Ой, барин, шли бы вы отсюда, – в испуге отозвалась она и бросила рубашку в корзину.

– Почему?!

– Что люди подумают, – заволновалась пуще прежнего девчонка и стала собирать белье, намереваясь немедленно уйти.

– А что могут люди подумать? – смотрел на нее Григорий с нежностью и любовью. – Ты молодая красивая девушка, я молодой мужчина, причем холостой! Разве мы не можем вот

так остановиться и поговорить?

– Нет.

– Почему?

– Вы дворянин и этим все сказано, – смело изрекла она и взяла корзину в руки. – Или вы уйдете, или я, не дополоскав свое белье.

Григорий Владимирович с восхищением разглядывал ее всю, а сам не удержался и сказал:

– Какие у тебя глаза красивые! Разве можно пройти мимо таких глаз, мимо такой красоты?

Вера быстро поставила корзину обратно на мостик, склонилась в реку, достала со дна немного ила и натерла им себе щеки. Потом встала, резко повернулась к нему и дерзко спросила:

– А так?

Громов усмехнулся, наблюдая за ее действиями, и тотчас заявил:

– Такую красоту ничем не замажешь! Да и зачем ее замазывать и прятать? Ее надо украшать дорогими камнями и украшениями.

Девушка вновь склонилась к воде, быстро умылась, утерла лицо рукой, потом убрала косу назад и тихо попросила:

– Ой уйдите, барин! Не хватало мне еще позора на всю округу.

– Ах, Вера-Вера, почему ты меня избегаешь? – с грустью в голосе спросил он.

– Сказала же вам: вы барин, а я босая крестьянка! И не о чем нам с вами разговаривать.

– Я сегодня понял, что ты очень умная девочка, и с тобой приятно общаться. Ты много знаешь о людях, о жизни. Словно тебе не шестнадцать лет, а ты совсем взрослая.

Озираясь по сторонам, Вера заметно волновалась.

– Уходите, прошу вас, люди кругом. Братья увидят, совсем худо будет...

– А если бы они нас не увидели? Ну скажем... никто? Ни люди, ни братья, ты бы со мной поговорила?

– Нет.

– Почему?!

– Вы взрослый мужчина, дворянин. Ищите для разговоров барышню из своих поместий или из соседних. Сыщите себе ровню.

– Мне с ними скучно, – признался он и мило улыбнулся, наблюдая, как девушка готовится дать ему очередной словесный отпор.

– А вам веселья хочется?! – с укором ответила она.

А сама смотрели на него черными обворожительными глазами, но такими чистыми, такими светлыми и, казалось, по-детски наивными.

– Хочется, – честно сознался Григорий.

– Так ищите его в другом месте! А у меня работы слишком много! Мне еще грибы варить, да солить! Да вашей маменьки рушники и салфетки вышивать! – выпалила Карна-

ухова и попыталась его обойти.

Но Громов преградил ей выход с мостика, и Вера резко отошла назад, думая, как теперь от него отвязаться.

– Маменька рушники и салфетки вышивает для свадьбы, хочет меня женить, – с улыбкой говорил он, а сам не сводил с неё своих счастливых глаз. – А я ещё невесту себе не выбрал.

– Ваше право. Барышень в барских поместьях очень много. А не выберете здесь, так в городе найдете. Я бывала на базаре с папенькой, так там столько красивых барышень ходит, просто не счесть!

– А если в нашем селе поискать? – задал вопрос мужчина и насторожился.

– В нашем Белогорье тоже девчат красивых много, но все они не барского рода. Неужели вы станете брать в жены неровню себе?

– Но даже короли бросали свое царство и уходили вслед за любимой девушкой, – не сдавался он. – Я не король и бросать мне нечего.

– И вы согласитесь жить с любимой в шалаше?

– С такой красавицей как ты, где угодно соглашусь жить!

– А разве... в красоте только дело? – повела она бровями, вопросительно глядя на него. – Видите красоту внешнюю, а что внутри человека не знаете. С кем судьбу свою связать хотите? Не боитесь ошибиться и сгубить свою жизнь и жизнь барышни, которая вас не будет любить?

– Позволь узнать тебя, – засмотрелся на нее барин, – поз-

воль быть рядом.

– У меня к вам есть одна большая просьба, пожалуйста, выполните ее? – загадочно попросила его Вера.

– Для тебя сделаю все, что ты только не попросишь! – развел руками Громов, надеясь на продолжение разговора.

– Тогда забудьте меня! – резко выдала она и быстро спрыгнула в реку.

Там спешно прошла по воде, обошла барина, ступила на берег и стала быстро удаляться в сторону дома. Подол ее длинной юбки сильно намок, но девчонка совсем этого не замечала. Она хотела одного: поскорее скрыться с глаз мужчины, который стоит и смотрит ей вслед. А он смотрит, и она чувствовала это всей своей спиной.

Григорий повернулся и еще долго смотрел на нее, наблюдая, как она поднималась по протоптанной тропинке в гору, спешно убегая от него.

Слова этой чудной девчонки еще долго звучали в его ушах: «Тогда забудьте меня»! Вновь и вновь вспоминал он упреки Веры. А сам медленно ехал к своему поместью, но уже знал и был уверен, что с этой девочкой он готов жить, и в шалаше, и в барских хоробах, и где она только не пожелает, лишь бы всегда была рядом с ним.

Глава 10. Ссора

После той встречи с барином на водопое, Вера успела поссориться с Ваней. Он пришел к ней вечером, когда уже заметно темнело, вызвал ее через Филиппа, а сам стоял за акацией, что росла у дома, и ждал появления любимой.

Она не заставила себя ждать и уже вскоре показалась в дверном проеме. Там огляделась по сторонам, увидела сердечного друга и бегом кинулась к нему.

Из окошка выглянула Полина и азартно выкрикнула:

– Жених и невеста, тили-тили тесто! – дразнила она влюбленную пару. – Жених и невеста! Жених и невеста!

– Я тебе! – погрозились на нее шепотом Вера. – Быстро спать! Получишь у меня!

– Ой, ой, как я испугалась! – не уступала девочка, зная, что ничего она от нее не получит.

Влюбленная пара медленно отошла к качелям, что были смастерены тут же у дома на раскидистом дереве.

Карнаухова присела на них, а Ваня взялся ее раскачивать, а сам не удержался и устроил ей допрос:

– Почему ты мне не сказала, что встречалась с барином?

– Не хотела тебя обидеть.

– Мы же договорились, что станем друг другу рассказывать всё без утайки.

– Вань, что я такого сделала, что ты на меня обиделся? –

ласково отвечала она. – Я шла по лесу из Воронино, а тут он мчится! Я хотела уйти от него, а он пристал: как зовут? чья такая? почему одна хожу по лесу»?

– Ты могла мне рассказать про вашу встречу?

– Могла. И собиралась это сделать. Но барин опередил, и получилось глупо. Я даже имени ему своего не назвала. Думаю, зачем? Все равно не увидимся больше.

– Как ты не понимаешь, он здесь хозяин и как прикажет, так и будет!

– Ванечка, он не может приказать мне разлюбить тебя, – смотрела на него застенчиво Вера.

– Приказать не может, – вздохнул в ответ Никулов, – а вот разлучить – это в его праве. Вот сосватают тебя за другого.

– А я убегу! – противоречила ему девушка.

А сама встала с качелей, шагнула к нему ближе и тихо шепнула:

– Давай не будем говорить про него, смотри какая ночь чудная.

– Ты не понимаешь, – возмутился в ответ парень, – он может все! Все в его власти!

– Он не может приказать моему сердцу, – стояла на своем Вера.

– Ты еще глупенькая и не понимаешь, что все враз может оборваться!

– Не надо называть меня глупой, я тоже могу обидеться, – отозвалась она и отвернулась в сторону.

– На что?!

– Другой дороги из Воронино нет! Мне что, по болоту надо было возвращаться, чтобы с бариним не встретиться? Так я не знала, что он там будет!

– Ты обещала все рассказывать мне!

– Ну прости... не успела... – виновато протянула девушка и повернулась к нему.

– Ты обманула меня! – сыпал упреки Иван.

– Ванечка, давай не будем ссориться из-за какого-то барина... – отвечала она, надеясь загладить свою вину.

– Ты раньше никогда меня не обманывала. Я так думаю, неспроста ты все умолчала.

Вера зашла от обиды и, негодуя, высказалась:

– Интересно! И что же это я умолчала от тебя?

– Тебе лучше знать, – сказал Никулов и повернулся, чтобы уйти.

– Ваня! – вскрикнула девчонка, пытаясь хоть как-то оправдаться перед другом. – На что ты обиделся?

А сама шагнула за ним, быстро догнала его, взяла за руку, пытаясь остановить. Но тот резко отдернул свою руку и стал спешно удаляться в сторону дороги.

– Ну и иди, иди! Скатертью тебе дорога!

Никулов ничего не ответил и даже не оглянулся, а шагал уверенно и быстро, словно хотел уйти от нее навсегда.

Он подошел к дому, по тропинке прошел к сараю, что стоял рядом, спешно забрался на сеновал и улегся на пахучее

сено, намереваясь уснуть. Но ничего у него не получилось и эту ночь он провел в тревожных думах. В душе понимал, что по-своему Вера права, и куда ей деться, если повстречала на дороге барина. Он уже сожалел, что наговорил ей обидных слов, и понимал, что своими подозрениями и намеками больно ранил ее сердечко.

Несколько дней они не встречались и не разговаривали. А сердце девушки разрывалось от таски и печали по сердечному другу. Она сидела в доме, никуда не выходила, и даже шитье и вышивание у нее не шло в эти дни. Она то палец иглой уколёт, то нить оборвется не вовремя, то что-то пришьет не той стороной. Было дело, девушка доходила до слез, а сама все поглядывала за окошко, в надежде увидеть там своего любимого Ванечку.

Скучал по ней и Никулов, он ходил угрюмый, не разговорчивый, и ждал, когда она подойдет к нему первая и предложит перемирие.

Ближе к вечеру Карнаухова совсем затосковала по сердечному другу. Она резко отложила шитье в сторону, надела самое красивое платье, переплела косу, достала из сундука туфельки и счастливая вышла из дома. Останавливать ее никто не стал. Антонина Павловна видела настроение дочери и давно догадалась, почему оно было у нее испорчено.

Вера быстрой походкой добралась до луга, где уже собралась большая часть молодежи, и сразу подошла к подружке. Но Маруся тут же отвела ее подальше ото всех и тихо шеп-

нула:

– Ваня здесь! Мириться будешь?

Та пожалала плечами и украдкой взглянула в его сторону: тот стоял с ребятами и делал вид, что ее совсем не замечает.

– Давай потом, – в расстроенных чувствах, проговорила она.

– Как знаешь, – согласилась Грачева, – тогда пошли играть.

Девчонка покорно побрела за ней и стала рядом со всеми. Парни разожгли костер, весело затрещали сучья, разгораясь все сильнее и сильнее, и вот в небо уже взмыло большое яркое пламя, а на лугу сразу же стало светлее.

Где-то совсем рядом заиграла гармошка и одна из девушек запела песню:

В роще девки гуляли,

Калина ли моя, малина ли моя!

И весну прославляли,

Калина ли моя, малина ли моя!

Девку горесть морила,

Калина ли моя, малина ли моя!

Девка тут говорила:

Калина ли моя, малина ли моя!

– Я лишилася друга,

Калина ли моя, малина ли моя!

Вянь, трава чиста луга,

Калина ли моя, малина ли моя!

Не свети ты, день красный,

Калина ли моя малина ли моя!

Не плещите вы, воды,

Калина ли моя, малина ли моя...

Вера отошла в сторону и стала искать цветы. В сумерках надвигающейся ночи она с трудом разглядела, где можно нарвать ромашек, но все же умудрилась набрать целый букетик и вернулась обратно к костру. Там опустилась на землю и стала плести веночек на голову. Она складывала цветок к

цветку, вплетая его, и вскоре получился красивый венок. Девушка и не видела, как сзади к ней подошел барин. Мужчина долго наблюдал за ней, потом склонился и тихо попросил:

– А мне сплетешь такой же?

Карнаухова вздрогнула, окинула его строгим взглядом, ничего не ответила, а только приподняла подол своей длинной цветастой юбки, спешно встала и пошла от него вокруг костра. Она подошла к Ване, долго смотрела ему в глаза, а потом медленно надела на парня веночек и тихо шепнула:

– Прости.

– Давно простил, – радостно отозвался Никулов, глядя в ее большие карие глаза.

Громов со стороны наблюдал за ними, с трудом справляясь со своим волнением. Ему было неприятно, что Вера при всех дала отворот поворот, и никому-то, а самому барину, и ушла к его конюху. К нему спешно подошла одна из девушек и пригласила его играть в жмурки. Григорий Владимирович, не раздумывая, согласился. Он понимал, что появился здесь не совсем вовремя, и жалел, что уехал тогда от гостей в лес. Возможно, он не встретил бы эту юную особу и не полюбил ее так сильно как сейчас. Видеть любимую девчонку рядом со своим конюхом было больно и обидно, но уходить мужчина не торопился.

– Теперь барин водит! – услышал он девичий голос и ему тут же завязали платком глаза.

Громов знал эту игру и без промедления стал догонять

девушек, которые дразнили его и со всех сторон хлопали в ладоши. Он какое-то время пытался поймать хоть одну из них, но те уворачивались от него, убегали и вновь поддразнивали, хлопая то сбоку, то сзади, то спереди. Но вот Григорий уверенно догнал одну из них, схватил ее в свои объятия, резко снял платок с глаз, посмотрел на нее и ахнул: в его руках была Вера.

А со всех сторон уже кричали:

– Поцелуйте ее!

– Барин, целуй ее крепче!

– Да он не умеет! За граничкой разучился! – задорно хохотали девчата, обступив их полукругом.

Он долго смотрел в глаза девчонке, но целовать не спешил и боялся ее отпустить.

– Ой, была бы я сейчас на Веркином месте, я бы барина всего зацеловала! – выпалила одна из девушек.

А Карнаухова залилась ярким румянцем, заволновалась, стала вырываться из его крепких рук, потом поняла, что это бесполезно и только тихо попросила:

– Отпустите меня, пожалуйста...

Он знал, он был уверен, что Никулов где-то рядом и должен все это видеть. Казалось, вот он удобный момент – отомстить и посеять очередной раздор между этой парой. Но сам, не зная почему, медлил выполнить условия игры.

– Целуйте! Ну, что же вы? – кричали девчата.

– Говорю же: за граничкой нецелованный ходил, вот и ра-

зучился! – вновь выпалила Люба.

– Там их фрау тоже не умеют целоваться! Не обучили ба-
рина энтому делу! – задорно выкрикивала Пелагея, разгля-
дывая Григория с головы до ног.

Громов улыбнулся и тихо пояснил:

– Я потом поцелую.

– Все, Верка, за барином должок! – громко выкрикнула
Оля и подошла к ним.

Она стала рядом и недовольно произнесла:

– Так нечестно! Нам тоже не хочется целоваться с ребята-
ми, а мы целуемся! Взялись играть, будьте добры выполнять
условия игры!

Мужчина, не отрываясь, смотрел в глаза Веры и уже хотел
поцеловать ее, но девушка вновь шепнула:

– Нет... – и залилась румянцем пуще прежнего. – Пожа-
луйста...

А сама отвела взгляд в сторону и боялась даже смотреть
на него.

– Ну же, барин! – напирала на него одна из девиц. –
Неужто такой робкий? Аль, некому было учить вас такому
делу?

– А-то мы враз обучим! – выкрикнула из толпы вторая, и
все громко засмеялись.

Он нехотя выпустил Веру из своих объятий, она спешно
отошла в сторону, еще раз взглянула на него, потом повер-
нулась и бегом бросилась к селу.

Но Григорий Владимирович никак не мог понять, как девушка могла оказаться в его объятиях? Они стояли с Ваней в стороне и совсем не собирались играть. Что могло случиться, когда ему завязали глаза? Каким образом она оказалась рядом с ним? И куда подевался Ваня?

– Кажись, глянулась нашему барину Верка! – выкрикнула одна из девушек.

– Ой смотри, барин! Веркины глазища вас до омута доведут! – упредила его Глафира и повела своими черными бровями, давая понять, что играть в любовь в этом случае очень даже опасно.

Он смотрел в темноту, куда только что убежала взволнованная девчонка, и приятное волнение окутывало его душу. Теперь она его должница, а это значит, что рано или поздно, он требует с нее свой обещанный поцелуй.

А случилось то, что одна из девушек давно полюбила Ваню и завидовала влюбленной паре нехорошей завистью. Та сразу заметила, как смотрит барский сынок на Веру, и как только началась игра, она подговорила одного из парней отвлечь Никулова, а сама подтолкнула Карнаухову играть, и сделала это в тот момент, когда девушка была занята своими мыслями и не понимала, что от нее хотят. Вот и попалась она в его объятия.

Вера в темноте бегом бежала до села. Она совсем не хотела ни с кем говорить, даже с Ваней. Он так неожиданно ушел

от нее, оставив одну. А тут этот барин со своими поцелуями. Она почувствовала, как на лице выступил яркий румянец, поняла, что совсем засмушалась, и хотела только одного – поскорее ото всех спрятаться. А в ушах еще гремел смех и упреки Оли: «Нам тоже не хочется целоваться, а мы целуемся!» А следом слова Григория: «Я ее потом поцелую».

Она прибежала к дому, у калитки перевела дыхание, оглянулась назад, никого там не увидела и уже спокойнее вошла в сени. В темноте столкнулась с братом:

– Верка, ты? – спросил ее Филипп.

– Я, – ответила девушка, все еще тяжело дыша.

– За тобой что, кто-то гнался? – услышала она его тревожный голос.

– Да нет, одна шла, страшно стало.

– Я на луг, – сообщил ей Филипп и заспешил на улицу.

Вера тихонько вошла в горницу, стараясь никого не разбудить, подошла к своей кровати, быстро разделась, спешно забралась под одеяло и затихла. Спать совсем не хотелось. Она вспомнила жмурки, глаза барина и колкие слова подружек. По правилам он должен был ее поцеловать. Но почему не сделал этого? Он так смотрит на нее, где бы они не встретились, а тут такой момент, и мужчина нарушает условия игры. Но зачем? Не хотел ссорить их с Ваней? Глупо! И теперь она будет должна ему поцелуй? «Нет»! Пронеслось у нее в голове. Она жутко не хотела с ним видаться, избегала его, не желая лишний раз столкнуться где-нибудь неожиданно. А

с этого случая вообще боялась с ним встречаться, понимая, что тот станет требовать свое, и кто знает, во что выльется вся эта игра в жмурки. Но очень сильно она была обижена на Ваню. Они только что помирились, а он взял и оставил ее одну. Такого она снести не могла, ведь тогда и барина с его поцелуями рядом с ней не было бы.

На следующий день Карнаухова всячески избегала встречи с Ваней. Он ждал ее у изгороди в их местечке, где они любили встречаться и прятаться ото всех – в зарослях густой акации. Но девушка так и не вышла. Не появилась она и вечером на лугу у костра.

А вот барин туда вновь пришел, был в хорошем настроении и охотно играл с девушками в их игры. Получилось так, что он оказался рядом с Грачевой и, не раздумывая, тихо спросил:

– Маруся, а что твоя подружка не пришла сегодня?

– Дел много, – весело отозвалась та.

– Какие же могут быть ночью дела? – с нескрываемым интересом смотрел на нее Громов.

– Наверное, вас стесняется.

– А что же меня стесняться?

– Она же вам теперь поцелуй должна. Вот и боится! – весело отозвалась Мария. – А интересно, почему это вы ее в тот раз не поцеловали? – спросила она и улыбнулась. – Вот других девушек целуете, а ее нет.

– Она меня об этом попросила, – честно признался он. –

Здесь у нее жених был, наверное, не хотела с ним ссориться.

– Ой, какой вы правильный! – озорно упрекнула его девушка. – Надо правила игры выполнять, а не думать о том, о чем вам не надобно думать! Это игра и все в нее играют честно!

– Обещаю исправиться, – заверил ее мужчина.

– А как там Михаил поживает? – вспомнила она про Старостина. – Голова у него не болит после моей палки?

– Вроде, всё в порядке, – с улыбкой ответил Григорий, – жалоб не поступало.

– Да ему просто стыдно! – догадалась Грачева. – Ладно бы если парень какой ударил, а-то девчонка огрела. Вот и прячется теперь от меня и Верки.

– Вы уж больше не обижайте его.

– А что он везде лезет? – стала жаловаться на него Мария. – Куда мы, туда и он. А когда гадать начинаем, так он нам все обязательно испортит. Вот и получил за то. Как говорится: и на старуху найдется проруха! Пусть гуляет с девицами вашего круга. А раз пришел к нам, то играй по нашим правилам. А-то враз охоту отобьем!

– Обещаю впредь соблюдать все ваши условия, – уверял ее Громов, понимая, что эти же упрёки были адресованы и ему.

Где-то совсем рядом заиграла веселая гармошка, девушки сразу бросились плясать, а в темноту летели частушки, одна интереснее другой.

Белогорьевских ребят,
Можно издали узнать
Если чубчик на бочок,
То Белогорьевский дурачок!

Пропела одна из девушек. Но тут в круг вышел парень, он не мог стерпеть таких оскорблений и решил защитить себя и всех парней Белогорья. Он стал азартно выплясывать, притопывая каблучками и прихлопывая ладошками себе по коленям и ногам, и быстро пропел частушку:

Девки, пойте, девки, пойте,
Девки, веселитесь!
Три копейки вам цена,
Хоть вы обпляшитесь!

Тут настала очередь давать словесный отпор девчатам. Оля лихо отплясывала перед парнем и, покачивая плечами, пошла на него с частушкой:

Девки стоят три копейки,
А ребята целый рубль,
Как задумают жениться,
Трехкопеечных берут!

Гармонист весело перебирал клавиши и подзадоривал молодежь:

– А ну, мужики! Не подводить! – а сам на всю растягивал гармошку и вновь собирал ее обратно.

Но девчонки не дали им спеть, и Маруся перебила своей частушкой:

А Белогорьевских ребят,
Можно издали узнать,
Руки ноги колесом,
Две сопелки под носом!

Громов не удержался и весело рассмеялся, глядя то на девчонок, то на ребят, которые стояли чуть в стороне и, подбоченясь, кидали обиженные взгляды в сторону своих подружек. Он был рад, что пришел сюда, ведь ему теперь здесь жить и работать, и вот эту молодежь он должен будет лечить. А какие они, ему предстоит еще узнать. И именно здесь можно всмотреться и понять, как живут люди и чем.

Летела частушка за частушкой, все азартно хлопали в ладоши, а девчата пустились в перепляс с парнями. Но те быстро выдыхались и уходили с круга. На их место становились другие ребята, но и они вскоре удалялись на задний план.

А мне милый изменил,
Я сказала: ох ты!
У тебя одна рубаха
Из матерной кофты!

Пропела Ольга и стала выплясывать перед парнем, поддразнивая его всем своим видом.

Белогорьевские ребята
Чисто лебеди сидят,
Рубахи белые надели,
Шеи грязные торчат!

Вторила ей подружка, понимая, что такими высказываниями сильно обижала всех парней Белогорья.

Хлопцы заметно злились на них и вынашивали план мести. Они поправляли свои картузы и ремни, угрожающе выступали вперед, желая хоть как-то заставить тех замолчать.

Но тут гармонист устал играть и разом свернул гармошку.

– Все, хватит! – сказал он и отставил гармонь в сторону.

Девушки весело засмеялись, поглядывая в сторону парней, а те стали сыпать в их адрес угрозу за угрозой:

– Пойдете домой, мы вас подкараулим у акации! – грозился один из них.

– Пожалеете, что пели про нас такие частушки! – угрожал уже второй.

– Ой, – махнула на них рукой Маруся, – волков бояться в лес не ходить! Вы спросите Мишку Старостина, что с ним было, когда он пожелал нас напугать!

Громов усмехнулся, а сам еще долго стоял на лугу, вслушиваясь в слова и частушки молодежи. Потом решил, что уже пора идти до дома, а-то скоро пропоют первые петухи, проснутся родители и обнаружат его отсутствие. Он повернулся и медленно побрел в сторону имения. А от реки еще долго доносился смех и крики, там продолжала веселиться и гулять задорная молодежь. Григорию стало грустно. Его сердце тосковало по любимой девушке. Да-да, именно любимой! И теперь Громов в этом был уверен. Он влюбился в

Веру с первого взгляда и не мог этого отрицать. Он видел, что сердце девушки тоскует по конюху. Но он барин и может враз все изменить. Можно отправить Ваню на хутор или в город, а самому заслать к ней сватов. А что если Никулов зашлет сватов раньше? Просватанную невесту нельзя сватать, тогда ему точно откажут, и он останется один на один со своей любовью и переживаниями. Да к тому же, скорее всего, родители станут его отговаривать и подыскивать ему невесту побогаче. Но не нужна ему богатая, а нужна ему любимая и заботливая, а еще умная и преданная жена. А Вера умнее всех умниц на свете. Он шел в темноте по тропинке и думал: «Как уговорить маменьку заслать в дом Карнауховых сватов»? Вскоре вышел к своему поместью, медленно подошел к дому, но спать ему совсем не хотелось. Барин шагнул к лавочке, что стояла под окошком, опустился на нее и затих.

Ярко светила луна над головой. Небо все сплошь усыпано яркими звездами. Где-то запел первый петух, и мужчина сразу встрепенулся, понимая, что дед Никодим и старый слуга Пантелей встают с первыми петухами, а значит, они сейчас проснутся и увидят его здесь. Он медленно встал и осторожно пошел в дом...

Глава 11. Дом портнихи

Наутро он проснулся рано, не стал нежиться в постели, а быстро встал и решил поговорить с маменькой насчет его кабинета. Он оделся, вышел в парадную и тут же столкнулся с Варварой. Девушка мило улыбнулась ему и радушно поприветствовала:

– Доброе утро, Григорий Владимирович. Вас барыня ждет на веранде, там завтракать изволили.

– Доброе утро, – поприветствовал ее Громов. – Что у нас на завтрак?

– Запеканка с изюмом и сметаной, а еще каша с молоком и омлет.

– Ты меня закормишь, я толстым стану, – пошутил он и пошел на веранду.

Там за столом уже сидела маменька и, просматривая свежую газету, ждала своего завтрака. Увидев сына, радостно проговорила:

– Гришенька проснулся! Доброе утро, сынок, – ласково сказала она и отложила «Московские ведомости» в сторону.

– Доброе утро, – ответил он и подошел к ней.

А сам склонился и поцеловал ее в щеку.

– Что пишут газеты?

– Так, всякую чепуху, – отговорилась женщина.

Он присел на стул напротив нее и, недолго думая, завел

разговор:

– Маменька, хочу попросить о помощи.

– Говори, что надобно, и я всегда помогу своему любимому сыну, – счастливыми глазами смотрела на него Анна Федоровна.

– Мне на кабинет нужно пошить шторы, скатерти, да салфетки. Понадобятся еще запасные халаты и нарукавники.

– Попрошу Антонину Павловну, она и сошьет, – пообещала барыня. – К какому дню нужно управиться?

– Чем скорее, тем лучше. Я намереваюсь начать принимать больных.

– Сейчас отзавтракаем, и пошлю за ней.

– А будет ли удобно, если я сам к ней съезжу и попрошу ее лично?

Женщина удивилась такому его желанию и попыталась возразить:

– Ты барин, прикажи, и все будет выполнено в срок.

– Не стану приказывать, хочу прогуляться и посмотреть, как люди живут, их жилище.

– Тогда... ничего неудобного здесь нет, – развела руками мать. – Она портниха занятая, заказов у нее всегда много, и лишний раз ходить по всем, тоже накладно. Но меня она не обижает. Всегда приходит, когда мне надобно, ни разу не отказала.

– Тогда... я загляну к ней сам?

– Хорошо, – согласилась она. – Но надо будет замер сде-

лать: какие шторы на окна, какие на дверь, каких размеров скатерти, мерку на халаты снять.

– Я ее сам попрошу.

Анна Федоровна кивнула головой и с улыбкой ответила:

– Попроси.

– Где найти ее дом?

– Они в конце села живут, ближе к большаку, – пояснила она. – Там у них дом стоит, а на окнах красивые наличники и ставни. Но прикажу Никодиму отвезти тебя к ней.

– Позволь мне самому? – тихо попросил её Григорий.

Барыня в недоумении пожала плечами и, вскинув высоко свои брови, сразу согласилась:

– Хорошо! – сказала она и замолчала.

В этот момент Варя принесла завтрак и стала все выставлять перед хозяевами на стол. Вкусно запахло свежим хлебом, творожной запеканкой и душистым чаем.

Молодой барин с аппетитом посмотрел на свой завтрак, весело подмигнул Варваре, от чего девушка улыбнулась и смущенно отвела взгляд в сторону, а он взял в руки ложку и принялся есть кашу.

Анна Федоровна украдкой наблюдала за сыном и понимала, что тот что-то от нее скрывает. Расспрашивать не стала, решила просто понаблюдать за ним, а выводы назреют сами собой, возможно чуть позже. Она видела, как светились его глаза, как отводил он их в сторону, боясь, что мудрая мать может что-то в них прочесть. Но на то она и мудрая мать,

чтобы все понять и взять на вооружение. Сам решил съездить в дом к Карнауховым, сам поедет на дрожках туда, сам попросит все пошить для него и все сам. «Что бы это могло всё значить»? Размышляла барыня. И тут ее вдруг осенило: «Вера! Неужели увлекся этой девчушкой? Но где они могли видаться? Или это только мои предположения»?

Говорить ничего не стала, только тихонько допила свой ароматный чай, поправила ажурные манжеты на своем нарядном платье, пожелала сыну приятного аппетита, встала из-за стола и удалилась в свои покои.

После завтрака Громов приказал подать ему экипаж, и уже вскоре, он ехал на пролетке по селу, разыскивая дом Карнауховых.

Вера сидела у окна и вышивала очередной заказ, проворно работая иглой.

Антонина Павловна занялась стиркой, и стоя на улице под окном у корыта, лихо отстирывала тряпку за тряпкой. Тут же складывала белье в корзину, чтобы потом пойти к реке и отполоскать его там в чистой проточной воде. Мужчин в доме не было, а маленькая Полина игралась во дворе в куклы, которые ей смастерила Вера из остающихся от пошива лоскутов.

Неожиданно перед домом остановилась барская пролетка, и Карнауховы разом вздрогнули. Женщина в испуге отложила стирку, медленно бросила тряпку в корыто, вытерла руки о фартук и пошла навстречу ему.

В этот момент Вера прильнула к окну, увидела Григория, и ее сердце забилося от волнения и страха перед встречей с ним. Прижимая к груди вышивку, на её лице застыл неподдельный испуг. Она быстро встала из-за стола и метнулась в комнату, стараясь скрыться от назойливого барина. Там спешно задернула за собой занавеску, как будто она могла ее сейчас спасти, а сама забилась на стул в уголок и затихла, прислушиваясь к каждому шороху, что доносился с улицы через открытые двери.

– Здесь живет Антонина Павловна? – спросил мужчина, подходя ближе.

– Здесь, – настороженно смотрела на него женщина.

– Я по вашу душу, – с улыбкой проговорил Громов и остановился перед ней.

А сам осмотрелся по сторонам, разглядывая, как они здесь живут.

– Если что надобно, могли бы прислать за мной. Я сама бы пришла к вам, – отозвалась Карнаухова.

– Ничего страшного, – успокоил он. – Я теперь, по роду своей деятельности, буду ездить везде, знакомиться с народом, смотреть, как живут люди, помогать им.

– Но... нам пока... Слава Богу, помощь врача не нужна, – пожимая плечами, ответила она.

– Зато мне ваша очень нужна! – добродушно отозвался Григорий Владимирович.

– Пройдемте в дом, – пригласила портниха и пропустила

дорогого гостя вперед, а сама пошла следом.

Уверенной и важной походкой мужчина вошел в горницу, остановился у порога и огляделся.

Следом зашла хозяйка и с ходу пригласила его к столу.

Громов принял предложение и сразу шагнул вперед. Он с ходу присел за стол у раскрытого окошка, а сам всё озирался по сторонам, осматривая их жилище.

В горнице было чисто и светло. Мастерицы не только шили людям на заказ, но и себя не обделяли рукоделием. Здесь и вышитые скатерти на столах, а их было два: один в центре комнаты, обставленный лавками, скорее всего, здесь вся семья собиралась в обеденное время, а второй у окна с рукоделием. На окнах ситцевые шторочки, расшитые по краям шелковой нитью. На образах вышитые рушники. Занавески на дверях и печи были подшиты ажурными, вязанные крючком, подзорами. Судя по дверям, комнат было три. В доме все было убрано и уютно. В углу стоял шкафчик с посудой и кухонной утварью. У печки лавка, на которой спал рыжий кот. Весь дом был устлан чистыми самоткаными дерюжками. У входа на стене красовалась большая вешалка, видно, хозяин сам постарался и вырезал ее из дерева. Получилось очень даже красиво. Под вешалкой были сложены плетеные корзины, их было много, скорее всего, хозяева приготовили их на продажу.

Антонина Павловна позвала дочь:

– Вера, выйди, у нас гости!

И обращаясь к барину пояснила:

– Чаем вас угостим.

Григорий насторожился, ожидая появления девушки. А Карнаухова присела за стол и тихо спросила:

– Что вас привело к нам?

– Видите-ли, – заговорил взволнованно он, – мне порекомендовала вас моя маменька. Я открываю свой кабинет, и мне надобно пошить шторы, скатерти, полотенца. Еще бы салфетки, и халат заказать у вас. И все надо пошить быстро.

– Отказать вам я никак не могу, хотя и так заказов много. Ваша маменька так добра к нам, к нашей семье, что отклонить просьбу самого барина, было бы с нашей стороны совсем некрасиво.

Из комнаты, словно павушка, вышла Вера: в длинной цветастой юбке, в тоненькой блузке, с коротким рукавом, а на груди красовалась ее знатная на всю округу коса. Её смуглая загорелая кожа придавала девушке красоты и изящности. Она мельком взглянула на Громова, поздоровалась с ним почти шепотом и застыла в дверном проеме, теребя в руках занавеску.

– Дочь, поставь самовар, напоим дорогого гостя чаем, – сказала Антонина Павловна и перевела взгляд на мужчину.

Тот хотел отвергнуть такое предложение, так-как только что отзавтракал, но посидеть за одним столом с Верой отказаться не смог.

Ступая босыми ногами по чистому деревянному полу,

девчонка покорно прошла мимо них, стеснительно опустив свои реснички.

Григорий залюбовался ее красивой походкой, ее осанкой, ее бесшумной поступью.

Вера подошла к самовару, потрогала его, сразу взглянула на мать и тихо сказала:

– Он еще горячий.

– Угости барина чаем, – вновь попросила Антонина Павловна.

Она тут же скрылась за занавеской у печки, а сама вслушивалась в слова, что доносились до нее от стола.

– Григорий Владимирович, – заговорила Карнаухова, наблюдая то за дочерью, то за барином своим умудренным жизнью взглядом, – для того чтобы шить, надо снять мерку. Полотенца можно пошить наугад, но все остальное надо бы замерить.

– Как скажете, – любезно согласился Громов. – Только вот... сам я не смогу этого сделать. Боюсь напутать что-нибудь. Может, вы сами?

– Конечно-конечно, – поддержала его слова женщина, – надо точно знать высоту и ширину заказа. Да и с вас снять мерку, чтобы пошить вам халат.

В это время из-за печки вышла Вера и подала угощения. Она выставила на стол малиновое варенье в глиняном горшочке, порезанный пшеничный хлеб на деревянной тарелке, большими кусками сахар в аккуратной деревянной плошке.

Потом ушла обратно и вернулась уже с кружками. Не глядя на Григория, одну поставила перед ним, а вторую перед маленькой, а сама заспешила за самоваром.

Антонина Павловна сразу смекнула, какими глазами смотрит на ее дочь молодой барин и не на шутку испугалась.

Вера вынесла баранки, накрутив их на самовар, и со всем этим вернулась к столу. Она сама разлила кипяток по кружкам, добавила туда заварку из трав и чая, пододвинула кружку барину и хотела уйти.

Но мать тут же ее остановила:

– Присядь, – сказала она.

Та покорно опустилась на лавку и молчала, глядя себе на руки.

– А Вера попьет с нами чаю? – спросил Громов, рассматривая юное и красивое личико девчонки.

– Я сыта, – ответила она, застенчиво пряча от барина глаза.

– А я думал: мы посидим, обсудим работу, а заодно и чаю поьем. Ведь за чаем говорится легче.

– Вы говорите, я слушаю, – тихо отозвалась она.

– Дочь, – обратилась к ней Антонина Павловна, – надо дойти до барина и принять у него заказ.

Вера резко приподняла голову, бросила испуганный взгляд на мать, потом на Громова и уже вновь смотрела на матушку. А сама взволнованно мотнула головой и, еле шевеля губами, умоляюще проговорила:

– Маменька, может, ты сама... А-то вдруг... я что-нибудь напутаю...

– Пойди прогуляйся. А-то совсем засиделась за работой, – ласково попросила женщина. – Так и зрение испортить можно.

– Зачем идти, я на дрожках, – отозвался барин. – Домчу туда и обратно.

– Нет-нет, – совсем смутилась девушка, и яркий румянец накрыл ее щеки, – я сама... – только и могла выговорить она и засмушалась пуще прежнего.

– Вы пейте чай, – предлагала Антонина Павловна, глядя на дорогого гостя, – а-то совсем остынет.

Григорий Владимирович взял кружку, вдохнул ароматный запах предложенного ему напитка, отпил немного и похвалил:

– Такой аромат! Такой букет трав!

– Это всё Вера нас балует, – призналась Карнаухова. – Они там с бабушкой вдвоем ходят за травами, сушат их, смешивают. Какие оставляют на лечение, какие на чай, какие для баньки попариться. Настойки лечебные делают.

– Ваша мама лечит травами? – осторожно любопытствовал Громов.

Хозяйка отпираться не стала, а уверенно заявила:

– Лечит.

– И какие результаты?

– На всё воля Божия, – вздыхая, ответила она. – Кому суж-

дено, тот вылечится, а кому нет, те так и останутся хворыми. Вот вы будете лечить лекарствами, и-то не все вылечатся.

Григорий Владимирович промолчал, понимая, что так оно в жизни и бывает.

– В вашей практике были случаи смертельного исхода? – внимательно смотрела на него женщина, теребя мозолистыми руками свою кружку.

– Были, – грустно признался он.

– Вот! Казалось бы, все есть: и знания, и лекарство, и умение. Но нет на то воли Божьей и нет человека.

– Я должен с вами согласиться, – покачивая головой, проговорил Громов и вновь взглянул на Веру.

В какой-то момент девушка заслушалась разговором взрослых, но под его пристальным взглядом, вновь потупила взгляд на стол.

– Моя мама стара становится, но хочет успеть научить всему внучку, передать свои знания. Ведь одна и та же трава, собранная в разное время суток, может вылечить или убить человека. Есть травы, которые надо собирать только до восхода солнца, трава, собранная после заката, несет яд. Вот мухомор, вроде ядовитый гриб, а настойками из него лечат больные спины, больные ноги.

– Как интересно, – отозвался барин, внимательно слушая портниху, – я изучал травы в городе и когда был за границей, но думаю... мне не мешало бы еще подучиться у вашей бабушки и... возможно... у Веры.

– Она не раскрывает своих секретов, – честно ответила Антонина Павловна и вновь взглянула на дочь.

– Вера, ты тоже знаешь травы? – спросил Громов, а сам не отрываясь разглядывал ее всю. – Бабушка уже научила тебя чему-нибудь?

Она пожала плечами, и не глядя на него, тихо ответила:

– Да. Я уже знаю, когда собирать, как сушить и какие травы от какой хвори.

– Это уже очень много! – порадовался барин. – И настойки готовить умеешь?

– Умею, – робко отозвалась девушка. – Очень важно ничего не перепутать... А-то можно загубить человека.

– А еще, – стала рассказывать Антонина Павловна, – мама много молится, перед тем, как взяться лечить больного. Поклоны кладет за него, на коленочках перед образами стоит. Без молитвы – это не лечение.

– Да, я, пожалуй, с вами соглашусь, без молитвы – это не лечение. Только молитвенник из меня никудышный, – вздыхая, признался он. – По воскресным дням к обедне хожу, да в большие праздники бываю в храме. А так, все времени не хватает. За границей был, так скучал по дому, по храму.

– Дом божий грех забывать, – строго напомнила женщина. – «Без Бога – не до порога», гласит одна мудрая пословица. И мы все должны об этом помнить.

– Думаю, после ваших наставлений, я обязательно исправлюсь. Уж больно вы убедительно все говорите, – с улыбкой

ответил он.

А сам похвалил хозяев за угощения и встал из-за стола.

– Благодарю за вкусный чай. И извините, что ничего не отпробовал у вас, потому что мы с маменькой только что от-завтракали.

– Вера, принеси метр. Я сниму мерки с нашего барина, – попросила Антонина Павловна, глядя на дочь, и тоже встала.

Девушка легко приподнялась с лавки и шагнула к столу, что стоял под окном. Там взяла тряпочный метр, тихо вер-нулась обратно и протянула его матери, и сама осталась сто-ять рядом.

Громов подошел ближе к портнихе, поднял руки, расстав-ляя их в стороны, и весело сказал:

– Как давно меня никто не обмерял.

Карнаухова взялась снимать с него мерки, а Вера тут же записывала все его обмеры на клочке бумаги.

Когда все было готово, он решил уточнить:

– И в кабинете тоже нужны замеры?

– Сегодня и сделаем, – пообещала женщина и перевела взгляд на дочь.

Та умоляюще взглянула на мать, намереваясь отговорить ее от такой затеи.

Но Антонина Павловна строго спросила:

– Когда сходишь?

– Маменька, может, потом... – взволнованно отозвалась девушка.

А сама с замиранием сердца слушала слова кормилицы, при этом никак не могла скрыть своего волнения, жутко стесняясь барина.

А он смотрел на нее, не отрывая глаз, и ждал, что она ответит. Ведь от этого зависело многое, а главное, он сможет требовать с нее тот долгожданный поцелуй. И он обязательно его потребует, только бы девчонка согласилась прийти к нему в дом.

Женщина понимала волнение дочери, знала, что дочка у нее очень красивая, и никакой барин не устоит перед такой красотой. Но в душе очень боялась, ведь к такой красивой невесте будет свататься не один жених. И кому отказать, а кому доверить свою любимое чадо, ей еще предстояло выбрать.

– Что же ты меня так боишься? – ласково спросил ее Григорий. – Я довезу тебя туда и верну обратно в целости и сохранности.

– Я сама... потом... чуть позже, – запинаясь, ответила ему Вера.

Он с умилением смотрел на эту смуглую девчонку и был безумно рад, что она придет к нему в имение. И очень надеялся дождаться этого момента. Настаивать не стал, было совсем неприлично давить на такую чудную красавицу, которая и так сильно переволновалась из-за его неожиданного визита в их дом. Он еще раз извинился и нехотя покинул их жилище.

Антонина Павловна поспешила следом за ним, чтобы проводить такого дорогого гостя, а Вера вздохнула с облегчением и медленно опустилась на лавку. Она уронила голову на стол и стала думать: как уговорить маменьку, чтобы в усадьбу к Грозовым сходила она сама.

Барин распрощался с хозяйкой, отвязал своего коня, уверенно забрался в дрожки и довольный поехал от дома Карнауховых в свое имение.

Женщина вздохнула с облегчением и спешно вернулась в горницу. От порога взглянула на Веру, подошла к столу, присела перед ней на лавку и молча смотрела на неё.

Девушка медленно подняла голову и ее печальные глаза сказали все сами.

– Маменька, пожалейте меня, – взмолилась она, – не хочу я идти к ним.

– Раньше ты туда с удовольствием бегала, – упрекнула ее Антонина Павловна, – подарки от барыни получала, возвращалась веселая от них. Платья себе новые шила из ее отрезков, так что подружки завидовали. А сейчас, что случилось?

– Ты же видишь, как он на меня смотрит... Боюсь, Ваня обидится...

– Ваня не муж тебе, чтобы обижаться! – строго напомнила мать. – А потом, это наша с тобой работа. Не будет барыня заказы делать, чем жить станем? Ведь большая часть заказов от нее идет.

– Маменька, не губи меня! – уговаривала ее Вера, а на

глазах выступили слезы. – Мне Ваня люб. Очень люб! – призналась она, умоляя смириться над ними.

– Не волнуйся, барин найдет себе ровню, – стала успокаивать ее женщина. – Это он так, на красоту твою позарился. А как дело до свадьбы дойдет, так матушка ему богатую невесту сосватает. Так что, твой Ваня никуда от тебя не денется.

Вера смахнула набежавшие слезы, помолчала немного, а потом обреченно спросила:

– Когда идти?

– Сейчас и иди. Негоже заставлять барина ждать. Тем более, что сам пожаловал и сам попросил.

Девушка встала из-за стола, взяла карандаш, кусочек бумаги, метр и покорно пошла к двери, понимая, что перечить матери бесполезная затея.

К тому времени Громов уже вернулся домой, передал коня слуге и радостный вбежал в дом. От порога огляделся, никого нигде не увидел, прошелся по залам, заглядывая в комнаты и на кухню, и решил поискать матушку на улице.

Анна Федоровна прогуливалась по саду. Она тихонько расхаживала в теничке под высокими раскидистыми деревьями и рассматривала цветущие розы, которых в барском саду было в изобилии, и что-то напевала себе под нос. Завидев сына, очень обрадовалась и, приподняв подол своего нарядного платья, заспешила ему навстречу.

– Маменька, – заговорил Григорий, подходя ближе, – я

позвал Веру к нам в дом, чтобы снять мерку с окон и дверей, для пошива штор. Ты не против?

– Чего же я буду против? – развела она руками. – Раз надо, так надо!

– А еще Антонина Павловна сняла с меня мерки и пошьет мне белый халат, – радостно сообщил он, а сам сорвал цветок и понюхал его.

– Вот и ладненько! – отозвалась добродушно барыня.

– Может, ты встретишь Веру сама?

Вскинув удивленно брови, женщина взглянула на сына, подумала о чем-то, но тут же согласилась:

– Хорошо, – произнесла она, пожимая плечами.

– Тогда пойдем в дом, она сейчас придет, – попросил Григорий совсем тихо.

Анна Федоровна мило улыбнулась, не совсем понимая волнение взрослого наследника, и тихонько пошла по тропинке, сквозь буйно цветущий розарий. Она знала, Вера слишком красивая девочка, и сын не просто так волнуется. Устоять перед такой красотой, надо иметь хорошую силу воли. В голове крутились мысли, подтверждая догадки, которые пронесли утром за завтраком: «Наверняка, хотел увидеть девчонку своими глазами и увидел. А теперь волнуется, словно он и не барин, а какой-то дворовый мальчишка, и даже скрыть этого не может». Но не догадывалась еще барыня про то, что их единственный наследник был по уши влюблен в эту чудную девочку.

Вера не заставила себя ждать и вскоре появилась в поместье Громовых. Озираясь по сторонам, она медленно прошла через двор и остановилась перед ступеньками у самого входа.

Первой ее заметила Варвара и поспешила незамедлительно доложить о ее приходе барыне. Она вошла на веранду и объявила:

– К вам Вера, дочка портнихи. Звать?

– Зови, – спокойно попросила Анна Федоровна, поправляя рюшки на своем пышном платье.

Она сидела за столом с ажурным веером в руках и помакивала себе на лицо. Мельком взглянула на сына, хотя и держался он уверенно и спокойно, но мудрая мать заметила волнение в его глазах.

Григорий встал из-за стола и пошел сам встречать такую необычную гостью.

Женщина проводила его взглядом до двери, но останавливать не стала, решила понаблюдать, что будет дальше.

Вера робко вошла в дом, поклонилась хозяевам, а барыня с ходу пригласила ее к столу. Карнаухова прошла вперед, а мужчина уже шел за ней, рассматривая ее красивую стройную фигуру.

– Присаживайся, – указала Громова на стул.

– Я постою... дома за шитьем насиделась, – отказалась она и краем глаза уловила, как смотрит на нее молодой барин.

– Ну что ж, – сказала Анна Федоровна и встала, – пойдем

в кабинет, будем все мерить.

Она повернулась и пошла по комнате, на ходу поправляя свое платье, за ней следом поспешила и Вера, боясь остаться с Григорием наедине. За ними шагнул и барин.

Но тут в парадной появился дворецкий и прямо с порога громко объявил:

– Ваше светлость, там по вашу душу дед Пантелей пришел. Говорит, что срочно надо вас видеть.

Вскинув высоко брови, Громова строго спросила:

– Что ему надо?

– Не говорит. Сказал только: «Дюжа вас надобно»!

– Иди и скажи ему: сейчас выйду, – приказала она, и тот спешно скрылся за дверью.

Барыня повернулась, взглянула на Веру, потом на сына, вновь перевела взгляд на девушку и ласково попросила:

– Голубушка, обойдетесь без меня? Если что, Григорий Владимирович подскажет, что ему надо. А я сейчас вернусь.

А сама неспеша пошла к двери и вскоре скрылась за ней.

Барин внимательно следил за своей гостьей, он видел, как она смущалась, но как только маменька вышла, Вера заволновалась пуще прежнего. Он решил помочь ей успокоиться и тихим спокойным голосом предложил:

– Пройдем в кабинет. Он там, – указал мужчина рукой вперед и застыл в ожидании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.